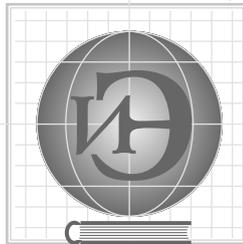

Российская академия наук

Институт экономики

Научное издание

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН

**ВЕСТНИК
НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ**

№ 3, 2009

Тематический выпуск

Институциональный анализ китайской модели:
теоретическая дискуссия и прогноз
(материалы круглого стола, Москва, ИЭ РАН,
16 апреля 2009 г.)

Москва 2009

ISBN 978-5-9940-0271-1

ББК 65.5

В-38

Институциональный анализ китайской модели: теоретическая дискуссия и прогноз: Материалы круглого стола, Москва, ИЭ РАН, 16 апреля 2009 г. / Под ред. С.Г. Кирдиной, Л.И. Кондрашовой // Вестник научной информации № 3. М.: Институт экономики РАН, 2010. — 165 с.

В сборнике представлены доклад и дискуссия по институциональному анализу китайской модели социально-экономического развития, вызывающей интерес не только в силу результатов, достигнутых КНР в ходе реализации этой модели, но и в силу «теоретической загадочности» выбранного пути. В мировой экономической науке до сих пор не сложилось согласованного понимания фундаментальных концептуальных оснований, объясняющих специфику и результативность развития китайской экономики. Это, в свою очередь, не позволяет оценить возможность переноса китайского опыта в практику других государств, осуществляющих реформы, в том числе и России. Приведенные материалы круглого стола по этой теме, состоявшегося 16 апреля 2009 г. в Институте экономики РАН, тестируют предложенную авторами основного доклада модель реформируемого китайского общества на основе теории институциональных матриц и определяют основания для позитивного использования опыта Китая при развитии российской экономики.

©
Институт
экономики РАН,
2010

©
Коллектив авторов,
2010

©
В. Е. Валериус,
дизайн,
2010

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН

**ВЕСТНИК
НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ**

№ 3, 2009

Вестник научной информации подготовлен в Отделении
международных экономических и политических
исследований ИЭ РАН

Главный редактор к.э.н. Шейнин Э.Я.

Москва 2010

СОДЕРЖАНИЕ

КИРДИНА С.Г., КОНДРАШОВА Л.И.

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
КИТАЙСКОЙ МОДЕЛИ: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ
ДИСКУССИЯ И ПРОГНОЗ**

Введение: актуальность
«Пекинского консенсуса» 7

**ЧАСТЬ 1. К ВЫБОРУ
ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА 13**

1. Возможные теоретические рамки анализа
экономических реформ в Китае 14

1.1. Цивилизационный подход 15

1.2. Подход с точки зрения дихотомии
«капитализм-социализм» 20

1.3. Возможности и ограничения применения
обоих подходов к анализу китайских реформ 25

2. Теория институциональных матриц и ее
эвристический потенциал 28

ЧАСТЬ 2. АНАЛИЗ КИТАЙСКИХ РЕФОРМ: ДВЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПЛАТФОРМЫ	37
3. История и содержание китайских реформ	38
4. Перспективы и прогнозы развития китайской модели	46
4.1. Направления развития в планах китайских реформаторов	46
4.2. Китайская модель как «социалистическая смешанная экономика»?	51
4.3. Китайская модель в зеркале теории институциональных матриц	54
Заключение: Китай и финансово-экономический кризис 2008—2009 гг.	59
РЕЗЮМЕ: 5 тезисов для дискуссии	60

КИРДИНА С.Г.

АКТУАЛЬНОСТЬ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ ПРИ ОБСУЖДЕНИИ КИТАЙСКОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ (УСТНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ НА КРУГЛОМ СТОЛЕ)	63
---	----

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ .....

72

КОНДРАШОВА Л.И.

КИТАЙСКАЯ МОДЕЛЬ В СВЕТЕ ДИСКУССИИ О КАПИТАЛИЗМЕ И СОЦИАЛИЗМЕ (УСТНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ НА КРУГЛОМ СТОЛЕ)	77
---	----

ДИСКУССИЯ .....

87

КОНДРАШОВА Л.И.

ПОСЛЕ ДИСКУССИИ: СУЩЕСТВУЕТ ЛИ КИТАЙСКАЯ МОДЕЛЬ И КАКОВО ЕЕ СОДЕРЖАНИЕ?	122
---	-----

КИРДИНА С.Г.

ПОСЛЕ ДИСКУССИИ: ВАЖНОСТЬ
КИТАЙСКОГО ОПЫТА ДЛЯ РОССИИ 141

ВИНОГРАДОВ А.В.

ПОСЛЕ ДИСКУССИИ: В ЗАЩИТУ
ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА —
ПОПЫТКА ПРИМИРЕНИЯ 151

КИРДИНА С.Г.,
КОНДРАШОВА Л.И.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ
АНАЛИЗ КИТАЙСКОЙ
МОДЕЛИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ
ДИСКУССИЯ
И ПРОГНОЗ

Введение: актуальность Пекинского консенсуса

2 апреля 2009 г. на закрытии саммита руководителей 20 крупнейших стран мира G20 в Лондоне премьер-министр Великобритании Гордон Браун заявил на итоговой пресс-конференции: «Вашингтонский консенсус исчерпал себя!». Тем самым не только противники, но и сторонники известных рецептов рыночных реформ подтвердили необходимость разработки новых программ экономического развития для стран, вставших на путь активных рыночных преобразований. Более того, речь идет о поиске новой философии, новой методологии реформирования, необходимого уже не только переходным экономикам, но и всему мировому хозяйству.

В условиях наступившего в 2009 г. глобального финансового и экономического кризиса особый интерес и пристальное внимание вызывают те страны, которые сохраняют поступательные темпы своего развития. Экономика Китая — один из таких примеров. Страна, добившаяся макроэкономической стабильности, активизации субъектов хозяйствования и высоких достижений во внешнеэкономической деятельности, сохраняет инновационную модель развития с высокими темпами роста и нормой накопления. В условиях мировой неустойчивости так называемый «Пекинский консенсус» и декларируемые им принципы очевидно демонстрируют свою жизнеспособность в сравнении с упомянутым выше Вашингтонским консенсусом, разработанным экспертами ряда западных стран во главе с США в 1990-е гг.

Выражение «Пекинский консенсус» принадлежит бывшему редактору журнала «Таймс» Джошуа Рамо¹. Он использовал это выражение для обозначения китайской модели модернизации. Ее особенностями являются ведущая роль государства в экономике, опережающий рост промышленности, резкое сокращение бедности и повышенное внимание к развитию науки и образования. Анализ этой модели многочисленными зарубежными исследователями показывает, что речь идет не только о совокупности определенных мероприятий, но прежде всего об иной системе приоритетов, об определенной методологии, реализуемой в процессе управления социально-экономическими процессами. Опыт Китая актуализирует философское и этическое измерение в дискуссиях по экономическим проблемам. Продолжается дискурс, заданный Нобелевским лауреатом 1998 г. индийским экономистом Амартией Кумаром Сенем² и многими другими экономистами, отмечающими значение культурных, нравственных и институциональных основ экономического развития.

В настоящем докладе предпринимается попытка анализа китайского опыта с точки зрения выявления методологических и концептуальных оснований проводимых в этой стране реформ. Выделение таких оснований имеет не только теоретическое значение, но позволит решать и практические задачи. Такое знание даст возможность не только удивляться уникальности китайской модели модернизации, но и извлекать из нее уроки, которые могут быть полезными для других стран, и прежде всего нашей России.

-
1. Салицкий А. Пекинский консенсус — смена вех в мировой экономике. 15.05.2007 <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1179211920>
  2. Сен А. Развитие как свобода: Пер. с англ. / Под ред. и послеслов. Р.Нуреева. М.: Новое издательство, 2004.

ЧАСТЬ

I

К ВЫБОРУ
ТЕОРЕТИЧЕСКОГО
ПОДХОДА

Философией называют не только «науку о наиболее общих законах развития природы, человеческого общества и мышления». Под философией понимают также «методологические принципы, лежащие в основе какой либо ... области знания», а также «сложившиеся убеждения по поводу чего либо», то есть общие концепции того или иного вида деятельности³. Именно в этих двух смыслах исследуется философия китайских реформ в настоящем докладе.

---

1. Возможные теоретические рамки анализа экономических реформ в Китае

Для того, чтобы определить такого рода общие методологические принципы, необходимо выбрать наиболее адекватные для решения нашей задачи теоретические рамки, используя известный исследовательский прием *epoche* (фр.)⁴. Другими словами, следует определить, какие из возможных

---

3. Большой толковый словарь русского языка / Сост и гл. ред С.А.Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. С. 1423.

4. Методологический прием *epoche* (фр.) — помещение в скобки или заключение в скобки аспектов действительности в методологических целях, то есть фиксация исследования только на определенных моментах, с признанием того, что существуют, но не принимаются во внимание другие аспекты. Например, при анализе структуры (институтов) «в скобках» остаются воля и ценности индивидов. Большой толковый социологический словарь. (Collins). В 2 т.: Пер. с англ. М.: Вече, 1999. Т. 2. С. 513.

теоретических подходов являются наиболее плодотворными для того, чтобы по существу охарактеризовать философию, основную концепцию, реализуемую в ходе китайских реформ. Подчеркнем, что речь идет не о концепции в смысле декларированных или вменяемых целей (авторами или исследователями реформ), а об основном векторе реально происходящих изменений, выраженных с помощью положений того или иного теоретического подхода. Такого подхода, который объясняет суть, оставляя за скобками (*epoche*) менее значимые для понимания происходящих изменений феномены.

Сначала проанализируем два наиболее распространенных подхода, две исследовательские парадигмы, часто применяемые в исследованиях китайских реформ. Во-первых, охарактеризуем содержание и возможности цивилизационного подхода. Во-вторых, представим анализ китайских реформ в поле понятий «капитализм-социализм». В заключительной части остановимся на результатах и ограничениях применения данных подходов при изучении китайской модели реформирования.

1.1. Цивилизационный подход

Цивилизационный подход оперирует понятиями цивилизаций, то есть базирующихся на общности культурных характеристик больших группировок людей и народов. Исследователи цивилизаций в XX в. (О. Шпенглер, А. Дж. Тойнби и др.) понимали цивилизации как локальные моно- или полиэтнические общности с выраженной социокультурной спецификой и выделяли исторические цивилизации — от древнеегипетской до современной западно-европейской. Основная смысловая нагрузка термина «цивилизация» заключалась в том, чтобы противопоставить идее глобального вектора эволюции человечества иную концепцию исторического процесса, на основе идей самоорганизации (и саморазрушения)

самодостаточных локальных цивилизаций. Такое понимание термина «цивилизация» сохранилось и в современной научной литературе. Содержание цивилизации составляет культурно-специфический социальный опыт, который передается «по наследству» от поколения к поколению. Цивилизация трактуется как «культурная целостность», как культура в широком смысле, характеризующая «ценности, нормы, институты и способы мышления, которым сменяющиеся друг друга поколения придают первостепенное значение»⁵. Цивилизационный подход учитывает историю развития народов, своеобразие присущих им явлений в социальной, политической, экономической жизни. Особое внимание уделяется характеристике основополагающих индивидуальных и общественных ценностей, присущих разным цивилизациям, особенностям ментальности населения, привычкам и нормам поведения. Цивилизацию определяют присущие ей общие объективные характеристики, такие как язык, религия, институты, самоидентификация людей.

Цивилизационные теории возникали с целью типологизировать, классифицировать многообразие множества характеристик жизни народов и государств в ограниченном, поддающемся осмыслению количестве теоретических феноменов. Количество цивилизаций, выделяемых разными исследователями, различно. Самая общая классификация делит мир на Восток и Запад как две противостоящие друг другу глобальные цивилизации. Наиболее популярная точка зрения состоит в том, что в этих цивилизациях принципиально различны набор ценностей, основания государственного устройства, отношение ко времени и пространству, восприимчивость к техническому прогрессу и т.д. Запад во главу угла ставит ценности личности, развития, свободного построения государства на основе добровольного объединения экономически самостоятельных субъектов в большие территориаль-

---

5. Хейне П. Экономический образ мышления. М.: Дело, 1992. С. 115.

ные общности, а также в большей мере характеризуется прогрессом в сфере науки и технологий. Восток же ориентирован на надличностные ценности того сообщества, в которые индивиды включены (семья, клан, государство), на сохранение стабильности, централизованного построения государства, поддержание культурных и производственных ценностей и т.п. Вот как определяет эти различия Э.С. Кульпин: в западной цивилизации «главных ценностей две: ценность-объект — Личность и ценность-вектор — Развитие. Они... охватывают основные ценности, в том числе ценности, условно, первого яруса значимости — Свобода, Равенство, Братство и второго — Труд, Эквивалент (эквивалентный обмен), Частная собственность и Закон (право), поддерживающие ценности первого яруса, обеспечивающие их воплощение в жизнь»⁶. Соответственно для цивилизации Востока «главные ценности — Государство (объект) и Стабильность (вектор), они поддерживаются триадами Мир, Порядок, Традиции (первый ярус) и Иерархия, Ритуал, Прошлое (конфуцианское) знание (второй ярус)»⁷. Представление людей о мире и о себе на Западе и Востоке — в известном смысле — зазеркалье⁸.

При этом если определение западной цивилизации географически более-менее понятно и очерчено (страны Европы и США), то Восток как цивилизация неоднороден. Если говорить о Китае, то он признается типичным представителем восточной цивилизации; отнесение к ней ряда других стран носит порой исторически преходящий характер. На наш взгляд, более точным будет сказать, что культурологическая дихотомия Запад—Восток противопоставляет Запад всему остальному «незападному» миру, для которого выбрано емкое, но не совсем географически корректное название.

---

6. Кульпин Э.С. Бифуркация Восток—Запад. М., 1996. С. 145.

7. Там же.

8. Там же. С. 153.

Известные и более дробные классификации. Наш соотечественник Н.Я. Данилевский в прошлом веке выделял 10 цивилизаций, немецкий ученый О. Шпенглер и американец С. Хантингтон — по 8, а социальный философ из США А.Дж. Тойнби — 23 цивилизации⁹. Такое разнообразие связано с тем, что инструментарий цивилизационного подхода не является однозначным и четким. Другими словами, «в науке до сих пор не разработаны единые методологические принципы и критерии для классификации той или иной исторической общности в качестве автономной цивилизации, что представляется наиболее очевидной слабостью всех теорий цивилизации»¹⁰. Это является главной проблемой, сдерживающей использование цивилизационного подхода для конструктивного анализа. Как отмечают специалисты, порой злоупотребление понятиями «цивилизационный» и «социокультурный» зачастую приводит к стиранию граней «между научным знанием и любым нарративом», то есть просто разговором об обществе¹¹. Тем самым теряются критерии научности, когда понятием «цивилизационный» подменяется все многообразие не до конца понятных происходящих в обществе процессов. Таким образом, можно констатировать, что цивилизационный подход является достаточно абстрактным.

Другой проблемой является развитие альтернативных подходов, более направленно занимающихся анализом явлений, ранее являвшихся предметом изучения при цивилизационной парадигме. Так, массовые ценности и установки в обществе традиционно являются объектом специализированных социологических исследований, и здесь разработаны как инструментарий анализа, так и интерпретационные схемы, более четкие, чем это имеет место при цивилизационном

9. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. 2-е изд. Новосибирск, 2001. С. 62.

10. Флиер А.Я. Цивилизация // Культурология. XX век: Словарь. СПб: Университетская книга, 1997. С. 526.

11. Тощенко Ж.Т. О понятийном аппарате в социологии // СОЦИС. 2002. № 9. С. 4.

подходе. В свою очередь институты становятся объектом изучения при институциональном подходе, и специалистами разрабатываются специальные термины и аналитические схемы без обращения к идеологии цивилизационного подхода. В частности, отмечается, что в тех или иных «цивилизациях» «элементы культурного единого образа складывались не стихийно, а под воздействием именно институциональных средств социальной организации и регуляции, детерминировавших уже и специфику ценностных ориентаций, и принципы социальной консолидации, и прочее.¹²

В свою очередь, в экономической теории развивается, например, направление «религиозных» экономик. В фокусе его интересов находятся религиозные ценности, полагаемые одним из определяющих факторов в экономических отношениях. Изучение и принятие их во внимание позволит, по мнению исследователей, создать новую гармоничную экономику, не разрушающую, но учитывающую национальные особенности хозяйствования в разных странах. Так, существует большое количество публикаций по теме «буддистской экономики», развивается направление «исламской экономики» (например, «исламские финансы»). В продолжение идей М. Вебера о протестантской этике ведутся исследования по «христианским экономикам». Российские экономисты (Д.С. Львов, С.А. Андрюшин и др.) выделяют специфику хозяйствования в православной России. Таким образом, экономическая культура и экономические ценности более плодотворно исследуются не в рамках цивилизационного подхода, а в рамках конкурирующих с ним подходов.

Наконец, ограничением цивилизационного подхода является его «заточенность» на выявление различий. Если же мы ставим целью выбрать теоретический инструментарий, позволяющий определить особенности модели китайских реформ, которая может быть с пользой применена в других странах, ци-

---

12. Флиер А.Я. Указ. соч. С. 526.

визационный подход вряд ли может быть нам полезным. В рамках цивилизационного подхода, выделяющего Китай как отдельный цивилизационный регион или как типичную конфуцианско-буддистскую цивилизацию, он противостоит остальному миру по своим культурным ценностям. Цивилизационный подход скорее подскажет пределы и ограничения использования китайского опыта, чем даст теоретические ориентиры для осмысления возможностей его адаптации и распространения.

1.2. Подход с точки зрения дихотомии «капитализм-социализм»

Анализ таких противостоящих друг другу способов организации общественной жизни, как капитализм и социализм, является одним из теоретических достижений социальной теории конца XIX века. Наиболее последовательно он был выполнен К. Марксом в рамках так называемого формационного подхода, до сих пор весьма распространенного в социологии и экономике. Основное различие названных способов общественной организации состоит в том, что при капитализме средством создания и распределения богатства в обществе являются рыночные силы и частная собственность, а при социализме — сознательное регулирование посредством соответствующих органов и кооперативные и общественные формы собственности.

Несмотря на постоянную критику марковского подхода, теоретический анализ капитализма и социализма занимал выдающихся экономистов на протяжении всего прошлого века — от Й. Шумпетера, Л. Ф. Мизеса, Ф. фон А. Хайека до Я. Корнаи, представителей советской политической экономии и многих других. Дискуссии поддерживались существованием мировой социалистической системы, конкурировавшей с системой капитализма.

В период известных трансформаций конца прошлого века, совпавших с распадом СССР и рыночными реформами в бывших социалистических странах, использование данного подхода, казалось, потеряло свою актуальность. Хотя так называемые «государственно–социалистические общества»¹³ продолжают существовать (Куба, Ангола, Северная Корея и др.), но сегодня не они, и именно реформы в Китае, сохранившем социалистическую фразеологию, поддерживают живучесть анализа «социализма» в его противопоставлении «капитализму» в мировой социальной науке.

В настоящее время дополнительными импульсами для такого анализа являются два важных явления. Во-первых, речь идет об известном «левом дрейфе» на латиноамериканском континенте. Как пишет В. Давыдов, директор Института Латинской Америки РАН, «рост активности и электоральные успехи левых сил в странах Латино-Карибской Америки (ЛКА) представляют беспрецедентно массовый политический поворот в крупном регионе мира, охватывающим 33 государства с общим населением в 550 млн жителей»¹⁴. Демократическим путем к власти приходили партии и лидеры левой социалистической ориентации, составной частью политики которых были «энергичное госрегулирование производственной и экспортной деятельности..., последовательное подчинение финансовых потоков правительственному контролю, возвращение к государственному участию (не обязательно мажоритарному) в тех сферах экономики, где приватизация периода неолиберальных экспериментов оказалась экономически и социально контрпродуктивной» и т.п.¹⁵ Социалистические идеи снова становятся популярными.

Во-вторых, мировой экономический и финансовый кризис выявил отсутствие теоретических схем, которые бы

---

13. Большой толковый социологический словарь. Указ. соч. Т.1. С. 135.

14. Давыдов В. Современная левая альтернатива в латиноамериканском исполнении // Мир перемен. 2008. № 1. С. 52.

15. Там же. С. 62.

адекватно описывали наблюдаемые явления. Парадокс, но одним из наиболее точных определений ситуации послужило определение, взятое из более чем столетней давности труда К. Маркса, что было бы смешно, когда бы не было так грустно для современной экономической теории. Речь идет о почти анекдотичном случае на ежегодной конференции Центра капитализма и общества при Колумбийском университете (США, 2009), собравшей ведущих экономистов, финансистов и аналитиков — от известного инвестора Джорджа Сороса, нобелевских лауреатов в области экономики до главного антикризисного советника президента США Б. Обамы — Пола Волкера. Сойдясь на том, что отсутствуют необходимые теоретические инструменты анализа кризисных явлений, участники выслушали следующее заключительное замечание одного из европейских участников, которое он зачитал со своего ноутбука: «Владельцы капитала будут стимулировать рабочий класс покупать все больше и больше дорогих товаров, зданий и техники, толкая их тем самым брать все более дорогие кредиты до тех пор, пока кредиты не станут невыплачиваемыми. Невыплачиваемые кредиты ведут к банкротству банков, которые будут национализированы государством, что в итоге и приведет к возникновению коммунизма». Закончив цитату, он назвал автора и источник: Карл Маркс. «Дас Капитал». Участникам конференции оставалось только зааплодировать бессмертному классическому и рассмеяться¹⁶.

Таким образом, поддерживаемая в китайских документах ориентация на построение обновленного социалистического общества, противостоящего капитализму как высшей стадии развития рыночной экономики, выглядит в современных условиях не такой уж утопичной.

Насколько продуктивно тем не менее использование пары категорий «капитализм-социализм» для понима-

---

16. Лучшие умы США спорят, означает ли нынешний кризис смерть капитализма... // Завтра. 2009. 22 февр.

ния существа происходящих в Китае изменений? Предоставляют ли связанные с этими категориями подходы необходимый понятийный инструментарий для анализа модели китайской модернизации?

На наш взгляд, ответ на поставленные вопросы — скорее отрицательный. И связан он прежде всего с тем, что не представляется возможным провести необходимые сопоставления на квалифицированном методологическом уровне. Речь идет об отсутствии глубокого, строгого и понятийно оснащенного разработанного подхода для определения социализма и социалистического общества. Если теоретические подходы к анализу развития рыночных экономик, одной из разновидностей которых является современный капитализм, постоянно развивались, то исследования в области политической экономики социализма — наследнице первых марксовских схем коммунистического общества, значительно отстали. Несмотря на наличие отдельных работ, пытающихся продолжать традиции советской политэкономии (А.В. Бузгалин и др.), не выработано аналитических схем и убедительных исследовательских программ, прошедших положительную научную экспертизу современного научного сообщества как в России, так и за рубежом. Политэкономия социализма продолжает оперировать слабо разработанными, а потому неубедительными категориями. Причина того, что политэкономия социализма оказалась неэффективной, заключается, на наш взгляд, во внутренних ограничениях самой науки, в неадекватности некоторых ее исходных методологических предпосылок и построенной на этой основе концептуальной модели социума. Исходные постулаты политической экономики социализма и вытекающие из них следствия оказались слабыми и нелогичными, что и подтвердилось, в конечном счете, исторической практикой¹⁷.

---

17. Кирдина С.Г. «Блеск и нищета» политической экономики социализма // Журнал экономической теории. 2006. № 2.

Другая концепция о социализме, предложенная еще в советское время и поддерживаемая некоторыми современными исследователями, это концепция «рыночного социализма». Но она также страдает, на наш взгляд, методологическими изъянами. В свое время она выступала альтернативой политэкономии социализма, когда по идеологическим соображениям было невозможно говорить о развитии в СССР нормальной рыночной экономики. После перестройки, когда отпала необходимость в вуалировании взглядов ряда экономистов на существо экономического развития как развитие рыночных институтов, отпала необходимость и в концепции «рыночного социализма». Тем более что она так и не дала ответ на коренной вопрос: до каких пор развитие рыночных элементов в общественной структуре означает сохранение социализма? Где грань между «рыночным социализмом» и «государственным капитализмом», где развитый рынок сочетается с активной ролью государства во всех сферах общественной жизни? Неслучайно до сих пор нет понимания точной природы обществ, которые можно считать социалистическими, и для их характеристики используются такие понятия, как «коммунизм», «тоталитаризм», «сталинизм», «государственный капитализм» и т.д.¹⁸

Фактически обсуждавшиеся в концепции «рыночного социализма» вопросы гораздо эффективнее и на хорошем методологическом уровне поднимаются в современных экономических дискуссиях о соотношении рынка и государства. Рынок и государство рассматриваются как взаимно необходимые элементы, поддерживающие друг друга: «рынки и иерархии играют взаимодополняющие роли в осуществлении экономической координации»¹⁹. Провалы рынка корректируются государством, которое закономерно сосуществует с механизмами рыночных отношений. Соответственно рыноч-

18. Большой толковый социологический словарь. Указ. соч. Т. 1. С. 136.

19. Долан Э.Дж., Линдсей Д.Е. Рынок: макроэкономическая модель. СПб., 1992. С. 20.

ные силы заполняют «провалы» государства, возникающие в результате неадекватных правительственных решений и др.

Таким образом, социализм, на наш взгляд, сегодня является не научной экономической или социологической теорией, а совокупностью взглядов и идей о необходимости социально справедливого устройства общества, то есть по определению Коллинза, своего рода «политической идеологией»²⁰. Пройдя путь длиной более чем в полторы сотни лет, он вновь занимает то место, которое занимал в общественной мысли в период своего возникновения. Попытка построения научной теории социализма, которую пытались осуществить несколько поколений ученых в разных странах, на наш взгляд, осталась нереализованной. В связи с этими соображениями проведение анализа китайских реформ на основе дихотомии понятий «капитализм» и «социализм» не может базироваться на проработанной методологической основе, позволяющей вскрывать внутренние механизмы общественного развития.

1.3. Возможности и ограничения применения обоих подходов к анализу китайских реформ

Итак, мы рассмотрели два очень важных подхода, которые часто применяются при анализе китайских реформ. Необходимо понять, в какой мере они фокусируют внимание на сути происходящего или оставляют «за скобками» (epoché) важные процессы. Можно высказать предположение, что применение этих подходов в нашем исследовании либо дало бы уже известные результаты (при цивилизационном подходе), либо сдерживалось бы недостаточной строгос-

---

20. Большой толковый социологический словарь. Указ. соч. Т. 2. С. 223.

тью дефиниций (в случае оперирования понятиями «капитализм-социализм»).

Так, цивилизационный подход объясняет специфику китайских реформ историческими особенностями развития китайского общества как типичного «азиатского способа производства», в котором государственная идеология сотни лет базируется на конфуцианских ценностях, ставящих во главу угла уважение к централизованной власти. Доминирование государства во всех областях общественной жизни объясняется при таком подходе не столько объективными экономическими или политическими причинами, сколько спецификой менталитета населения. Менталитет «подвластных» заставляет их мириться с угнетением и недостатком личных свобод, а менталитет «власть предержащих» связан с их приверженностью власти, основанной не неэкономических методах. В ходе изучения Китая в рамках цивилизационного подхода тем не менее систематизировано огромное количество исторических и актуальных фактов, которые введены в научный оборот, и это имеет самостоятельное значение. В то же время, накопленный материал, показывая, как развитие Китая — как в прошлом, так и в нынешнее время — идет по отмеченному историческому пути, не позволяет определить, в какой мере опыт этой страны применим в других государствах. Поэтому мы полагаем, что использование цивилизационного подхода при анализе китайских реформ не является перспективным.

Насколько может быть продуктивна попытка анализа китайских реформ как реформ социалистических? С одной стороны, само китайское руководство не отступает от идеологической приверженности социалистическим принципам хозяйствования и сохраняет тезис о «господстве общественной собственности на средства производства», сохраняет решающую политическую и экономическую роль государства и коммунистической партии, несмотря на активные рыночные преобразования. Официальной целью реформ является построение «социализма с китайской спецификой».

С другой стороны, можно ли понимать складывающуюся китайскую «социалистическую смешанную экономику» с присущей ей институциональной и организационной спецификой как разновидность особого переходного общественного строя — «рыночного социализма»? В таком социализме сочетаются широкое распространение рыночных отношений и одновременно сохранение важной роли государства как собственника и регулятора хозяйственной деятельности. Но теоретическая модель «рыночного социализма», как отмечалось, слабо отличима от модели «государственного капитализма», для которого также характерны многоукладность, важная роль государства в экономике, регулирование отношений между всеми участниками хозяйственного обмена с помощью контрактного механизма и т.д. Неудивительно поэтому, что многие западные аналитики называют китайское общество «капитализмом с китайской спецификой». На это прямо указывают и некоторые российские исследователи, например, В. Буров, называющий китайскую модель «изданием государственного капитализма»²¹. Российские экономисты марксистского направления также отмечают антисоциалистическую сущность «рыночного социализма»²², что также показывает, на наш взгляд, неадекватность использования понятия «социализм» для характеристики смешанной китайской экономики (подробнее об этом см. ниже в п. 4.3).

Итак, в рамках дихотомии «капитализм-социализм» китайская переходная экономика одними исследователями рассматривается как социалистическая с вкраплением капиталистических элементов, а другими — как капиталистическая с социалистическими лозунгами. Отнесение экономики Китая преимущественно к социалистической или капиталис-

---

21. Буров В. Современный китайский марксизм. К итогам XVII съезда КПК // Свободная мысль. 2008. № 2. С. 39.

22. Бузгалин А.В. Десять тезисов о рыночном социализме // Альтернативы. 2001. № 1.

тической зависит, как правило, от приверженности исследователей или специалистов к определенным идеологическим течениям. Это позволяет одним фокусировать внимание на преобразованиях социалистического толка, оставляя за скобками масштабы рыночных преобразований, а другим — ставить во главу угла реформы экономической и финансовой системы по образцам развитых стран. Такая неоднозначность оценок может свидетельствовать о ненадежности подхода, использующего дихотомию «социализм-капитализм». Можно предположить, что сохранение социалистической лексики китайскими реформаторами было связано с отсутствием более адекватных понятий для определения характера проводимых реформ. Поиск таких определений (и не только в Китае, но и в России, на наш взгляд), продолжается.

---

2. Теория институциональных матриц и ее эвристический потенциал

В качестве теоретических рамок для анализа китайских реформ рассмотрим также эвристические возможности теории институциональных матриц. В отличие от рассмотренных выше подходов, теория институциональных матриц оперирует не культурными смыслами и идеологическими концепциями, а объективно складывающимися социетальными общественными структурами, точнее, с системами базовых институтов²³. Это создает предпосылки определения социетальной сущности проводимых в Китае реформ и соответственно определения их концепции и философии на основе нейтральных в ценностном отношении понятий.

---

23. Выше уже отмечалась роль институтов в становлении тех или иных особенностей национальных государств, которые трактовались как «цивилизации».

Теоретическая гипотеза (теория) институциональных матриц²⁴ продолжает традиции «социологического институционализма» Новосибирской экономико-социологической школы, отличающейся вниманием к проблемам изучения общества как целого, где экономика является одной из составных частей или общественных подсистем.

Общество понимается как самоорганизующаяся, более того, саморазвивающаяся (термин предложен В. Степиным) социальная система, целью которой является воспроизводство жизни большой группы людей (государства) в природном окружении. Поскольку общество — это система с участием человека, то *механизм его самоорганизации отражается в структуре создаваемых в ходе человеческой истории институтов*, то есть в исторически формирующихся постоянно воспроизводящихся правилах социальных взаимодействий образующих общество субъектов. Наиболее устойчивые институты, формирующие остов социальной системы²⁵, можно назвать базовыми институтами. Их немного, и они образуют своего рода матрицы²⁶.

Социальная система того или иного общества, устойчиво воспроизводящего себя как государственное образование, моделируется как структура **двух** взаимодействующих институциональных матриц, получивших название X- и Y-матриц (аналогично двум группам хромосом, формирующим гены каждого человека и определяющим его пол). Каждая из матриц (от лат. *matrix* — матка, основа) отражает устойчивую, исторически сложившуюся систему базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер — экономики, политики и идеоло-

-
24. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. 2-е изд. Новосибирск, 2001, а также смотри другие работы автора на сайте www.kirdina.ru
25. В теории институциональных матриц институты, обеспечивающие воспроизводство общества как социальной системы — экономические, политические, идеологические, — обособляются от институтов, обеспечивающих прежде всего воспроизводство человека — институтов семьи, образования и т.д. Последние не являются объектом анализа.
26. Матрица институциональная в социологии // Социологическая энциклопедия. М.: Мысль, 2003. Т. 1. С. 609—610.

гии²⁷. Матрицы сформированы «симметричными», то есть выполняющими аналогичные функции, институтами.

Схема 1–3 показывают наборы институтов, формирующих экономическую, политическую и идеологическую подсистемы для обеих институциональных матриц.

X-матрица	Y-матрица
Верховная условная собственность	Частная собственность
Редистрибуция (аккумуляция-согласование-распределение)	Обмен (купля-продажа)
Кооперация	Конкуренция
Служебный труд	Наемный труд
Минимизация издержек (X-эффективность)	Максимизация прибыли (Y-эффективность)

Схема 1. Экономические базовые институты

Институт собственности (схема 1), функцией которого является закрепление благ между хозяйствующими субъектами, имеет различную природу в обеих матрицах (либо верховная условная, либо частная собственность). То же можно видеть и в отношении институционального механизма движения благ (на основе либо редистрибуции, либо обмена). Взаимодействие между экономическими агентами имеет природу либо кооперации, либо конкуренции, что закрепляется действием соответствующего базового института в каждой из матриц базовых институтов. Институт привлечения к труду также имеет различный характер — доминируют институты либо служебного, либо наемного труда. Наконец, механизм обратной связи в каждой из системы экономических институтов, сигнализирующий об успешности ее действия, выражается либо в минимизации издержек, или X-эффективности²⁸, либо в максимизации

27. Генезис понятия «институциональная матрица» представлен в статье: Матрица институциональная в социологии // Социологическая энциклопедия, М.: Мысль, 2003. Т. 1. С. 609—610.

28. Leibenstain H. General X-efficiency theory and economic development. N.Y. etc: Oxford Un. Press, 1978; Лебенстайн Х. Аллокативная эффективность в сравнении с X-эффективностью // Теория фирмы: Сб. тр. СПб.: Экономическая школа, 1995; Попов Е.В., Татаркин А.И. Миниэкономика — Minieconomy. М.: Наука, 2003. С. 39—41.

прибыли, или Y-эффективности²⁹. Формируются необходимые для этого базовые экономические институты, сохраняющие свою роль на протяжении всей истории государств.

Системы политических институтов представлены в схеме 2. Территориальная организация общества определяется действием институтов либо административного деления, либо федерации. Устройство системы управления регулирует институт иерархической вертикали власти во главе с центром, либо институты самоуправления и субсидиарности. Институты назначений или выборов регулируют порядок замещения управленческих позиций в основных властных структурах. Процесс принятия важнейших политических решений определяется на основе либо общего собрания и единогласия, либо многопартийности и демократического большинства. Наконец, механизмом обратной связи в политических системах разных матриц служат либо обращения по инстанциям, либо судебные иски.

X-матрица	Y-матрица
Административное деление	Федерация
Иерархическая вертикаль во главе с центром	Самоуправление и субсидиарность
Назначения	Выборы
Общее собрание и единогласие	Многопартийность и демократическое большинство
Обращения по инстанциям	Судебные иски

Схема 2. Политические институты

Идеологические институты сгруппированы в схеме 3. Они характеризуют не набор идей, содержащихся в головах людей, но «социальные процессы» (подход Л. Альтюссера), устойчивые правила, определяющие построение позиционной структуры общества и самоидентификацию индивидов в этой структуре. Другими словами, это сложившиеся правила

29. Словарь современной экономической теории Макмиллана / Общ. ред. Д.У.Пирса / Пер. с англ. А. Г. Пивоварова. М: ИНФРА-М, 1997.

поведения людей друг относительно друга и по отношению к социуму в целом.

Х-матрица	Y-матрица
Коллективизм	Индивидуализм
Эгалитаризм	Стратификация
Порядок	Свобода

Схема 3. Идеологические институты

Так, определено, что детерминантой социального действия в разных матрицах являются либо коллективизм, либо индивидуализм. Нормативное представление о социальной структуре предполагает либо эгалитаризм (равенство), либо стратификацию (расслоение). Основными институтами, определяющими принципы устройства общественной жизни, выступают либо порядок, либо свобода.

Для каждого конкретного общества, как показывает исторический анализ, одна матрица институтов постоянно имеет доминирующий характер, а другая — дополнительный, комплементарный. Это означает, что матрица доминирующих институтов является более важной, она задает рамки действия и ограничения для комплементарных институтов. Задача последних — компенсировать «провалы» доминантной матрицы, поддерживать ее функционирование и тем самым соответствующий институциональный баланс в обществе, необходимый для его развития. Причиной доминирования либо той, либо другой матрицы в социальной структуре общества являются особенности внешней материальной среды — коммунальной или некоммунальной.³⁰

Комплексы базовых доминантных или комплементарных институтов, относящихся к различным матрицам, воплощаются в конкретных *институциональных формах*. Например, институт рынка воплощается в фирмах, биржах и т.д.,

30. Кирдина С.Г. Экономические институты России: материально-технологические предпосылки развития // *Общественные науки и современность*. 1999. № 6.

а институт условной верховной собственности, например, в России, воплощался в помещичьем землевладении, советской колхозной собственности, современных госкорпорациях. Создание и отмирание, адаптация заимствуемых и модернизация исторически присущих институциональных форм характеризуют непрерывный процесс институциональных изменений.

Подытожим: теория институциональных матриц выдвигает гипотезу о том, что в мире существуют два типа социального устройства обществ, отличающиеся спецификой образующих их исходных матричных структур. В одном случае могут доминировать институты X-матрицы, в то время как институты Y-матрицы лишь дополняют институциональную структуру. В другом случае наоборот — главными, определяющими выступают институты Y-матрицы, а дополнительными являются институты X-матрицы. Эти два типа социального устройства, мы полагаем, сформировались естественным путем, они представляют собой два способа самоорганизации социума на основе определенных институциональных матриц³¹ в присущих тем или иным государствам материально-технологических внешних условиях.

Один тип — это централизованные иерархические политические структуры с преобладанием редистрибутивных³² экономических институтов (и соответствующих им

---

31. Институциональная матрица — объективно существующая исторически сложившаяся система базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных подсистем — экономики, политики и идеологии. Институциональная матрица обеспечивает целостность общества и возможности поступательного развития государства при наличных материальных условиях, представляя собой устойчивую форму социальной интеграции. Институциональная матрица лежит в основе меняющихся эмпирических состояний конкретных обществ и постоянно воспроизводится в ходе исторической эволюции.

32. Редистрибутивные экономики (термин К. Поланьи) представляют собой тип экономических систем, в которых преобладает не обмен (двустороннее движение товаров между субъектами, ориентированными на прибыль), а движение благ и услуг к Центру и от него. Причем независимо от того, осуществляется ли движение объектов физически или меняется только порядок права их присвоения и использования без каких-либо изменений в действительном размещении продуктов или ресурсов. (Polanyi K. *The Livelihood of Man*. N.Y.: Academic Press Inc., 1977. P. 40).

форм собственности) и с доминированием в общественном сознании ценностей коммунитарного плана, то есть ценностей, в которых закрепляется примат коллективного над личным, целого над частным. На разных исторических этапах общества такого типа назывались по-разному — азиатский способ производства, самодержавные монархии, реальный социализм, «альтернативный японский капитализм» и т.д. Государства, которые мы относим к такому типу обществ — это, прежде всего, Россия, Индия, Китай, страны Юго-Восточной Азии, Латинской Америки. В них доминирующее положение занимает X-матрица.

Другой тип обществ — это самоуправляющиеся «снизу» политические структуры федеративного типа, с рыночными экономическими институтами (то есть с доминированием частной собственности) и соответственно преобладанием личностных, индивидуалистических ценностей в массовом сознании. В разные исторические эпохи такие общества назывались рабовладельческими, феодальными, капиталистическими. К ним относятся страны Европы и США. В них доминирующее положение принадлежит институтам Y-матрицы.

Данное разделение, как показывает анализ развития государств, начиная с Древнего Египта и Месопотамии, является исторически устойчивым. Даже если на некоторое время под влиянием внешних условий, например, военно-политической агрессии или экономического давления, страны, казалось, меняли свой характерный институциональный облик, латентно он сохранялся и со временем обязательно проявлял себя в качестве общественной доминанты. Например, страны Восточной Европы под влиянием СССР несколько послевоенных десятилетий внешне проявляли себя как государства с X-матрицей, но в условиях прекращения давления свойственная им институциональная природа, то есть Y-матрица, проявила себя в полной мере. И наоборот, страны Латинской Америки под влиянием США периодически подвергаются попыткам полного перекроя своих политических и экономических порядков по образцу Y-матрицы, но каждый

раз это заканчивается тяжелыми кризисами и возвращением к доминированию исторически присущих им институциональных X-структур³³. Отмеченный выше «левый дрейф» в странах Латинской Америки, возникший, как только США ослабили свое давление на них в связи с операциями на Ближнем Востоке, иллюстрирует этот факт.

Доминирование той или иной институциональной матрицы, как отмечалось, необходимо предполагает действие в государстве альтернативных институтов, комплементарно «дополняющих до целого» общественную систему. При этом комплементарные институты, аналогично рецессивным генам в живом организме, являясь необходимыми, не являются определяющими для характеристики базовых, доминантных свойств институциональной структуры. Поэтому так важен институциональный баланс, поиск оптимального соотношения базовых и комплементарных институтов, равно значимых для воспроизводства общества того или иного типа.

Теория институциональных матриц реализует, на наш взгляд, ту назревшую потребность в целостности восприятия мира, в которой находит свое выражение и культурная, когнитивная «обобщающая антиредукционистская модель Востока»³⁴, и характерно-новоевропейские ценности, то есть «интеллектуальные, этические, экзистенциальные структурообразующие привычки» современной науки³⁵. Эвристический потенциал теории институциональных матриц, которую европейские коллеги называют «IMT paradigm» (парадигма Институциональных Матриц Теории), а индийские специалисты нарекли «X- and Y-theory», может быть определен количеством работ, в которых она используется в качестве методологии эмпирических исследований. По известным нам данным число таких публикаций за период с 2001—2008 гг. составило более

---

33. Кирдина С.Г. X- и Y-экономики: институциональный анализ М.: Наука, 2004.

34. Александров Ю.Н., Александрова Н.А. Субъективный опыт, культура и социальные представления / Институт психологии РАН. М., 2009.

35. Балла О. Жажда цельности. Феномен Пригожина. Ч. 2 // Знание — сила. 2002. № 4.

120³⁶, а к 2010 г. увеличилось до 200³⁷. Мы полагаем, что и для анализа китайской модели теория институциональных матриц предоставляет необходимые методологические средства как для понимания особенностей китайских реформ, так и для сравнительного анализа китайской модели и стратегий реформирования в других странах на основе единой терминологии.

---

36. Kirdina S. Institutional Matrices Theory as a Methodology for Theoretical and Empirical Research in Russian Social Sciences / Social Theory Conference, ESA, Innsbruck, Austria, 2008. <http://kirdina.ru/enews.shtml>

37. <http://kirdina.ru/critics.shtml>

ЧАСТЬ

II

АНАЛИЗ КИТАЙСКИХ
РЕФОРМ:
ДВЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
ПЛАТФОРМЫ

В этой части дадим анализ китайских реформ, используя в качестве теоретических подходов как теорию институциональных матриц, так и подход на основе дихотомии понятий «социализм-капитализм». Являются ли используемые подходы дополнительными или конкурирующими? Задача доклада — спровоцировать дискуссию по этой теме. На наш взгляд, такая дискуссия позволит приблизиться к пониманию сути происходящих в современном Китае преобразований и оценить их перспективы для обобщения или возможной трансляции китайского опыта.

Наше дальнейшее изложение исходит из презумпции принадлежности Китая к государству, в котором доминируют институты X-матрицы, то есть редистрибутивной экономики, унитарного политического устройства и преобладающих коммунитарных ценностей, и декларирующему социалистический путь развития.

---

3. История и содержание китайских реформ

Действительно, вплоть до середины XIX вв развитие Китая происходило в лоне азиатского способа производства с его различными этапами-циклами. Древнее китайское государство пыталось регулировать все сферы не только политической, но и социальной, и экономической жизни общества (строительство ирригационных сооружений, передел земли,

освоение целины, налоги, акцизы, монополию на производство железа, соли и т.п.). Все управление было построено на неограниченной и сакральной власти императора (восточная деспотия). Правящие верхи существовали за счет централизованной редистрибуции ренты-налога, выплачиваемого подданными. Защита людей от произвола властей осуществлялась в рамках «социальных корпораций» (община, клан) как своеобразной формы взаимодействия государства и общества. Всесильное государство, не терпящее конкурентов казны и нарушителей установленных норм, сдерживало развитие частной собственности. Несмотря на широкое развитие ремесленного производства и торговли, товарно-денежные отношения были сильно ограничены государственной властью, опасавшейся резких имущественных различий, разорения крестьянства и появления в лице богачей самостоятельной социально-политической силы, которая могла бы противостоять всевластию правителя. Такой «раскладке сил» в пользу государственного начала способствовали сложившееся соотношение основных производственных факторов — земли и населения и господствовавшее конфуцианское учение с приматом общественной пользы над корыстным частным интересом. Проникновение капитализма в середине XIX в. превратило Китай в особую общность переходного типа с синтезом трех начал: «европейское (иностраный сектор) — переходное (национальный капитализм) — азиатское (традиционные экономика и социум)³⁸. Национальная социально-экономическая матрица не была целиком разрушена, но процесс ее деформации значительно ускорился.

Победа революции 1949 г. означала поворот Китая на рельсы социалистического — по декларированию заявленных целей — развития. Важную роль в победе коммунистов сыграла особая расстановка политических сил. Но предпочте-

---

38. Непомнин О.Е., Меньшиков В.Б. Синтез в переходном обществе. Китай на грани эпох. М., 1999. С. 246.

ние социализма в Китае можно объяснить также прочными традициями специфических институтов государственной власти и собственности, а также культурным наследием, которое помогло широкому восприятию марксистской теории о неоспоримых преимуществах «общественной собственности на средства производства» и коллективистских начал общественной жизни. Советский Союз, с которым установились тесные узы дружбы, стал военным союзником, экономическим донором, образцом преодоления отсталости от Запада на отличных от него институциональных траекториях.

В первые годы существования КНР были проведены важные общедемократические преобразования и сохранялась политика классового союза с национальной буржуазией (так называемая политика «новой демократии»). Но уже в конце 1953 г. была официально одобрена «генеральная линия переходного периода», а принятая в 1954 г. первая китайская Конституция провозгласила задачу последовательного перехода страны к социализму. Проведенные в последующие два года преобразования в промышленности, торговле и сельском хозяйстве вылились в ликвидацию частной собственности не только национальной, но и мелкой буржуазии, ремесленников и крестьянства, что и дало основание заявить на VIII съезде КПК в 1956 г. о полной победе социализма.

В конце 1950-х годов на общем фоне успехов первой пятилетки развернулась жесткая борьба между двумя политическими силами («линиями») по вопросам социально-экономического развития страны и дальнейшего социалистического строительства. Можно говорить о столкновении двух моделей хозяйственного механизма и тактических методов — «планово-рыночной» и «антирыночной», или «эволюционной» и «скачковой» (китайский прототип «шоковой терапии» с иным содержанием). Состоявшаяся в мае 1958 г. 2-я сессия VIII съезда КПК поддержала курс «большого скачка», направленный на резкое ускорение темпов экономического роста и обобществления производства, превращения Китая в главный форпост социализма в мире.

Марксистские тезисы о бестоварном коммунистическом хозяйстве и социальной справедливости фактически служили прикрытием внеэкономического принуждения к труду и грубой уравниловки. Вторичная попытка «большого скачка» была предпринята в годы «культурной революции» с аналогичными трагическими последствиями.

Сложившаяся к концу 1970-х гг. хозяйственная система отличалась слабым развитием товарно-денежных отношений, господством государственной формы собственности, директивным характером управления, иерархическим соподчинением субъектов хозяйственной деятельности. Эта система в китайской экономической литературе маркируется как «традиционная модель» централизованной плановой экономики. В целом дореформенную экономическую систему можно определить как сочетание продуктообменного хозяйства с элементами планирования и унаследованными от прошлого остатками типично натурального хозяйства.

Современные китайские экономисты нередко называют дореформенную экономическую политику «неудачной», возлагают на нее ответственность за недостаточно высокие темпы роста, низкую эффективность и медленные сдвиги в жизненном уровне населения. Но на наш взгляд, плановая система (правильнее сказать, полуплановая) в целом себя оправдала, позволив сконцентрировать скудные материальные и финансовые ресурсы для проведения ускоренной индустриализации. За первые 30 лет своего существования КНР из чисто аграрной страны превратилась в аграрно-индустриальную державу с многоотраслевой промышленной системой. Другое дело, что по мере экономического развития, разрастания числа хозяйственных единиц, появления все более сложных структурных и технических задач и без того недостаточная маневренность принятия управленческих решений стала прогрессивно ухудшаться. Развитие экономики сопровождалось значительной деформацией экономической структуры (в пользу тяжелой промышленности), и за достигнутый про-

гресс была заплачена слишком высокая цена в виде лишений населения и растрат ресурсов.

Начав экономические реформы на десятилетие раньше других социалистических стран (они стартовали в 1978 г. после решений 3-го Пленума КПК 11-го созыва), Китай оказался в этом деле первопроходцем. Не отступая от идеологической приверженности социалистическим принципам хозяйствования и сохраняя тезис о «господстве общественной собственности на средства производства», разработчики стратегии реформ пошли на полный разрыв с прежней догматической «традиционной» моделью социализма в ее маоистском варианте, основанной на административно-командных методах управления, широком обобществлении производства и внешнеэкономической замкнутости. Они выступили за постепенную демократизацию общественной жизни, но без посягательств на решающую политическую и экономическую роль государства и коммунистической партии. Именно такое содержание вкладывалось в официальное понятие «социализма с китайской спецификой».

Вместе с тем китайские лидеры решительно отказались от прямого следования рецептам МВФ, от проведения «шоковой терапии» и полной либерализации экономики с предоставлением приоритета частной собственности. В хозяйственных преобразованиях преобладал принцип расширения хозяйственной самостоятельности предприятий, дозированного подключения частного сектора и расширения сферы рыночных отношений. К акционированию крупных предприятий подходили крайне осторожно с проведением многочисленных хозяйственных экспериментов.

Однако на более протяженном временном отрезке китайская реформа если не по тактике, то по основным стратегическим параметрам в целом совпала с общей тенденцией рыночных преобразований в бывших социалистических странах. Линия на либерализацию экономики проявилась в: 1) предоставлении свободы коллективному и индивидуальному предпринимательству и узаконивании частного предприни-

мательства; 2) привлечении иностранных партнеров в сферу производства на территории страны при начальном предоставлении им налоговых и других льгот; 3) расширении хозяйственной самостоятельности государственных предприятий с нацеленностью на их превращение в самостоятельных товаропроизводителей.

На XVI съезде КПК в 2002 г. было констатировано, что Китай уже создал в основном систему «социалистической рыночной экономики».

В то же время нельзя не признать правоту тех, кто считают, что многие события китайской действительности имеют всего-навсего квазирыночные формы, отличаясь от аналогичных явлений в рыночных экономиках. Так, расширение хозяйственных прав регионов обернулось созданием системы «административной децентрализации», когда модель управления с макроуровня была транслирована и на уровень регионов. Показательно, что акционерная собственность в китайских условиях не тождественна частной (как полагают многие западные эксперты), поскольку сохраняется государственное участие в распределении получаемого дохода, и государственные органы имеют право вмешиваться в процесс принятия управленческих решений. При достаточно жестком контроле со стороны административных учреждений предоставленные акционерным предприятиям права зачастую остаются только на бумаге. Прежде всего, это касается состава управленческого персонала, который формируется по указке свыше. Участвуя в капитале акционерных предприятий, государство получает возможность контролировать их деятельность даже в тех случаях, когда не владеет контрольным пакетом акций. Сами корпорации многими в Китае рассматриваются не только как субъекты рыночных отношений с определенным юридическим оформлением, но и как устойчивые общности людей, выполняющих определенные производственные и социальные функции в соответствии с общегосударственными интересами, иначе говоря, как разновидность совместной (общественной) собственности.

Фактически право собственности продолжает оставаться раздробленным, и государственные дивиденды не получили своего собственного кругообращения. Созданные государственные холдинги сохранили в значительной мере прежний характер административных организаций.

В этом отношении интересны оценки складывающейся структуры собственности в современном Китае. На наш взгляд, следует согласиться с Э. де Сото, что «собственность — это не активы сами по себе, а согласие между людьми по поводу того, как следует этими активами владеть, как их использовать и как обмениваться»³⁹. Другими словами, речь идет об отношениях собственности, или об институтах. В конечном счете отношения собственности формируются не по желанию или воле людей, или руководителей, но таким образом, что трансакционные издержки (издержки формирования новых отношений) приводят в конечном счете к экономии трансформационных издержек (издержек функционирования), т. е. позволяют более эффективно организовать производство и достигать общественной экономической выгоды. Какие же отношения характеризуют новые разнообразные формы собственности — коллективную, акционерную и другие — в китайской модели? Большинство зарубежных исследователей (в России и западных странах), отмечая неопределенность новых форм, склонны зачастую считать их формами частной собственности⁴⁰. Статистический анализ китайских источников не содержит точных указаний на природу отношений собственности. В то же время прямые контакты с китайскими специалистами показали, что по сути такие формы собственности, как государственная, коллективная, акционерная с участием государственных структур и т. д., соответствуют по принципам своего функци-

---

39. Де Сото Э. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире: Пер. с англ. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2004. С.159.

40. Авдокушин Е.Ф. Хозяйственный механизм Китая // Планируемая рыночная экономика / Под ред. С.Ю. Глазьева. М.: Изд. ГП Редакция газеты «Экономическая газета», 2000. С.80.

онирования «условной верховной собственности», характерной для X-матрицы, и такая собственность доминирует в современном Китае. В 2004 г. она составляла 81,8% по данным из доклада Гао Пейонга, заместителя генерального директора Института экономики, финансов и торговли Академии общественных наук КНР, на VI Российско-китайском симпозиуме «Государство и рынок» (г. Екатеринбург, 6—7 июня 2005 г.). Роль верховного уровня управления, определяющего правила и условия функционирования всех этих видов собственности, выполняют либо центральные, либо региональные, либо местные (уездные, волостные и другие) органы.

Далеко продвинувшись по пути экономического прогресса, Китай, строго говоря, пока не полностью преодолел свою экономическую отсталость и значительно уступает государствам «первого эшелона модернизации» по показателю душевого производства ВВП (даже в пересчете по паритету покупательной способности). Создав мощную индустриальную базу, он пока не завершил целиком этапа индустриализации, а по многим структурным показателям (доля сферы услуг в ВВП, доля занятых в сельском хозяйстве) он не вышел за рамки аграрно-индустриальной страны. Страна продолжает испытывать мощное демографическое давление и сталкивается с большими различиями между городом и деревней. По степени урбанизации (около 30%) Китай значительно отстает от среднемирового уровня. При всех своих успехах в деле модернизации он во многих областях, в частности, в сфере образования, здравоохранения и науки, еще весьма далек от нормативных показателей страны с современной экономикой. Захватив крупный сегмент мирового рынка потребительских товаров, Китай испытывает немалые трудности как в импорте, так и в экспорте продукции высокой технологии.

В то же время финансово-экономический кризис наглядно продемонстрировал устойчивость и известную самодостаточность китайской экономики. На фоне падений показателей роста ВВП и промышленного производства в большинстве стран мира прирост ВВП на уровне почти 10%,

показанный Китаем в 2009 г., отражает жизнеспособность китайской модели развития.

---

4. Перспективы и прогнозы развития китайской модели

Очевидно, что страны-соседи, Россия и Китай, пройдя в одном случае более короткий, а в другом более длинный путь к рынку, приняв аргументы Вашингтонского консенсуса или отказавшись от них, оказались на данный момент в такой точке бифуркации, когда вновь приходится делать «судьбоносный» выбор: надо ли продвигаться к рынку с прежней решимостью, разумно ли «задержаться и призадуматься», а может быть стоит немедленно приступить к корректировке прежней стратегии развития.

4.1. Направления развития в планах китайских реформаторов

Ответ на вопрос: «По какому пути пойдет Китай?» остается дискуссионным. Многие западные аналитики обсуждали развертывание в Китае «нормальной» приватизации при постепенном преодолении «идеологической аллергии» в отношении самого этого понятия, полагая, что рыночная трансформация китайской экономики повлечет за собой изменения в политической сфере и завершится созданием демократических политических институтов западного толка и фактической капитализацией страны. Такие высказывания в полной мере согласуются с трактовкой окончания «холодной войны», ознаменовавшейся распадом Советского Союза, как полной победы западной мировой системы и одновременно

либеральной экономической концепции, а также англо-американской модели демократии. Новая «постсоветская» международная ситуация до недавнего времени выглядела не только как уничтожение биполярности мира и разрушение альтернативности мировых систем, но и как победа Запада над Востоком, рыночной системы над редиистрибутивной, капитализма над социализмом, индивидуализма над коллективизмом, либерализма над этатизмом, вестернизаторской культуры, в том числе политической, над всеми другими.

Однако такого рода оценки разделяют далеко не все. О «пределах» развития Китая по западному пути писал уже в 2006 г. профессор Университета Париж-7 Франсуа Жюльен. Он предложил свести воедино философский подход и изыскания китаеведов и обратиться к проблеме стратегических целей современного Китая, учитывая дуализм китайского менталитета (он говорит о «двойной клавиатуре»). По его мнению, китайцы при широком обращении к западному опыту оставляют за собой возможность — и реализуют ее! — вернуться к собственной системе, которая складывалась на протяжении тысячелетий⁴¹. Другими словами, в Китае сохранится доминирующее положение исторически присущих ему институтов X-матрицы

Накануне XXI века многие китайские деятели также отдавали себе отчет в реальности вестернизации страны отнюдь не с положительным знаком. Высказывались мнения, что Китай слишком увлекся наращиванием размеров «экономического пирога» и созданием рыночных отношений, пожертвовав в погоне за экономическим ростом и «модернизацией» своей естественной средой, многими своими традициями, прежде всего традициями семьи и нравственности, допустив отставание темпов повышения жизненного уровня и развития социальной сферы, поляризацию общест-

---

41. Жюльен Ф. Китай и западная модель // Новая газета / Октябрьское приложение / Le Monde diplomatique. 2006.

ва. В конечном счете, китайская реформа, якобы, отклонилась от провозглашенной цели построения социалистической рыночной экономики, подверглась сильному влиянию неоллиберализма, рыночная эффективность была поставлена выше распределительной справедливости.⁴² Официальной линии на «смешанное» развитие Китая со значительными уступками рыночным отношениям во внутреннем и внешнем плане все больше решительно противостояли защитники китайского варианта социализма с ограниченным «допущением» капитализма исключительно в целях активизации всех факторов экономического роста.

Решения политических форумов последних лет свидетельствуют о том, что Китай подошел к очередному водоразделу своей истории и истории своей хозяйственной реформы. Многочисленные данные и материалы свидетельствуют о том, что Китай предпринимает решительные действия по исправлению допущенных просчетов и восстановлению традиционных форм политической организации и конфуцианских моральных принципов. Позиция нового руководства была четко выражена на проведенном в октябре 2003 г. 3-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва, который в продолжение традиции особой значимости третьих партийных пленумов сформулировал основные принципы нового развития — сбалансированного (*се-цзюй*), всестороннего (*цзоаньмянь*), устойчивого (*кэчисиюй*). Узкая направленность на количественные параметры роста начала постепенно вытесняться понятием «оптимального» и «качественного» экономического роста, что подразумевает широкое привлечение достижений науки и техники, совершенствование отраслевой и региональной структуры производства, снижение себестоимости, повышение эффективности производства и качества продукции.

Состоявшийся в октябре 2005 г. 5-й пленум ЦК КПК 16-го созыва дал уже более развернутое определение

---

42. Чжунго гайгэ. 2006. №5. С.9.

новой концепции развития — сбалансированного, устойчивого, гармоничного, которая была закреплена в решениях 6-го пленума 2006 г., определившего цель построения социализма — гармоничное общество. Углубление рыночных реформ теперь понимается как создание социально ориентированной рыночной экономики, если использовать западную терминологию, или как полное построение общества «сяокан» в духе известной идеологемы традиционного Китая, получающей сейчас новую трактовку. Воплощая в себе конфуцианский принцип «человечности» и одновременно новое понимание роли творческой личности в общественной жизни, «сяокан» (малое благосостояние) означает ликвидацию бедности, доступность для каждого благ цивилизации, наполнение жизни богатым духовным содержанием. Это требует другой расстановки акцентов в экономической политике, отказа от остаточного принципа при финансировании образования, здравоохранения и культуры, изменения структуры национального дохода в пользу потребления.

Поставленный уже в 2004 г. и закреплённый в решениях XVII съезда КПК в 2007 г. лозунг «строительства социалистического гармоничного общества» можно рассматривать как заявку на новую модель развития, нацеленную на более решительные действия по интенсификации экономического роста в условиях обострения ситуации с природными ресурсами и международной конкуренции. Сегодня предполагается, что Китай продолжает создание «плановой экономики с рыночным регулированием».

Из множества диспропорций, которые предполагается ликвидировать в первую очередь, выделяются пять главных («*угэ тунчоу*» — пять дихотомий): между экономическим и социальным развитием, между городом и деревней, между приморскими и внутренними регионами, между человеком и природой, между внутренним развитием и внешней открытостью. Учитывая огромное население страны, тяжелую экологическую обстановку, в новую экономи-

ческую модель закладывается мобилизация всех резервов роста, охрана природной среды, отказ от идеалов потребительского общества, повышение престижа духовной и интеллектуальной сфер. Новая модель предполагает сохранение государственного контроля, сокращение региональных диспропорций и ослабление зависимости экономического роста от экспорта.

Из традиционной теории управления, построенной на тесной взаимосвязи объективных законов и субъективного фактора как умения воплощать эти законы в жизнь, в настоящее время китайские управленцы выделили для себя следующие адекватные поставленным задачам принципы. Они включают в себя постепенное движение к цели, предпочтение компромисса (принцип «золотой середины»), особо важную роль управляющего, служащего «общему процветанию», привлечение к решению текущих задач всех работников предприятия, что называется «мягким управлением». О главной сути реформирования системы управления известный китайский экономист Ху Аньган пишет так: «Крайне важно для Китая качество управленческих решений и всего административного аппарата. В первую очередь надо покончить с традиционным мнением, что правительство является единственным органом управления всей страной, надо подключать к управлению общественные организации, включая хозяйственные организации, различные ассоциации, самих граждан. Правительство должно налаживать связи с обществом, вместо прежних отношений контроля и подчинения создавать новые отношения партнерства и сотрудничества. Целью успешного управления является максимизация общественного благосостояния через наиболее рациональную аллокацию общественных ресурсов. Второй крайне важный момент — перекрыть истоки коррупции, сделать правительство народным правительством, чистым и бескорыстным, а правительственных чиновников — настоящими слугами народа. Третий момент — осуществление «революции прозрачности», вывести правительство из тени, чтобы

простые люди знали, каковы доходы членов правительства и как они их расходуют»⁴³.

4.2. Китайская модель как «социалистическая смешанная экономика»?

Можно видеть, что «свой путь», которому следует Китай, одновременно вбирает в себя как идеи рыночного хозяйства, так и социальной справедливости. Это приближает его к капитализму по методам рыночного регулирования, но сохраняет отличия от капитализма в виде иного характера субъектов товарных отношений и иной регулирующей роли государства. Поэтому можно говорить о китайской «социалистической смешанной экономике» с присущей ей институциональной и организационной спецификой как особом переходном общественном строе, который можно рассматривать как разновидность «рыночного социализма». В понятиях же марксистской терминологии китайскую модель можно назвать китайским «изданием государственного капитализма»⁴⁴. «Рыночный социализм» роднят с государственным капитализмом такие черты, как многоукладность, внушительное государственное вмешательство в экономику, сращивание государственной бюрократии и делового сообщества в рамках административной вертикали и централизованной структуры.

Присущие китайской переходной системе черты конвергентности делают ее уязвимой для перекрестной критики — и за «имитацию» социализма, и за глубинную капиталистическую сущность. Критики «справа» видят, прежде

---

43. Ху Аньган. Чжунго да чжаньлюэ (Генеральная стратегия Китая). Ханчжоу: Чжэцзян жэньминь чубаньшэ, 2003. С. 245.

44. Буров В. Указ. соч. С. 39.

всего, половинчатость преобразований в рамках «рыночного социализма», «несистемный характер» рыночных реформ и утверждают недолговечность этой модели, которая тормозит переход к «цивилизованному» рынку. Неудивительно поэтому, что многие западные аналитики называют китайское общество «капитализмом с китайской спецификой». Критики «слева» убеждены в перспективе неуклонного «сползания» Китая на принципиально другую траекторию развития, а именно ту, что олицетворяет западная капиталистическая модель. Они полагают, что китайский псевдосоциализм будет все больше воспроизводить беды, свойственные капитализму, а именно: неравенство в доходах и благосостоянии; негативные эффекты, связанные с разрушением окружающей среды; коммерциализацию общества и стремление к беспрестанному наращиванию индивидуального потребления; макроэкономическую нестабильность, включая безработицу и инфляцию; недопроизводство общественных благ. С этой критикой «рыночного социализма» солидаризируются и российские ученые марксистской ориентации: «Говоря о рыночном социализме, на какой бы позиции мы не стояли, мы всегда должны учитывать, что рыночные отношения всегда порождают определенные (а именно — не- и анти-социалистические) социальные последствия. Мы можем говорить о том, что их надо ограничивать, регулировать и т.п., но важно подчеркнуть: мы признаем, что рынок порождает определенные социальные тенденции, и мы их считаем не социалистическими. Далее, в любом случае мы можем признать, что рынок порождает моральный, нравственный климат, который, вообще говоря, не является социалистическим»⁴⁵.

Поскольку такая модель «смешанной экономики», или «рыночного социализма» — это еще никем не пройденный и не проверенный путь развития, трудности «первопроходца» очевидны. Эволюция «рыночного социализма» гипотез

---

45. Бузгалин А.В. Десять тезисов о рыночном социализме // Альтернативы. 2001. № 1.

тетически может идти в двух направлениях. Один путь — углубление реформ по рецептам «асоциального рыночного хозяйства». Это позволит довести до логического конца уже начатые преобразования (приватизацию государственных предприятий, реформу банковской системы), сэкономить на социальных издержках, использовать все потенции стратегии «сравнительных преимуществ», несбалансированного развития и политики внешнеэкономической «открытости». Сущностные дефекты такого курса: закрепление трудоинтенсивных технологий и экстенсивного пути развития, дальнейший рост имущественного неравенства и обострение социальной напряженности, углубление экологического кризиса. Такой путь развития с либеральным и вестернизаторским уклоном стимулирует развитие политической демократии, но одновременно провоцирует рост оппозиционных и сепаратистских настроений и угрожает единству страны.

Второй путь — поиски такого варианта «социального рыночного хозяйства», который позволит связать модернизацию как ответ на глобальные трансформационные вызовы с соблюдением принципов социальной справедливости и солидарности. Рост оплаты труда, увеличение числа рабочих мест, развитие здравоохранения, науки и образования — главные способы повышения качества рабочей силы и перехода с экстенсивного на интенсивный путь развития. Эта модель предполагает сохранение государственного контроля, удержание в определенных пределах имущественного неравенства, сокращение региональных диспропорций и ослабление зависимости экономического роста от экспорта. Это — сценарий, позволяющий удерживать необходимый рыночный механизм в рамках имеющейся социально-культурной специфики и доминантной институциональной структуры, дополнив его набором моральных норм, включая принципы коллективности и соблюдения социальной справедливости, что позволяет сохранить социалистическую идеологию. Если первый путь — акцент на экономический рост как предпосылку решения социальных проблем, то второй путь — реше-

ние социальных проблем как условие сбалансированного и устойчивого экономического роста.

В этой связи можно высказать следующую гипотезу: если сочетание элементов разных социально-экономических систем в рамках китайской «смешанной системы» приобретет достаточно устойчивую форму, это может в конечном счете, вылиться в синтез либеральной и социалистической идеи, что приведет к созданию принципиальной новой системы ценностей, подчиненной задаче самореализации личности и гармонизации межличностных отношений.

4.3. Китайская модель в зеркале теории институциональных матриц

Итак, идентификация «китайской модели» вписывается в широкий контекст исследований «смешанной экономики» как практической проекции еще не созданной экономической теории «третьего пути». В связи с этим в западных работах, посвященных анализу современных китайских реалий, рассматривается вопрос о пределах развития вестернизации Китая. При обсуждении затронутых вопросов может быть полезным применение положений теории институциональных матриц, и мы продемонстрируем это в настоящем заключительном параграфе доклада.

Мы полагаем справедливым предположить, что капитализм явился «высшей стадией» развития экономики с доминированием рыночной Y-матрицы. В свою очередь, социализм стал своего рода логичным продолжением развития обществ с доминированием институтов X-матрицы (что может, в числе прочего, служить объяснением факта социалистических революций именно в ряде восточных, а не европейских стран). Необходимость реформирования институциональных систем обоого типа требует не только модернизации институ-

тов доминантной матрицы, но и модификации комплементарных институтов, расширения сферы их действия.

При изучении философии реформ нас прежде всего интересует вопрос о взаимовлиянии вышеуказанных моделей, о возможности перехода с одного пути развития на другой, о перспективах их слиянии (конвергенции). В отношении России и Китая ставится вопрос о пределах развития рыночной трансформации, о возможности удержать процесс сопутствующий ей вестернизации на какой-то приемлемой грани, не пожертвовав своей национальной идентификацией. Как формулировал аналогичный вопрос в свое время А. Тойнби (в статье «Византийское наследие России»), может ли кто-нибудь заимствовать чужую цивилизацию частично, не рискуя быть постепенно втянутым в принятие ее целиком и полностью?⁴⁶ И второй, не менее сложный вопрос — можно ли вообще осуществить смену доминанты институциональной матрицы без разрушения основ всего общества?

Попробуем дать описание экономических реформ Китая с позиций теории институциональных матриц. Для наглядности будем сравнивать реформы Китая и России в одних и тех же терминах.

В соответствии с положениями теории институциональных матриц экономические подсистемы как российского, так и китайского общества исторически характеризуются доминированием институтов так называемой X-матрицы, то есть редистрибутивной экономикой. К числу ее основополагающих характеристик, напомним, относятся институты условной верховной собственности, редистрибуции (аккумуляции-согласования-распределения), кооперации, служебного труда и X-эффективности. Они образуют рамочную структуру хозяйства в этих странах. В свою очередь, экономические институты Y-матрицы, или рыночной экономики, имеют

---

46. Тойнби А.Дж. Византийское наследие России // Цивилизация перед судом истории. М. — СПб, 1995. С. 106.

здесь компенсирующее значение, являются комплементарными. К ним относятся институты частной собственности, обмена (купли-продажи), наемного труда, конкуренции и Y-эффективности, то есть максимизации прибыли за счет использования конкурентных преимуществ на рынке.

Одной из причин начала экономических реформ и в России, и в Китае являлась неэффективная институциональная структура экономики. В ней был нарушен институциональный баланс. Он выражался в тотальном доминировании институтов X-экономики, в то время как необходимые институты Y-экономики были почти неразвиты или носили латентный характер. Реформы, предполагающие в обеих странах модернизацию институциональной структуры, были ориентированы на совершенствование действующих форм редистрибутивной X-экономики и внедрение элементов рыночной Y-экономики. Но характер проведения реформ различался.

Основное различие проводимых реформ состояло в следующем.

Во-первых, реформы России и Китая отличало *разное соотношение эволюционных и революционных компонентов*. В Китае особое внимание было уделено преемственности реформ с предыдущей практикой. Она выражалась в сохранении доминирующего положения базовых экономических институтов. Рыночные институциональные формы встраивались с учетом их комплементарного характера в хозяйственном развитии. Например, частная форма собственности была характерна преимущественно для вновь создаваемых предприятий, в то время как существующие не разрушались, а реформировались постепенно. Таким образом, происходило и становление необходимого институционального баланса, обусловленное расширением сферы действия рыночных Y-институтов, и сохранялась объективно необходимая матричная структура редистрибутивных X-институтов, которые также модернизировались соответственно требованиям времени. Результатом такой практики реформирования стало увеличение темпов эконо-

мического развития, модернизация социальной структуры и одновременно оптимизация социальных издержек, естественно возникающих в ходе масштабных институциональных преобразований.

В России первоначальный курс реформ исходил из необходимости слома институтов редистрибутивной X-экономики и создания для выполнения их функций новых институциональных форм из рыночной Y-экономики. Предполагалось кардинально изменить институциональный баланс в пользу доминирования рыночных институтов, а не дополнить ими хозяйственную структуру. Как отмечал в связи с этим китайский ученый Чжоу Вэйди, «российская модель приватизации начала формироваться в конце 1991 г. в общем контексте перехода от перестройки в СССР к рыночной реформе в РСФСР под сомнительным лозунгом «все государственно-общественное неэффективно, все частнобизнесное — прогрессивно» и лозунгом, отразившим идеологическую позицию деятелей «шоковой терапии» о том, что «государство должно уйти из экономики»⁴⁷.

Как и ранее в истории страны попытка замены институциональной X-матрицы на альтернативную Y-матрицу не удалась. И так же, как и прежде (хронологически ближайший к нам такой период известен под названием «развития капитализма в России» на рубеже XIX—XX вв.) обострились социальные проблемы, возникла угроза выживанию страны как единого, самостоятельного экономически независимого государства. С начала 2000 г. курс был скорректирован, большее внимание стало уделяться модернизации базовых институтов редистрибутивной экономики (см., например, административную реформу), началась ревизия рыночных преобразований, им начал придаваться более прагматичный характер.

---

47. Салицкий А. Китайские оценки «перестройки» и пост-советских реформ: справедливые упреки. 04.08.2007 http://www.kpunews.com/kyev_article14_69.html

В Китае же институты редистрибуции де-юре и де-факто сохраняли и упрочивали свое положение в экономической структуре, постепенно дополняемой необходимыми рыночными элементами.

Во-вторых, реформы Китая и России характеризовало *различие уровней взаимосвязанности экономических преобразований с реформами политических и идеологических институтов*. В Китае проведение экономической реформы постоянно рассматривается как составная часть модернизации китайского общества по всем его направлениям. Политические и идеологические институты определяют, как правило, рамки и ограничения для выбора хозяйственных мероприятий, являются значимыми факторами экономической политики. Идеологические институты, которые зачастую имеют наибольшую инерционность в связи с их укорененностью в национальном сознании и поколенческой памяти, корректируются наиболее осторожно. Свидетельством этого является сохранение роли коммунистической партии в политической структуре, развитие централизованной структуры управления, выдвижение ценностей «продолжать развитие по социалистическому пути», модернизируясь в соответствии с потребностями времени, и т.д.

В России экономические реформы выдвигались на первый план, рассматривались как основное средство решения всего комплекса социальных проблем. Построение плана преобразований хозяйственной жизни осуществлялось в большей мере само по себе, вне связи с существующими политическими и идеологическими реалиями. Их ограничительная роль часто проявляла себя уже после реализации экономической политики, что затрудняло и ход самой экономической реформы. Именно поэтому китайские ученые Ши Цзэшен и Лян Лэй такое важное значение придавали осуществленной президентом России В.В. Путиным в 2000 г. политической реформе, а именно, политике упорядочивания отношений между федеральным и местными органами влас-

ти, указывая на это как на «необходимое условие успешных стратегических преобразований»⁴⁸.

Отмеченные различия определяют, на наш взгляд, разницу в результатах реформирования китайского и российского общества — Китай несомненно является здесь более успешным.

Заключение: Китай и финансово-экономический кризис 2008—2009 гг.

Принятый в Китае курс получил большой резонанс в условиях развернувшегося экономического кризиса, преодоление которого во всем мире видится в усилении роли государства, исправлении перегибов глобализации, реформировании международных финансовых организаций, отступлении от полной приватизации и либерализации экономики. Антикризисная политика Китая заимствует многие моменты аналогичной борьбы с кризисом 1998 г., включая: 1) усиление роли государства и государственных программ, укрепление роли компартии и идеологической пропаганды в духе патриотизма и коллективизма; 2) корректировка реформ в денежной и банковской сферах и в области собственнических отношений с большим учетом национальной специфики и с поисками оптимума государственно-частного партнерства; 3) расширение внутреннего потребления при одновременном снижении уровня имущественной дифференциации, что помогает самортизировать проявления социального недовольства; 4) проведение умеренно мягкой монетарной политики при снижении процентной ставки кредитов предприятиям и годовых депозитов банковских операций; 5) расширение инвестиций прежде

---

48. Салицкий А. Китайские оценки «перестройки» и пост-советских реформ: справедливые упреки. 04.08.2007 http://www.kpunews.com/kyiv_article14_69.html

всего в инфраструктурные проекты с целью роста конечного потребления и занятости; б) снижение налоговой нагрузки на предприятия и ставки подоходного налога для населения. Сохранению необходимых высоких темпов экономического роста помогает также твердая решимость китайского правительства поддерживать низкий обменный курс юаня, несмотря на оказываемое давление со стороны США.

Учитывая весь комплекс факторов, многие политические деятели на Западе отмечают способность Китая выйти из мирового экономического кризиса с минимальными потерями и тем самым повысить свой рейтинг. Строятся предположения, что именно Китай сможет переформатировать кризис в своего рода «инновационный скачок», идею которого выдвинул Билл Гейтс. В ближайшие 10—15 лет Китай имеет хорошие шансы перейти из группы «инновационных преследователей» в группу «инновационных лидеров» и повысить свою активность в международном научно-техническом сотрудничестве.

Условия глубочайшего кризиса во многих странах и неизбежный вследствие этого кризис всего нынешнего мироустройства повышают престиж новой китайской модели, ее восприятие в качестве привлекательной институциональной инициативы и образца развития для всего азиатского региона и далеко за его пределами. Тем актуальнее становится потребность в теоретическом осмыслении ее сути, формировании понятийного языка, позволяющего не только описать китайскую модель, но и транслировать ее опыт за пределы страны.

РЕЗЮМЕ: 5 тезисов для дискуссии

1. Выбор теоретических рамок для анализа успешных китайских реформ является чрезвычайно важным как для их понимания, так и для возможностей трансляции китайского опыта реформирования в другие страны. Сопоставив различ-

ные подходы, полагаем возможным предположить, что российская теория институциональных матриц (представляющая собой развитие культурологической оппозиции Восток-Запад в институциональном понятийном поле) представляет сегодня наиболее адекватные методологические рамки для такого анализа. Согласно этой теории, Россия и Китай характеризуются историческим доминированием институтов X-матрицы (унитарное политическое устройство, редистрибутивная экономика, коммунитарные ценности), в то время как институты Y-матрицы (федеративное политическое устройство, рыночная экономика и индивидуалистические ценности) имеют необходимое, но дополнительное значение.

2. С этой точки зрения развитие так называемых государственно-социалистических образований в большей мере соответствует эволюции социальных структур с доминированием X-матрицы, в то время как развитие так называемых государственно-капиталистических образований является естественным этапом эволюции институциональных структур Y-матрицы. Актуализация социалистической ориентации в странах Латинской Америки, в которых исторически доминируют институты X-матрицы, с этой точки зрения не является неожиданной.

3. В настоящее время идет поиск новых философских оснований современного развития. В силу их неопределенности переосмыслению подвергаются уже известные концепции капитализма и социализма. Одна из точек зрения состоит в том, что их удастся усовершенствовать в соответствии с новыми реалиями. В этом направлении идут поиски новых обозначений для капитализма (например, контролируемый, социально ориентированный) и социализма (например, реальный, с китайской спецификой). Мы полагаем эту позицию непродуктивной.

4. Теоретическая альтернатива для современного глобального взаимозависимого мира заключается в формулировке идеологически нейтральных, в отличие от вышеупомянутых, концепций. Начавшаяся «перезагрузка отношений»

между ранее противостоящими государствами требует новой прагматической и «спокойной» философско-теоретической основы для сотрудничества. Наш прогноз заключается в том, что наибольшие шансы быть принятой в научной и общественной аудитории в качестве «глобальной платформы взаимодействия» будет иметь теория, отвечающая этим свойствам. В России идет поиск новых парадигм в этом русле (например, складывается направление «экономическая синергетика», развивается теория институциональных матриц).

5. В какой мере категория «смешанной экономики» эвристична для анализа китайской модели? Это зависит от содержания, вкладываемого в эту категорию. Если понимать «смешанную экономику» как «посткапиталистический этап» развития рыночной экономики, то эта категория, по нашему мнению, не подходит. Если же под «смешанными экономикami» («смешанными обществами») понимать экономические (социальные) структуры, в которых взаимодействуют X- и Y-матрицы экономических (политических, идеологических) институтов, то такой подход целесообразно развивать. Одной из перспектив его развития (в том числе и для Китая) является определение оптимального баланса X- и Y-институтов для каждого государства в соответствии с природой его доминантной матрицы и этапами общественного развития.

КИРДИНА С.Г.

АКТУАЛЬНОСТЬ
ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ
ДИСКУССИИ ПРИ
ОБСУЖДЕНИИ
КИТАЙСКОЙ МОДЕЛИ
РАЗВИТИЯ

(УСТНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ
НА КРУГЛОМ СТОЛЕ)

Уважаемые участники! Для всех, кто интересуется Китаем, кто интересуется российскими реформами, надеюсь, будет интересной тема сегодняшнего «круглого стола». «Институциональный анализ китайской модели: теоретическая дискуссия и прогноз». Почему теоретическая дискуссия, почему это актуально, почему интересно заниматься теорией, а не только изучением китайского опыта? Я бы хотела остановиться на трех моментах, почему сегодня это может быть актуально.

Итак, во-первых. Вспоминается такой случай. Во время одной международной дискуссии на американском телевидении CNN ведущий журналист высказал точку зрения о том, что мир становится многополярным. Европейцы, наверное, рады тому, что теперь не только Америка доминирует в мире, а мир становится многополярным, и в нем будет много полюсов. На что европейский корреспондент ему ответил, что мир становится не многополярным, а биполярным, потому что Россия заявила о своих политических амбициях. Но проблема заключается в том, что если у СССР, как бы не относиться к Советскому Союзу, была привлекательная геополитическая —

а именно коммунистическая идея, которую поддерживало множество стран в мире, начиная с Латинской Америки, регионов Юго-Восточной Азии и африканских стран, то сегодня у России такой привлекательной идеи нет. И это лишает Россию возможности конкурировать с Америкой за мировое влияние или быть ей достойным оппонентом в строительстве биполярного мира. А что такое идея? Идея — это теория. То есть сегодня отсутствует альтернативная привлекательная теория, которая могла бы противостоять тем теориям, которые предлагают наши партнеры, как говорит наш президент.

Второй важный момент — правильная оценка зарубежного опыта. Сейчас, когда наступил финансовый кризис, становится популярным изучать опыт друг друга. Вот в Швеции — так, в Австрии — так, в Италии — так. Но вопрос заимствования этого опыта, определения рамок, которые позволяют или не позволяют импортировать зарубежные рецепты, обычно не обсуждается. А чтобы понять, насколько адекватен чужой опыт, может он или не может быть применен в других условиях, мы должны разобраться, какие социальные структуры выстраиваем, какие финансовые, экономические или политические механизмы используем. И здесь не обойтись без соответствующей теории.

И, наконец, третий момент — политическая актуальность теории. Теории, особенно социальные и экономические, важны не только и далеко не сами по себе. Сегодня, как вы знаете, снова разгорается дискуссия вокруг судеб капитализма и социализма. С одной стороны, налицо известный левый дрейф в странах Латинской Америки, рост авторитета Китая, который заявляет, что строит социализм. А с другой стороны, возрастает интерес к марксизму и его прогнозам относительно гибели капитализма. Многие, наверное, читали о том, что на встрече в Колумбийском университете выдающихся экономистов с участием нобелевских лауреатов и советников президента США Б. Обамы, произошел курьезный случай, когда в ходе обсуждения проблемы финансово-экономического кризиса какой-то товарищ из Европы зачитал цитату из

своего ноутбука, излагающую механику происхождения кризиса: рабочие берут кредиты, кредиты погашать им все дороже, кредиты дорожают, они их не возвращают, банки банкротятся, их национализируют, наступает коммунизм. Оказалось, что это было описание из «Капитала» К. Маркса. И все засмеялись, поаплодировали. Этот курьез показал, что не нашлось а арсенале современных теорий более адекватных концепций описания проявившихся в ходе кризиса процессов.

Поэтому, на наш взгляд, нет ничего актуальнее поисков теории, которая позволила бы понять, что делать в кризис, теории, которая помогает понять, как развивается сегодня глобальный мир. Те пять тезисов, которые мы вынесли сегодня на обсуждение, содержат ряд принципиальных положений. Начнем с того, что дихотомия капитализм-социализм сегодня потеряла свою актуальность. Обсуждение в рамках этого узкого понятийного пространства малопродуктивно, глобальный мир требует других, не противостоящих друг другу концепций. С этой точки зрения цивилизационный подход также оказывается ограниченным, потому что он противопоставляет и тем самым сталкивает нации, государства, народы. Мы полагаем, что в условиях глобального мира нужна теория, которая является идеологически нейтральной, во-первых, и, во-вторых, которая может послужить общей рамкой широкого научного анализа большинства государств. Та «перезагрузка» международных отношений, которая начинается на наших глазах и которая касается контактов Америка — Турция, Америка — Европа, Россия — Латинская Америка и т.д., требует формирования новой теоретической платформы этих глобальных взаимодействий. Участники этих взаимодействий испытывают потребность как-то себя обозначить, понять, как они себя позиционируют и какие интересы представляют. И поэтому вопросы теории, на наш взгляд, являются не только не праздными, не только актуальными с научной точки зрения, они являются актуальными с политической точки зрения и с точки зрения вообще современного глобального развития.

Учитывая значение теории на современном этапе, мы обращаемся к опыту Китая с целью «проверить на нем» пригодность различных теорий и, прежде всего, теории институциональных матриц. Так она называется в России. В Европе ее называют ИМТ paradigm, то есть парадигма институциональных матриц, в Индии назвали X- and Y-theory (X-Y-теория). Приложение этой теории к условиям Китая позволяет на многие вещи взглянуть как-то по-другому, глубже уяснить возможности трансляции китайского опыта, в частности в Россию; обрисовать глобальные перспективы китайского опыта как одной из существующих социально-экономических моделей развития.

Первый постулат теории институциональных матриц — почти общеизвестная истина, что в обществе выделяются три его важнейшие сферы, или подсистемы: экономика, политика, идеология. Они являются своеобразными проекциями общественного целого, они все взаимосвязаны морфологически, то есть принадлежностью к общему целому. Если вы попытаетесь сосредоточить все внимание на реформировании какой-то одной стороны, это будет мало продуктивно, потому что это просто не соответствует объективному характеру общественного устройства. То есть любое наше социальное действие является (и должно планироваться) как экономическое, политическое и идеологическое одновременно. Экономическое потому, что мы распределяем, тратим ресурсы; политическое потому, что мы организуемся для того, чтобы эти ресурсы тратить и использовать для своего потребления; и идеологическое потому, что при этом мы руководствуемся теми или иными ценностями. Другими словами, экономика отражает материальную сторону социальных отношений, связанных с переработкой ресурсов; политика — способ организации; идеология — цели, которые легитимизируют политические и экономические способы достижения. В этой трехмерной проекции — экономике, политике и идеологии, согласно нашей теории, представлено общество. В соответствии с институциональной теорией, в

каждой из этих сфер можно выделить базовые институты, которые их регулируют. Они представляют собой устойчивые социальные «технологии», которые позволяют обществу выжить и развиваться. Эти экономические, политические и идеологические базовые институты являются предметом рассматриваемой теории.

Само понятие «институциональной матрицы» расшифровывается как система базовых экономических, политических, идеологических институтов. Это слово заимствовано из латинского языка, где оно означает исходная матка. Матрица — это своеобразный генотип, устойчивая социально-институциональная структура. Предполагается, что материально-технологическая среда является основным фактором, влияющим на то, какие формируются социальные структуры. Выделяется два типа «идеальных», то есть в теории, институциональных матриц. Они названы X и Y матрицами, чтобы снять какие-то идеологические коннотации*. Наверное, поэтому для простоты в Индии эту теорию назвали «X и Y-теория».

Эти две матрицы характеризуются качественно различными наборами институтов. X-матрица: ее устройство — это редистрибутивная экономика, то есть экономика, в которой транзакции опосредуются центром. Соответственно такой экономической структуре формируется унитарное политическое устройство с иерархией административно-территориального деления. И такой экономический и политический порядок легитимизируется или закрепляется в так называемых коммунитарных ценностях, когда ценности общего выше ценностей частного, где «Мы» выше «Я».

Альтернативная Y-матрица нам известна лучше, потому что она лучше описана в учебниках «экономикс», излагающих каноны западной науки. Исторически наука пришла в Россию с Запада, из Германии. Академия наук России, вы знае-

---

* Коннотация — сопутствующее значение слова.

те, формировалась как собрание приглашенных немецких ученых в начале XVIII в. Такая специфика развития российской науки объясняет, почему изначально европейскую сторону социально-экономической системы мы часто знаем лучше, чем собственную. Эта «Y-матрица» включает в себя рыночную экономику, то есть экономику частной собственности, федерацию как политический механизм, когда политическая структура строится «снизу», и так называемые субсидиарные ценности, когда по отношению к личности все ценности субсидиарны, то есть дополнительные — «Я» выше «Мы».

Свойственный каждой матрице набор институтов изучен, проанализирован и подтвержден многочисленными историческими примерами. За всем этим стоят серьезные долговременные исследования. Сходные по своему назначению институты выполняют в обществе одну и ту же функцию, но разными способами. Например, формирование кадров может происходить по принципу назначения или через систему выборов. В X-матрице доминирует назначение. Это мы хорошо знаем. В Y-матрице — выборы. И аналогично по всем другим институтам.

Согласно существующей гипотезе, которая хотя и оспаривается, но пока не опровергнута, в отдельных государствах превалирует один тип матрицы, а другой является комплементарным. То есть в любом государстве есть те и другие институты, но при этом одни устойчиво доминируют. То или другое доминирование предопределяется особенностями среды, в которой возникают государства. Есть ряд исследований на эту тему. Здесь на представленной схеме эти маленькие треугольнички вставлены в большие треугольники, то есть показано, что в России и в странах Юго-Восточной Азии, в Индии, Китае, Латинской Америке доминируют X-матрицы, а Y-матрица комплементарна — она как бы «внутри», в рамках другой матрицы. А в странах Европы и США соответственно наоборот. Там Y-матрица является главной (этому соответствуют большие треугольники), а X-матрица — дополнительная, комплементарна (рис. 1).

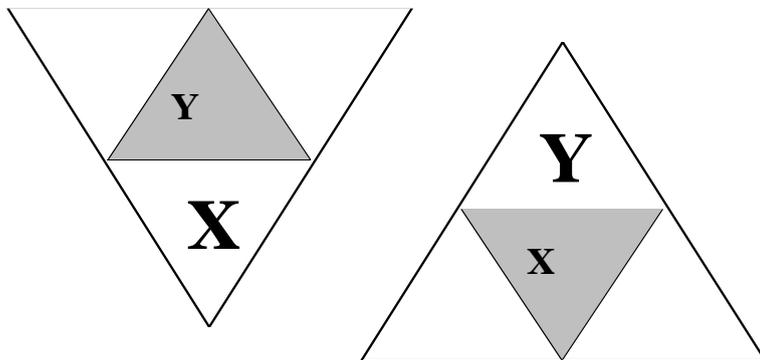

Рис. 1. Схематичное изображение комплементарности институциональных матриц.

Попытка «перехода на другую матрицу» вместо продвижения вперед может откинуть государство назад. Например, когда в России на рубеже XIX—XX вв. пытались строить капитализм, то маятник истории, вспомните, отбросил нас назад. Не смогли построить капиталистическое общество, вернулись к исходным социальным конструкциям. Также «переизбыток» доминирующих институтов и недостаток комплементарных институтов ведут к кризисам или революциям. Например, в СССР не было в достаточной мере рыночных институтов, личностных ценностей и т.д. Мы сами институциональный механизм не отремонтировали, не дали необходимой свободы комплементарным институтам и страну свою потеряли.

Такой «матричный» подход позволяет рассматривать китайское общество как общество, которое характеризуется доминированием X-матрицы, институтов X-матрицы. И фактически реформы Китая заключаются в том, что реформируются, модернизируются институциональные формы этой матрицы и добавляются необходимые комплементарные институты, но природа доминирующей X-матрицы не меняется.

Я хотела бы вам привести случай, который произошел во время представления этой концепции на российско-китайском симпозиуме в Екатеринбурге. После того как я рассказала о специфике института условной верховной собственности в X-матрице, слово попросил уже выступавший ра-

нее заместитель директора Института финансов Академии общественных наук Китая. Он привел статистические данные по формам собственности в Китае и пояснил, что в его стране по-прежнему доминирует не частная, а именно та самая условная верховная собственность. Когда вы читаете книги по Китаю, то очень часто кооперативную собственность относят к частной собственности, предприятия с иностранным участием — к частной собственности, акционерные формы — к частной собственности. Этот товарищ показал, что по сути дела акционерные формы с иностранным участием, коллективные предприятия являются условной верховной собственностью. Почему? Потому что по отношению к ним есть уровень управления — центральный, региональный или местно-волостной, который определяет правила взаимодействия в этих уровнях управления и экономических формах собственности. И это позволяет понять суть реформирования Китая.

Мы можем видеть, что в Китае модернизируют присущую ему форму собственности — условную верховную, не пытаясь массово заменить ее другой, частной. Но, например, американские авторы, этого не видят. Они считают, что акционерные общества — это частная собственность. Это то же самое, что объявить наш «Газпром» частной собственностью. Так что статистика — это статистика, а теория — это теория. И этот пример показывает, как понимание сути устройства экономических отношений позволяет точно оценить статистику и диагностировать реально происходящее в китайском обществе.

Другой интересный пример, который касается взаимосвязи экономики, политики и идеологии. Анализируя реформы, китайские исследователи подчеркивают, что мы пытались менять экономику, а политические реформы запоздали. Поэтому, когда В. Путин стал внедрять представителей президента в федеральные округа и назначать губернаторов, то они отметили (это процитировано в докладе), что Слава Богу, он взялся это делать, потому что проведение несогласованных экономических и политических реформ означает высокие социальные издержки и низкий результат.

Третий интересный пример, подчеркнутый из бесед с китайскими товарищами. Они пробовали спастись от перегрева экономики и высокой инфляции монетаристскими методами, используя разного рода экономические механизмы: учетные ставки, налоги и т.д. Но это мало помогло. Тогда они прибегли к сочетанию политических и экономических инструментов. Они поставили положение назначенного регионального или муниципального лидера в зависимость от ситуации с состоянием макроэкономических показателей. То есть если цены на недвижимость растут в каком-то месте, то этот человек получает отрицательные баллы в своей руководящей деятельности и даже снимается с работы. Мера оказалась действенной. Кому-то это нравится, кому-то — нет. Можно спорить, хорошо это или плохо. Но как сказал Дэн Сяопин, «нам неважно, какого цвета кошка, важно, чтобы она ловила мышей». Следование этой логике в фарватере функционирования присущей Китаю институциональной структуры, дополненной институтами модернизации, объясняет тот экономический успех, которого достиг сегодня Китай.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

ДЗАРАСОВ С.С. : Как соотносится изложенная вами теория институциональных матриц с господствующей в мире и в России неоклассической теорией, так называемый мейнстрим?

КИРДИНА С.Г.: Спасибо, вопрос огромный. Вкратце можно сказать, что эти теории базируются на разных постулатах. Вообще понятие «институциональной матрицы» ввел Д. Норт. Норт — классический представитель неоинституционализма, но теоретики знают, что неоинституционализм — это частный случай неоклассической теории. Более развернуто об этом говорят Дж. Ходжсон, М. Блауг и другие известные теоретики. Отличие заключается в том, что мейн-

стрим базируется, как Вы знаете, на определенных постулатах: методологического индивидуализма, исходя из которого экономическая структура представляется как результат деятельности человека, максимизирующего свою полезность ради достижения своих интересов. Если с этой точки зрения попытаться объяснить то, что происходит в экономиках России и Латинской Америки, эта концепция не работает. Есть очень интересная статья Ольги Борох «Экономическая теория Китая» в журнале «Проблемы Дальнего Востока», где она пишет, что в Китае постулаты неоклассики, или мэйнстрима, также не работают. Это означает, что неоклассика сама по себе ни плоха, ни хороша. Она адекватна для объяснения той группы проблем в тех группах стран, где эта теория зародилась и где она работает до сих пор. Но она не годится для тех стран, где её постулаты себя изжили. Надо сказать, что представители нашей российской экономической школы это понимали и понимают. Хотя есть разные подходы преодоления ограничений неоклассики. Например, ряд уважаемых ученых исходят из другой модели экономического человека, вменяя ему вместо индивидуалистских ценностей максимизации экономического поведения ценности коллективистские. Это модель Чаянова, модель Кондратьева и др. С таким подходом согласны не все. Есть другой способ снятия методологических ограничений мэйнстрима — перейти от анализа индивидов к рассмотрению институтов как «наиндивидуальных структур». И в концепции институциональных матриц реализуется именно такой подход. Можно считать, что неоклассическая теория в каком-то смысле может рассматриваться теперь как частный случай для теории институциональных матриц⁴⁹. Она объясняет ряд таких явлений, которые неоклассическая теория либо упускает, либо искажает и объясняет также мно-

---

49. Подробнее об этом см.: Кирдина С.Г., Малков С.Ю. Два механизма самоорганизации экономики: модельная и эмпирическая верификация: Науч. докл. М: Институт экономики РАН, 2010. С. 6—25.

го того, что неоклассическая теория не объясняет. Вот в таком соотношении они находятся.

ДЕГТЯРЬ А.С.: Каждое государство реально. Каждое общество — это сочетание двух матриц. Приводит ли это сочетание к возникновению чего-то нового? В соответствии с синергетикой при сочетании двух систем появляется что-то принципиально новое. Происходит ли такой процесс в реальной жизни? И насколько продуктивно то сочетание, которое сейчас сложилось в Китае, как Вы его оцениваете? Есть такая точка зрения, что сейчас формируется новая парадигма, которая вытекает из объединения, сочетания этих двух, но будет принципиально от них отличаться.

КИРДИНА С.Г.: Вы упомянули синергетику, относящуюся к числу наиболее общих теорий. Согласно концепции синергетики, устойчивое развитие возникает тогда, когда конструкция дуальна, но одна из них доминирует. То есть если две компоненты абсолютно равны, развития нет. Движение начинается, когда при наличии двух равнозначных компонентов один из них чуть-чуть превалирует и создает направление движения. Помните историю про Буриданова осла, который не мог выбрать из двух абсолютно одинаковых охапок сена и потому умер. С этой точки зрения вообще само развитие предполагает, что в любой структуре (у гена человека это X и Y-хромосомы, например) есть дуальная оппозиция. И одна составляющая слегка доминирует. Есть известное исследование на эту тему биолога В.А. Геодакяна, который считает это общим принципом развития всех живых систем. И с этой точки зрения наличие X и Y-хромосом в гене человека не приводит к появлению чего-то третьего. Опыт развития цивилизации доказал, что разделения особей лишь на две группы — на мужчин и женщин, — достаточно для того, чтобы шло биологическое развитие популяции. Так и в общественной истории — наличия двух типов институциональных матриц вполне достаточно. Природа устроена так, что ей не нужно лишнее. Она выбирает экономичный путь и в нем живет. Исторические исследования показывают, что пока мы не видим

зарождения какого-то третьего типа институциональных матриц. Нет конвергенции. Просто идет развитие. Как в человеческой природе — женщины становятся лучше, краше, лучше одеваются, мужчины становятся умнее. Они взаимодействуют. И благодаря этому живет общество. Так и эти две матричные структуры являются комплементарными элементами, но только для каждого единого государства. Их доминирование в мировом плане тоже имеет смысл, потому что каждая из них имеет свои специфические функции. X-структура — это структура консервативная, сохраняющая традиции, культуру, обеспечивающая трансляцию опыта, Y-структура — ориентация на прогресс, развитие инноваций. И та, и другая нужны друг другу. Они дополняют друг друга. Пока не видно необходимости в третьем.

КОНДРАШОВА Л.И.

КИТАЙСКАЯ МОДЕЛЬ
В СВЕТЕ ДИСКУССИИ
О КАПИТАЛИЗМЕ
И СОЦИАЛИЗМЕ

(УСТНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ
НА КРУГЛОМ СТОЛЕ)

Поскольку мы подробно изложили нашу точку зрения в докладе, с которым у всех присутствующих была и или еще будет возможность ознакомиться, мы постараемся не повторяться и попробуем подвести некоторые итоги, чтобы расставить точки над «і».

Прежде всего я хочу все-таки поддержать Светлану Георгиевну в отношении важности теории. И в данном случае я, например, даже не вполне согласна с этим известным тезисом Дэн Сяопина относительно «кошек, которые должны ловить мышей независимо от своего цвета». Учитывая важность для Китая номиналистической теории, которая пытается найти каждому предмету свое имя, не обращать внимания на цвет кошки можно только временно. Еще важнее родословная этой кошки. В конце концов все-таки придется решать, какую кошку ты вводишь в свой дом — черную или белую, китайскую или завезенную из другой страны. В данном случае, по-моему, Дэн Сяопин в определенной степени пренебрег китайскими традициями.

Если мы попробуем приложить изложенную нами сейчас концепцию, матричную теорию к реалиям Китая, то

следует их проанализировать с трёх ракурсов: с точки зрения прошлого, настоящего и будущего. С исторической точки зрения Китай, несомненно, одна из самых типичных стран, в которой доминирует редистрибутивная матрица. Концепция институциональных матриц во многом переключается с теорией азиатского способа производства, упомянутого Марксом. Рассматриваемые нами две матрицы характеризуют и два цивилизационных генотипа развития человечества — восточный путь развития и западный, относительно расхождения которых существует огромная литература философского и исторического содержания. И вот Китай является типичным примером такого восточного пути развития.

При этом оба пути в определенной степени, особенно в историческом разрезе, самодостаточны и конкурентоспособны, что лишает смысла всякие разговоры о том, какой из них лучше. На каком-то этапе приоритет был на стороне стран с доминированием X-матрицы. Долгое время Китай вообще развивался быстрее Европы и был основным мировым производителем. Его отставание от Европы началось фактически с середины XVIII в. Так что отнести одну матрицу к прогрессивному пути развития, а другую к регрессивному и даже к тупиковому было бы абсолютно неправильно.

Второй вывод, который я хочу сделать, относится к перенесению этих двух матриц на современность, и здесь не обойтись без теорий социализма и капитализма. Полагаю, справедливо констатировать, что капитализм — это логичное продолжение Y-матрицы, рыночной матрицы. Это ее высшая стадия. Хотя из этого отнюдь не следует, что история кончается и что на капитализме вообще заканчивается историческое развитие, что это его апогей. И социализм — как ни покажется это кому-то странным, тоже оказался довольно естественным путем развития. Он вытекал из второй X-матрицы, унаследовав характерную роль государства, централизованный характер власти, главенство государственной собственности и характер этой государственной собственности, коллективист-

ские начала — это все естественно вытекало из второго пути развития, восточного пути. И это ни некий тупиковый путь, потому-то на определенном этапе он содействовал очевидному экономическому прогрессу. В частности, в условиях социалистической мобилизационной экономики был достигнут определенный экономический прогресс. А если говорить о нравственных и идеологических основах (сейчас не будем этой темы особенно касаться), то здесь социализм тоже доказал свои определенные преимущества перед капитализмом хотя бы по накалу трудового энтузиазма и по героизму в Великой Отечественной войне. Социализм, на определённой стадии своего развития, тоже исчерпал свои возможности, из чего логически вытекал вывод о необходимости реформы социализма.

Сейчас очень часто говорят о различиях реформы и трансформации. Реформа понимается как частичное усовершенствование социализма, которое, якобы, вообще не меняя его сущности, тоже оказывается каким-то тупиковым вариантом, не являющимся подлинным выходом из кризиса, и вследствие этого отвергается с ходу. На начальном этапе нашей реформы такой шадящий путь никак не мог удовлетворить реформаторов-либералов. Предпочтение отдавалось идее трансформации, то есть перехода с одного пути развития на другой. И тут встает тот вопрос, который мы хотели бы затронуть в ходе нашей сегодняшней дискуссии, а именно: ВОЗМОЖЕН ли как таковой переход с одного цивилизационного пути (или с доминирования одной матрицы) на другой цивилизационный путь (к доминированию другой матрицы)? На мой взгляд, такое «изменение колее» невозможно, поскольку это сопряжено с потерей не только суверенитета страны, но и её цивилизационной идентичности, страна прекращает свое существование как страна данного типа. Это можно сделать только ценой развала всей системы. Хорошим примером может служить Китай. Он долгое время жил в некоем обособленном мире без внешнего влияния, пока не началось вторжение капитализма. Фактически капитализм ведь не только не продвинул развитие Китая, не только не способ-

ствовав его экономическому росту, но поставил под вопрос само существование Китая как независимого государства.

В чем вообще значение революции 1949 г., что в ней самое главное? Главным было спасение Китая от распада и колонизации. В канун революции Китай уже не был единым государством, это была раздробленная страна, население которой гибло от нищеты и потребления наркотиков. Страна находилась на грани полного разложения. И революция, которую возглавили коммунисты, послужила спасением страны, сохранению ее цивилизационной специфики.

Теперь давайте обратимся к современной ситуации. С чего началась и как проходила китайская реформа? Она началась с намерения изменить соотношение рыночного и государственного начала, перейти на рельсы рыночной экономики. Китайские реформаторы ни в коей мере не боялись отступить от марксизма, смело пошли на корректировку основных постулатов марксистской теории. И в то же время это был полный отказ от маоизма как леворадикальной крайности социалистического пути развития, в данном случае можно сказать псевдосоциалистического, но автохтонного пути развития. Вся маоистская теория и сопровождавшие ее утопические эксперименты в виде «Большого скачка» и его рецидива в годы «культурной революции» — все это были попытки решения экономических и всех других общественных проблем Китая на основе его собственного опыта и при «опоре на собственные силы», то есть без какой-либо оглядки на Запад.

В чем специфика продвижения реформы? В том, что она шла эволюционным путем, что это не было полным отрицанием того, что было создано до того, что это было постепенное изменение. И между прочим, когда сейчас сравнивают Вашингтонский консенсус и Пекинский консенсус, то в основном сопоставляют не столько стратегии, сколько тактики проведения реформы. Если у нас была «шоковая терапия», стремление изменить все и изменить кардинально, то в Китае шел процесс постепенного накапливания нового и постепенной трансформации. Это, конечно, очень важные отличия, но

еще важнее различия поставленных целей, а именно, самого направления общей траектории развития.

В принципе Китай оказался в общем русле развития всех тех стран, которые развернули рыночные реформы. Но рынок диктует свои условия, и по мере продвижения реформ он всё больше начинал влиять уже не только на экономические процессы, но и на политические и на культурные. Это означало вторжение рынка в общественную жизнь Китая. Иначе говоря, Китай начал создавать не только рыночную экономику, но и рыночное общество. Однако, когда маркетизация приобрела широкие масштабы, в стране начались такие процессы, которые можно оценить сугубо отрицательно. Это и имущественная дифференциация, и потеря культурных традиций, серьёзное падение нравов и разрастающиеся структурные диспозиции — между промышленностью и сельским хозяйством, городом и деревней, внутренними и приморскими районами.

Помимо всего прочего, провозглашение и проведение открытой внешнеэкономической политики настолько втянуло Китай в мировую экономику, что он стал испытывать на себе все последствия глобализации — не только положительные, но и отрицательные последствия. Тогда встал вопрос о том, можно ли вообще перевести Китай на иной путь развития, чем чревата капитализация страны? Отмечая преимущества иностранных инвестиций, мы часто забываем, чем руководствуется внешний инвестор. Он приходит в ту или иную страну вовсе не для того, чтобы поддержать ее и стимулировать рост экономики, а для того, чтобы получить свою прибыль и вывезти ее из страны. Эта прибыль, которая создавалась за счет дешевого труда китайцев, только частично реинвестировалась в том же Китае. Кроме того, рост экспорта сделал Китай уязвимым с точки зрения колебаний мировой конъюнктуры, что и показал последний финансовый кризис. Иначе говоря, такое сильное вторжение внешнего фактора нельзя считать исключительно положительным явлением. Это палка о двух концах.

И вот на завершающем этапе тридцатилетней реформы под влиянием растущей критики, прежде всего её социальных последствий, примерно с 2007 г. китайские руководители стали приходить к выводу о необходимости изменить модель развития, которая служила ориентиром до сих пор — всемерное развитие рыночной экономики с целью максимизации темпов экономического роста. В каком направлении следует модернизировать эту модель, тоже стало проясняться. Был усилен социальный аспект, повышено внимание к природной среде, усовершенствованию экономической структуры, провозглашена задача подъема науки, перехода с экстенсивного на интенсивный путь развития. Все эти моменты зафиксированы лозунгом создания общества «сяокан» и лозунгом гармоничного развития. Так что в 2007 г. Китай уже начал менять взятый курс рыночного развития, что можно расценить как попытку синтеза национальной традиции, институциональной специфики и модернизации.

Но что интересно? Такое изменение курса не встретило всеобщего одобрения. Объявились разные критики как правого, так и левого толка. Одни опасались остановки реформ на полпути и их незавершенности. Другие предрекали дальнейшее сползание к капитализму, отказ от своей идеологии, от приверженности марксистскому учению.

Развернувшийся кризис, оказавший значительное влияние на Китай, не потребовал коррекции той стратегии, к которой ранее Китай пришел своим естественным путем, анализируя свои успехи и свои недостатки. Антикризисные мероприятия, которые проводит китайское руководство, не противоречат взятому курсу «гармоничного развития». Это — социальная экономика, экологическая экономика, это — развитие новых отраслей, это — подъем жизненного уровня, расширение внутреннего спроса, сокращение зависимости от экспорта. Фактически кризис как бы подтвердил правоту тех критиков реформы, которые требовали определенной модификации рыночного курса.

Людмила Серафимовна Дегтярь задала вопрос о том, насколько реальна сама по себе конвергенция, возможно ли создание в Китае смешанной экономики, которая бы приобрела рыночный облик и в то же время сохранила бы государственное регулирование, макроэкономическое регулирование. Пока движение идет в этом направлении. Китайская «смешанная экономика» имеет определенные черты того общественного устройства, которое можно назвать «рыночным социализмом». Но многие называют его «государственным капитализмом». И надо сказать, что термин «государственный капитализм» начал внедряться уже в самом начале XX в., еще до революции 1949 г. Это был тот идеал, с которым могли согласиться китайские националисты такого толка, как Сунь Ятсен. Он говорил, что Китай должен взять от капитализма его технологическую сторону, с его помощью совершить рывок в экономике, а потом должен отвернуться от него, чтобы избежать разрушения своей духовной жизни, своих нравственных устоев. Китай, — утверждал Сунь Ятсен, должен идти своим путем, который не будет повторять капитализм, потому что капитализм для Китая невозможен. Он невозможен по многим причинам, и прежде всего, потому что способствует росту имущественной дифференциации, явлению крайне болезненному для Китая. Нельзя игнорировать и другую совершенно реальную опасность распада страны. Наш опыт служит подтверждением реальности этой угрозы. Судьба Советского Союза служит Китаю грозным предостережением. Если развивать демократию по западному образцу, вводить многопартийность, разрушать гегемонию компартии, не избежать распада страны. Следует помнить, что каждая китайская провинция — это порядка 50—100 млн человек населения, каждая имеет достаточный экономический потенциал, свои традиции, свои языковые и культурные отличия, а уж об амбициях руководителей и говорить не приходится.

Вместе с тем нельзя не признать, что социалистическая ориентация Китая весьма далека от прежних догматических представлений. Китайский «рыночный социализм» это,

конечно, совсем не тот социализм, который был в Советском Союзе и о котором мы говорили как о такой более или менее целостной марксистской модели. Но дело в том, что и капитализм меняется сейчас на наших глазах. Он тоже переходит на рельсы серьезного реформирования. Значит, эти две институциональные матрицы в какой-то степени начинают сближаться, сближаться в направлении создания смешанного общества. Но это вовсе не значит, что это смешанное общество как нечто третье, что будет повторять черты той и другой матрицы. Доминантные черты своей прародительницы должны сохраняться, и сама дуальность развития не исчезнет. Существование дуальности — это историческая реальность, никуда от нее не денешься. Это принцип вообще не только общественного, но и любого жизненного устройства — закон «Инь» и «Янь», двух типов хромосом, двух полов и т.д.

Я хочу закончить на этом и предлагаю перейти к вопросам и дискуссии.

ДИСКУССИЯ

ВОПРОС: Людмила Ивановна, Вы выдвинули тезис о том, что капитализм в западном понимании неприемлем, невозможен и нереализуем в Китае. А как Вы объясните события на Тайване и в Гонконге?

КОНДРАШОВА Л.И.: К Тайваню и Гонконгу присоединим и Японию. Это все страны, как сейчас говорят, «конфуцианского капитализма», в котором сохраняются важная роль государства и культурная самобытность. Они не утратили свою цивилизационную идентичность. Я считаю, что можно говорить о капитализме с японской спецификой, с тайваньской спецификой и гонконгской спецификой.

КИРДИНА С. Г.: Про Японию я могу дополнить. Когда приезжают японские исследователи, то в разговорах с ними выясняется, что в Японии продолжает доминировать Х-матрица. Там есть ряд ключевых экономических параметров, которые свидетельствуют о том, что в структуре собственности, во взаимодействии разных форм собственности сохраняется важная роль государства. Можно сказать, что Япония — это наше будущее.

КОНДРАШОВА Л.И.: А Тайвань — это наиболее типичная модель государственного капитализма. Он с этого начал и от этого не отступил. Если мы говорим о смешанной модели, ее лучше всего воплощает модель государственного капитализма. И здесь, конечно, сближение Китая с Тайванем очевидно и будет продолжено, но все же до определенных пределов, до различий между государственным капитализмом и рыночным социализмом.

КИРДИНА С.Г.: Любые теории имеют свои рамки возможностей. Только сумасшедший может сказать, что его теория — это нечто совершенное, объясняющее «все и вся». Этот человек либо больной, либо он не ученый. «Матричный» подход справедлив при наличии самодостаточных субъектов. И Тайвань и Гонконг, вы знаете, являются юридически самостоятельными политическими субъектами в пределах одного государственного образования (уже осуществленного или потенциального объединения). Это вообще некоторые такие опытные образцы, которые идеологически сильно связаны с одной системой (капиталистическим миром), являются сферой воздействия этой системы, а экономически связаны с другой системой (континентальным Китаем). Поэтому эти случаи правильнее рассматривать как маргинальные. Они не опровергают всего сказанного и даже позволяют понять процесс как-то лучше. Это как наши прибалтийские страны: то они с российской империей и СССР, то нет. Это маленькие страны, для анализа специфики развития которых нужен какой-то более тонкий, тщательно настроенный инструментарий. Образно говоря, это не тот «воробей», по которому нужно стрелять из нашей «пушки».

КОНДРАШОВА Л.И.: Это также не значит, что если Тайвань такой, то таким же будет и Китай.

КИРДИНА С.Г.: И наоборот. Когда Тайвань присоединится к Китаю, он, скорее всего, будет таким же, как Китай.

ДЕРЯБИНА М.А.: Что такое Пекинский консенсус? Об этом много говорят, слышу об этом со всех сторон этот термин, но никак не могу вникнуть.

КОНДРАШОВА Л.И.: В существующих интерпретациях Пекинского консенсуса самое главное — отличие от постулатов Вашингтонского консенсуса. К ним относились как мы знаем, полная либерализация экономики, полная приватизация экономики, максимально ускоренные темпы реформистских преобразований. «Пекинский консенсус» предполагает другой характер приватизации, многоукладность экономики, баланс государственной и частной собственности, государственное регулирование.

КИРДИНА С.Г.: Могу дополнить. Термин «Пекинский консенсус» был введен бывшим редактором журнала «Таймс» Д. Рамо. В работе «Использование и особенности китайской модели модернизации» он писал: «Особенностями «Пекинского консенсуса» являются: а) ведущая роль государства в экономике; б) опережающий рост промышленности; в) резкое сокращение бедности; г) повышенное внимание к развитию науки и образования». Таковы основные черты Пекинского консенсуса, которые в противоположность Вашингтонскому выделяются этим автором.

ВОПРОС: В вашем выступлении ничего не было сказано о прогнозе хотя бы на 5—10 лет. Что же все-таки в Китае должно произойти? Я понимаю, что всего не охватишь, но я очень уважаю «дамскую интуицию» и хотел бы послушать ваше мнение.

КОНДРАШОВА Л.И.: Давайте вернемся немножко назад и посмотрим, какие прогнозы давались по Китаю, когда он только начал проводить реформу. Очень многие считали, что эта реформа скоро выдохнется, быстро прекратится, и в обозримом будущем Китай столкнется с теми же проблемами, с которыми столкнулась Россия. Но поскольку Китай уклоняется от их решения, ситуация для него может еще более осложниться. Эти прогнозы не сбылись, и развитие Китая все прошедшие годы оставалось ускоренным и стабильным. Даже из мировых кризисов (1998 г. и 2008—2009 гг.) ему удается выходить с минимальными потерями. Есть мнение, что Китай останется единственной страной, которая сумеет обратить

финансовый кризис себе на пользу. Она не обойдется без серьезных потерь, но успешно их преодолет. Уже сейчас видно, что кризис благоприятствует реструктуризации китайской экономики. Наблюдается еще больший крен в сторону подъема инфраструктуры. Повышается внимание к нуждам сельского хозяйства, о чем давным-давно говорили, но до сих пор все оставалось на своих местах.

Речь идет также о повышении внутреннего спроса и корректировке внешней ориентации экономики. Другими словами, имевшие место серьезные структурные диспропорции в кризисной ситуации, как это ни странно, начинают преодолеваться. Поэтому считается, что Китай на фоне других стран, которые оказались в крайне серьезном положении, может даже укрепить свои позиции, то есть оказаться в определенном выигрыше. Во всяком случае, какого-то китайского коллапса в ближайшие 5—10 лет ожидать не приходится.

КИРДИНА С.Г.: Я могла бы в связи с этим вернуться к более абстрактному вопросу о характере социально-экономических изменений: построит ли Китай капитализм или социализм? Можно прогнозировать, что Китай будет и дальше развиваться по пути доминирования редиистрибутивных X-институтов, будет их модернизировать, будет развивать и рыночные инструменты, но тем не менее сохранит и упрочит доминирование своей институциональной матрицы. Все говорит в пользу такого принципиального вывода. Как бы кто-то ни ожидал или ни хотел, полной вестернизации Китая не будет. Таким, какой пытается стать современная Россия, Китай не станет.

ВОПРОС: Судя по всему, Вы абсолютно убеждены в том, что в Китае меняется модель развития, точнее, видоизменяется по мере достижения более высокого уровня экономического, технологического, финансового развития. Вы серьезно считаете, что это расслоение между городом и деревней, отставание социально-экономического развития северо-западных районов от прибрежных серьезно угрожают Китаю распадом?

КОНДРАШОВА Л.И.: Нет, распадом угрожают не только эти явления. Распадом угрожает само возрастание экономической мощи. Каждый из крупных административных регионов Китая обладает огромным экономическим и демографическим потенциалом при наличии своей очень большой географической и исторической специфики, своего собственного языка, и с развитием демократии они могут претендовать на самостоятельное государственное существование. Хотя демократия будет развиваться в своем «китайском» варианте, но все же будет развиваться, и политические амбиции элиты и руководства этих регионов будут возрастать. При более активной политической жизни страны претензии на государственный суверенитет регионов могут исходить и от других партий. Хотя многопартийность в современном Китае существует, но сегодня партии — союзники КПК — отодвинуты пока на задний план. В будущем они, вероятно, будут более активно участвовать в политической жизни. Развертывание демократического процесса стимулирует центробежные тенденции. Центробежные силы пока еще достаточно слабы и действуют не только как катализаторы раскола между восточными и западными регионами, но и между всеми провинциями. Наиболее ощутимы они в Южном Китае. Юг проявляет уже очень большие претензии на то, чтобы действительно превратиться в самостоятельный региональный массив. Именно к этому ведет осуществившееся присоединение Гонконга и ожидаемое присоединение Тайваня.

Что касается перспектив самой китайской модели, то наиболее перспективна модель «социализма с китайской спецификой», которую можно считать идеологическим вариантом понятия «рыночного социализма». Это означает сохранение общего вектора рыночного развития при политической системе, опирающейся на Компартию и отличающейся важной ролью государства в экономических процессах. Стратегия развития остается прежней, но без прежнего педалирования рыночной ориентации, которая имеет свою капиталистическую логику развития.

БОГОМОЛОВ О.Т.: Мне импонирует ваше желание рассмотреть преобразования, которые происходят в Китае, под углом зрения какой-то более общей теории. По-моему, это очень продуктивный подход. Но дальше возникают вопросы в связи с утверждением о том, что в мире существует два типа общественного устройства — на основе X- и Y-матрицы. И в этой связи я хотел спросить, США — это Y-модель, и европейские страны в своем большинстве тоже характеризуются доминированием Y-матрицы? Тогда как подогнать под эти две матрицы весь тот процесс, который происходит в мире? За сто лет, по данным международной статистики, доля государственных расходов по отношению к ВВП в названных странах с 10—15 % поднялась до 40—50%. То есть реальная редистрибутивная функция сильно возросла. Происходит ли какое-то сближение этих двух матриц или такой дуальный подход себя изживает?

И теперь еще один вопрос. Вы очень правильно, по-моему, смотрите на общество как на синтез экономики, политики и идеологии. Под политикой мы обычно понимаем целеполагание, действия властей по достижению этих целей, а также государственное устройство. А как быть с областью культуры, морали, нравственности, религиозности? Все это немаловажные элементы, которые вряд ли можно проигнорировать; они тоже каким-то образом должны быть включены в модель, потому что от культуры, от поведения, от общественного сознания очень многое зависит. Я хотел бы услышать, в эти три элемента, которые вы назвали, входит ли все то, о чем я говорю, или не входит? В вашей же модели это не столь существенно.

КИРДИНА С.Г.: Что касается доли государственных расходов в структуре бюджета. Когда мы говорим о структуре отношений собственности, то ведь вопрос не в том, что кто-то что-то распределяет. Вопрос заключается в том, откуда берутся средства, которые формируют государственные доходы и соответственно определяют расходы. В России доходы бюджета в основном формируют «Газпром», государст-

венные корпорации и т.д. А в рыночных экономиках государственные доходы формируются за счет налогов от частных субъектов. В США и европейских странах независимо от того, какие процессы происходят в перераспределительной сфере, в сфере экономической деятельности все равно имеет место доминирование институтов частной собственности и т.д. Поэтому, конечно, то, о чем Вы говорите, лишний раз подчеркивает важность роли оптимального баланса, эффективного сочетания разных институтов. Например, в Америке, которая фактически отказалась от комплементарных институтов X-матрицы накануне Великой депрессии, наблюдался полный «разгул» институтов Y-матрицы: частная собственность, бесконтрольность рынка и пр. Это привело, как известно, к одному из величайших экономических кризисов конца 1920-х годов. Соответственно, наоборот, когда в СССР господствовали целиком и полностью институты централизованного управления и планирования, это тоже плохо кончилось и привело к распаду страны. То есть должен постоянно идти поиск оптимального баланса. Я больше скажу. На примере национализации английской промышленности можно проследить, как постоянно меняется соотношение собственности государственной и частной. Например, в сфере добывающей промышленности (известные «шахтерские дела») государство меняет эту пропорцию, чтобы она лучше соответствовала современным вызовам. Другое дело, что там никогда у государства не будет больше 50%, но сколько — 25% или 27%, или 24% — это очень важно. Можно видеть, что они тонко «настраивают» пропорции собственности в этой социально и экономически чувствительной сфере. Нам это тоже важно понять и научиться таким способам «институциональной настройки». Это ответ на первый вопрос.

Ответ на второй вопрос по поводу политики и идеологии. Вы прямо «схватываете с полуслова». Действительно, политическая сфера включает в себя институты политики и государственного устройства, которые тесно взаимосвязаны друг с другом. И когда мы говорим о иерархическом админи-

стративно-территориальном делении, то это одновременно подразумевает, что у нас действуют институты назначения, работает институт согласования вместо многопартийности и т.д. Это связанные вещи. И в теории институциональных матриц — Вы абсолютно правильно замечаете — они рассматриваются, конечно, одним блоком. Их невозможно разделить. Политика и государственное устройство — это один блок.

Теперь, что касается культуры. Я могу сослаться, конечно, на авторитеты. Дело в том, что еще при защите докторской диссертации по книге «Институциональные матрицы и развитие России» (где впервые в систематизированном виде излагалась данная концепция) была развернута дискуссия социологов именно на эту тему. Выступил Лапин Николай Иванович и в ответ на вопрос оппонентов о том, правильно ли «вымарывается» культура из этой модели, ответил, что она, во-первых, полностью «не вымарывается», а во-вторых, построенная теоретическая модель адекватно и достаточно — для целей социологического анализа — описывает социум. Есть такие известные социологические концепции, Питирима Сорокина например, о том, что социальная система и культурная система — это разные вещи. По сравнению с социумом культура рассматривается как более широкая система, выходящая за пределы социума, например, культура английского языка, использование арабских чисел и т.д. В нашей модели идеология — это то, что остается «на пересечении» социума и культуры, то есть то, что важно для воспроизводства общества как социума. Сюда не попадают институты образования, семьи и религии, поскольку эти институты в большей мере способствуют воспроизводству самого человека как социального существа, а не общества как взаимосвязанной системы. Это институты образования, семьи, воспитания, религии требуют самостоятельного изучения. У нас более узкий ракурс, ибо «никому не объять необъятное», как трижды сказал К. Прутков. У нас во внимание берется только то, что делает общество обществом. Одно из двух — либо ценности личности важнее всего другого, и люди с такими ценностями

живут. Поэтому абсолютизируется частная собственность, вся политическая система формируется «снизу», и в субсидиарных федеральных отношениях это выступает как базовая ценность. Либо люди говорят, что важнее ценность сообщества, целого, важнее порядок, и тогда устанавливается и поддерживается (легитимизируется) централизованное управление, складывается система планирования, назначений и т.д.

Из всего многообразия накопленного человечеством во время своего развития, нами принимаются во внимание только те наиболее значимые институты, которые делают нашу модель достаточной, но не избыточной. Общества с доминированием разных матриц — это как мужчины и женщины. Мы разную одежду носим, на разных языках говорим, но все-таки различия по полу принципиальны. При такой метафоре культура представляет собой своего рода «цивилизационные одежды» для разных типов X- и Y-обществ. Возвращаясь к дискуссии о достаточности представленной институциональной модели, отметим: крупнейшие российские социологи признали, что наличие в ней институтов идеологии позволяет говорить, что мы оперируем достаточно целостной моделью общества. Спасибо за столь плодотворный вопрос.

ДЕРЯБИНА М.А.: Я все-таки позволю себе реплику. Мне кажется, Олег Тимофеевич Богомолов очень важный вопрос затронул. И поскольку я тоже в какой-то степени занимаюсь институтами и использую теорию институциональных матриц, то, конечно, эта теория не охватывает все институциональные теории. И для того, чтобы подойти к вопросам, которые Олег Тимофеевич поставил, нужно вспомнить институциональную теорию в целом. Есть формальные, есть неформальные институты. И неформальные институты, которые коренятся в социокультуре, в обычаях, традициях, ценностях — это то, что не перестраивается быстро, это то, что передается из века в век, и это то, что формирует фактически идентичность нации, народа, может быть, какой-то национальной группы. Налоговую систему можно перестроить очень бы-

стро. Это формальный институт. А вот культура и все эти неформальные институты формируют структуру изначальных человеческих отношений, изначальный каркас общества. Поэтому не стоит требовать от институциональной матричной теории, чтобы она могла ответить на вопросы неформальных институтов. Но для глубокого понимания процесса в целом надо вспомнить институциональную теорию в целом.

ЮНУСОВ А.М. (Институт социологии РАН):

Вначале я планировал задать несколько вопросов, но в ходе обсуждений на большинство из них получил ответ. Тем не менее осталось несколько вопросов, которые нас, социологов, очень интересуют. В частности, дальнейшее развитие Дальневосточного федерального округа, перспективы его взаимоотношений с Китаем, особенно с пограничными с ним регионами.

Хочу пояснить мой повышенный интерес к этой проблеме. Мы в декабре 2008 г. проводили социологические исследования по Дальневосточному федеральному округу, проводили интервью с представителями государственной власти и законодательных органов. Получили со всех субъектов округа достаточно полные ответы на вопросы, которые нас интересовали. В опросном листе было 33 вопроса, включая оценку дальнейшего развития китайско-российских взаимоотношений. Сейчас мне интересно знать мнение докладчиков-экономистов, потому что хотя социология очень близка к экономической науке, некоторые подходы социологов могут отличаться от подходов экономистов и т.д.

Конкретно меня интересуют две вещи. Во-первых, выводы по институциональному анализу китайской модели и прогноз. На мой взгляд, любая теоретическая дискуссия должна выходить на какие-то практические предложения, в том числе и на прогноз. Можно ли набросать какой-либо прогноз в общих чертах?

И второй момент: насколько ваши прогнозы и теоретические подходы созвучны тем, которые разработаны Институтом Дальнего Востока? Я, например, хорошо знаком с работами академика М.Л. Титаренко, в частности, с его совме-

стной с Б.Н. Кузыкком работой. Она, по существу, уже как бы может служить основой прогноза «Китай — Россия, 2050 год»

Недавно вышла новая работа М.Л. Титаренко, она называется «Дальний Восток. Стратегические аспекты: Китай, Россия и другие страны». И там он совершенно четко тоже обозначил проблемы дальнейшего развития самого Китая. Теперь я принес еще одну книгу, где я являюсь ответственным редактором — «Установление новой евроазиатской цивилизации в постиндустриальную эпоху». Здесь М.Л. Титаренко и Э. Пивоварова высказывают свои мнения о сегодняшнем Китае, о модели его развития четко и ясно. В этой книге есть еще одна статья М.Л. Титаренко — «Геостратегическое развитие Китая», где анализируется восточный вектор российской политики, взаимоотношения России с Китаем.

Хотелось бы узнать, нет ли в ваших теоретических постулатах и подходах расхождений с постулатами и подходами видных специалистов по Китаю?

Теперь еще вопрос к Людмиле Ивановне Кондрашовой. Насколько реальна угроза распада Китая и какое влияние это может оказать на наши приграничные регионы Дальнего Востока в первую очередь, не говоря уже в целом о России? Потому что, судя по оценкам экспертов, которые мы получили в ходе нашего обследования субъектов Дальневосточного федерального округа, а именно тех, которые соприкасаются с Китаем (мы знаем, что протяженность здесь нашей границы с Китаем 3 тыс. 38 км), а также опросов общественного мнения, наше население в этих регионах очень озабочено данной проблемой. Мы должны учитывать образовавшийся демографический дисбаланс. В пограничной с Россией провинции Хэйлунцзя плотность населения в 30 раз выше, чем в нашей стране. Невозможность заселить эти российские регионы в перспективе может привести к очень серьезным проблемам.

КОНДРАШОВА Л.И.: Я очень благодарна Вам за интересные вопросы и хочу Вас уверить, что полностью разделяю научную и политическую позицию директора Института Дальнего Востока, где я работаю. К сожалению, я не знакома с

упомянутой Вами книгой, где Вы являетесь ответственным редактором, и просто жажду ее изучить. Меня крайне беспокоит судьба нашего Дальнего Востока, но эта тема выходит за рамки нашего сегодняшнего круглого стола. Что касается Вашего вопроса о «китайской модели», то, действительно, сейчас об этом пишут многие, главным образом, в контексте китайской реформы и ее отличий от реформ в других странах, к которым приложимо понятие «постсоциалистические» — к Китаю такой термин, как Вы понимаете, не приложим.

О некоторых особенностях этой модели сказано в нашем докладе, этой теме я касалась и в своем выступлении сегодня. В отличие от других авторов мы рассматриваем китайскую модель с позиций институциональной теории, считая «китайскую модель» самым ярким примером трансформации редистрибутивной X-матрицы. Мы не давали каких-либо конкретных прогнозов экономического развития Китая (это уже частично сделано в ряде работ наших коллег), но постарались изложить свою позицию относительно общих перспектив маркетизации Китая и ее пределов.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть наше видение этой проблемы. Находясь в течение многих лет в рамках X-матрицы и не отступая от нее в первые 30 лет своего существования, КНР начала рыночные реформы, т.е. стала усиливать рыночную составляющую своей модели. Но расширение этой рыночной комплементарной составляющей имеет свои границы. Соблюдение этих границ позволило Китаю менее болезненно перенести финансовый кризис, который косвенно подтвердил правильность избранного пути реформ. Это путь крупной мировой державы, которая не жертвует своей идентичностью, проводит самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику, учится у других, но может и сама кое-чему научить. Если Китай в интересах ускоренного экономического роста слишком далеко «забежал в рынок», то теперь он корректирует этот курс с точки зрения большего внимания к росту жизненного уровня населения, решения социальных и экологических проблем. Не следует ожидать ни возврата Китая к дорефор-

менному состоянию, ни его вестернизации в соответствии с догмами либерализма. Вот таков общий прогноз.

Что касается распада Китая, то это, конечно, гипотетическая опасность, которую он постарается избежать. Проблема рационального соотношения централизации и децентрализации постоянно находится в центре внимания китайского руководства. Пока доминирует КПК, распада не будет, главенство КПК незыблемо. Но это вовсе не значит, что не надо совершенствовать партийную работу, не надо двигаться в сторону большей демократизации общественной жизни, игнорировать сепаратистские настроения в районах национальных меньшинств.

БОРОДИЧ В.Ф. (Институт Дальнего Востока РАН): Я бы хотел снова поднять вопрос о социальной сфере. Правильно ли я понял, что социальная структура, социальная психология, общественная психология представлены в модели в идеологических институтах, на идеологическом уровне сознания, а социальная сфера в ее обычном понимании остается за рамками теории?

Далее — тема обозначена как «институциональный анализ китайской модели», но сама «китайская модель» остается для меня некоей абстракцией. Давайте определим характеристики китайской модели. Тогда ее можно сопоставлять с другими, и подход с позиций институциональной теории будет работающим.

Теперь о понятиях «трансформация» и «реформа». Я интерпретирую теорию институциональных матриц как объяснение изменений в России и Китае с позиций трансформации в контексте взаимодействия двух матриц. Трансформация с этой точки зрения — это, условно говоря, как раз и есть изменение пропорций между доминантной и комплементарной матрицами. А Людмила Ивановна Кондрашова сказала, что трансформация — это переход на другую матрицу. Мне кажется, что это можно трактовать как транзит. А трансформация — это изменение исходной композиции, без выхода за рамки того, что было. Я хотел бы уточнить, согласны вы с этим или нет?

И по поводу тезисов, предложенных авторами доклада для дискуссии. Мне представляется, что здесь все конструктивно написано. Я, например, как использовавший теорию институциональных матриц при сопоставлении политических систем Китая и России в своей работе, с этими тезисами согласен. Спасибо.

КИРДИНА С.Г.: Первый ответ на вопрос о месте социальной сферы. Вы верно отметили, что социальные факторы не являются объектом рассмотрения излагаемой теории. Теория в каких-то случаях может использоваться как способ получения новых данных в этой сфере. Например, нам известны работы, где при анализе института образования, института средств массовых коммуникаций и других авторы обращались к теории институциональных матриц. Но можно в исследованиях социальной сферы к ней и не обращаться.

Второй вопрос, каковы позиции «китайской модели». По сути дела китайскую модель можно описать в терминах, представленных на слайдах, где перечислены экономические, политические и идеологические институты. Китайская модель — это модель, в которой институты верховной условной собственности доминируют по сравнению с частной собственностью, в которой институт назначения является преобладающим, а институт выборов является комплементарным, и т.д.

По поводу термина «трансформация». В переводе с латинского «транс» означает «переход», то же, что и «транзит». Изменение формы — это, скорее, «реформа». Употребление этих понятий не устоялось. Что же происходит — переход или трансформация? Я считаю, что часто это вопрос понимания терминов, потому что трансформация — это одновременно может трактоваться как «изменение формы». На мой взгляд, мы можем для любого общества говорить только об изменении — в случае ненасильственных изменений, конечно, — соотношения между доминантной и комплементарной матрицами. А переход к доминированию другой матрицы, как и смена пола, реально не возможен. Даже если изменить внешние приметы пола, то вы не можете изменить характер ре-

продуктивных функций — мужчина, ставший под ножом хирурга женщиной, все равно не сможет родить.

БОГОМОЛОВ О.Т.: Дискуссия очень интересная. Помимо комплиментов, которые можно высказать докладчикам, я хочу еще поделиться некоторыми сомнениями.

Действительно Китай для нас, по-моему, представляет очень важный опыт и его надо внимательно изучать и с точки зрения конкретных фактов и идеологических конструкций, которые китайские лидеры выдвигают, и с точки зрения каких-то теоретических подходов. Однако эти две темы, которые вы включили в сегодняшнее обсуждение, на мой взгляд, не очень корреспондируются друг с другом, потому что для Китая очень важно как раз то, о чем говорили, — это социальная направленность всех преобразований. Это и для нас очень существенно, поскольку если мы будем пользоваться только этой деидеологизированной схемой матриц, в которой вообще социальная цель вынесена за скобки, то ничего реально применимого к дальнейшим нашим решениям, например, касающимся трансформации нашего общества или выбора постсоциалистической модели, это нам не даст.

Хотелось бы, чтобы все-таки теоретические подходы включали в себя именно социальную направленность преобразований, происходящих в странах с разными матрицами. Очень устраивают такого рода рассуждения, наверное, западных исследователей, потому что они часто обходят острые углы и проблемы именно социальные. Возьмите даже X-матрицу, в которой преобладает редиистрибутивные институты. В наших условиях государственный чиновничий аппарат срастается с бизнесом. И все эти редиистрибутивные институты подчинены в общем-то обогащению определенного узкого круга людей. Но разве это так нейтрально? Или возьмите чисто рыночную Y-матрицу, где в общем рынок без соответствующих регулирующих начал приводит к очень серьезным противоречиям. И нынешний кризис во многом связан именно с отсутствием этих регулирующих институтов. Какова будет эволюция в соотношении этих начал? Если говорить, что будет усиливаться

функция государства, то какая социальная направленность этой функции? Вот что очень важно. Как вообще можно это вынести за скобки, это мне совершенно непонятно. И в этом слабость, мне кажется, позиции авторов, потому что к Китаю нужно подходить не просто абстрактно с точки зрения схем, довольно убедительных, с точки зрения, может быть, логики, но не очень убедительных с точки зрения политики.

Теперь относительно абстрагирования от целого ряда вещей, которые в обществе взаимосвязаны, в частности общественного мнения. О культуре в докладе было сказано, хотя и не очень убедительно, на мой взгляд. Культура оказалось вынесенной тоже за скобки. А как быть с поведенческой культурой, с общественным мнением, ценностями, которые в этой области существуют, в том числе нравственные ценности? Сегодня ведь западная пресса переполнена публикациями о том, что вот не учитывали моральный аспект развития. И в результате имеет место безответственность социального бизнеса и т.д. Все эти вещи должны присутствовать в теории. Мне непонятно, как можно это все куда-то вынести? Тогда что остается? Остается на вечные времена какая-то схема. И вы так и пишете, что в мире существует два типа социальных устройств. Вечно существуют эти два типа. Ну и что дальше? Ну, правильно, можно так все рассматривать. А что для практики это дает?

КИРДИНА С.Г. : Это дает знание о том, что не надо ломать то, что сломать невозможно, что не надо тратить общественные усилия на то, что невозможно изменить доминирующее положение той или иной матрицы. Китай это понимает и не пытается менять, в отличие от нас.

БОГОМОЛОВ О.Т.: Но это же меняется, меняется соотношение этих матриц. Мы еще не знаем, как это сложится. Возникает действительно какая-то конвергентная структура, которую, в общем, мы еще хорошо тоже не осознали, что и как будет в складываться отношении этих двух институциональных начал. Это отнюдь не вечные категории. Конечно, рыночные отношения, видимо, надолго сохранятся, точно

так же как необходимо надолго сохранить государственное регулирование в определенных сферах.

Я, может быть, недостаточно осведомлен в этих делах, но мне непонятно все—таки, как увязать две части вашего доклада. По-моему, пока в ваших рассуждениях это сомнительная подгонка одного под другое. Конечно, теоретическое какое-то объяснение должно быть. А то о социализме и капитализме мы давно говорим. И, может быть, это не очень продуктивно, поскольку никто не знает, как это потом назвать — «рыночный социализм» или «социальный капитализм». Конечно, увлечение теоретическими проблемами должно быть похвально и поддержано. Но, к сожалению, теория — очень зыбкая область, где можно легко что-то упустить. И главное, как увязать теорию с практическими решениями, потому что в данном случае я боюсь, что она нам не поможет выбрать постсоветскую модель общественного устройства.

РЕПЛИКА ИЗ ЗАЛА: Она поможет.

БОГОМОЛОВ О.Т. : Но как она поможет, если социальную направленность мы выносим за скобки?

КОНДРАШОВА Л.И.: Во введении мы обосновали рамки исследования. Все, что не относится к институциональным матрицам, мы пока не рассматриваем.

КИРДИНА С.Г.: Я хочу выступить в защиту нашей концепции. Вообще построение экономических теорий, когда ценности выносятся за скобки, по мнению крупных специалистов, — стандартный ход.

БОГОМОЛОВ О.Т.: Конечно, нельзя объять необъятного. Каждая теория что-то выносит за скобки. Вы правы. Мне особенно нравится рассуждение эконометриков. Они говорят: это аксиоматично. И тогда на этой аксиоматичности все стоит и доказывать не надо, и рассуждать не надо.

КОНДРАШОВА Л.И.: Либералы говорят: это не доказано.

РЕПЛИКА ИЗ ЗАЛА: У нас по Конституции федеративное государство — по Y-матрице, а фактически — унитарное государство, такое как в Китае. Китайцы не ушли от

своей матрицы. Мы провозгласили федерализм, а начали затем выстраивать централизованные институты X-матрицы, чтобы компенсировать свое «забегание» в федерализм. Теория институциональных матриц работает!

БОГОМОЛОВ О.Т.: Наше государство не по сути федеральное, а по форме, т.е. квазифедеральное. Я не знаю, как эта теория работает. Она в наших умах работает, но в реальной практике буксует. Опять-таки, перераспределительные функции, которые возрастают сегодня. Светлана Георгиевна мне отвечает, государственные доходы в «Y-матрице» создаются на базе частной собственности. Но как только они попадают в государственный бюджет, это уже другая собственность. Это уже фонд общественный, который распределяет государство и распределяет в пользу одних или в пользу других. Это же и определяет социальную направленность. И она-то как раз самая главная во всех преобразованиях. Социальная ориентация создает тот или иной моральный климат в обществе. Она — источник противоречий, может быть, больших. Но как можно сегодня отодвинуть это за скобки, это мне непонятно. Мне кажется, что это должно быть включено. Например, состояние общественного сознания до поры до времени инертно, но тем не менее оно формируется и с ним приходится считаться. Сейчас происходит сдвиг в общественном сознании, в том числе и на Западе. Как это принять во внимание в теоретическом плане? Может быть, все-таки что-то должно быть еще дополнено. Вы пишете: политика включает и государственное устройство. Тогда напишите так: политика государственного устройства.

КИРДИНА С.Г.: Так и написано в моих книгах и статьях по теории институциональных матриц.

БОГОМОЛОВ О.Т.: Но, может быть в книжке написано, а в вашей схеме, приведенной здесь, вы что-то выбросили.

Я не хочу сказать, что то, что вы сделали, не имеет никакой цены. Нет, это очень полезно, наверное, попытаться найти теоретические подходы к тому, что происходит. И самый главный вопрос, к какой трансформации общественно-политической модели мы придем в результате, что это будет

за модель, и в какую потом теоретическую форму ее можно облечь или эконометрически описать — X, Y или нечто другое. Это очень важно. Но включить социальную направленность в этот анализ, мне кажется, было бы целесообразно. А так я вас призываю к дальнейшим исследованиям.

КОНДРАШОВА Л.И.: Во-первых, мы не абстрагировались от того, что не входит в рамки работы. Надо было на чем-то сосредоточиться. Но это не значит, что мы полностью ушли от социальных проблем. Китайцы все время включали в свою модель три группы проблем: экономические, политические и культурные. Сейчас они добавляют четвертую — социальную. Поэтому мы отдаем должное социальным проблемам.

Теперь два таких замечания. Во-первых, как эта теория используется на практике. Выборность и, наоборот, назначения, о которых говорит Светлана Георгиевна. Первая — свойство западной демократии. Китайское управление — это моральное управление, т.е. нечто другое. Они говорят, что правитель может быть назначен как угодно, но он должен следовать моральным требованиям. Это совершенно две противоположные матрицы, два противоположных подхода.

Вы, Олег Тимофеевич, говорите, что нет практических выводов. Назову только некоторые. Например, «теория догоняющего развития» должна быть полностью отброшена. Никого никогда мы не должны догонять. Не существует никакой теории исторического тупика. Выбор своего пути не ведет ни к какому тупику. Мы должны иметь осознанный свой путь. Россию всю жизнь упрекали в якобы идиотских представлениях о самобытном пути. А путь должен быть только самобытный. Никакого другого пути вообще-то не существует, он может «прислоняться» к одной или другой матрице, но все равно останется самобытным.

БОГОМОЛОВ О.Т.: Вы говорите о формациях? Вы под них «подгоняете»?

КОНДРАШОВА Л.И.: А что такое формация, давайте тогда с этого начнем. Согласно нашей концепции, формации накладываются на эти два генотипа и существуют в

двух разновидностях. Было время, когда азиатский способ производства пытались рассматривать как самостоятельную формацию. Но очевидно, что это не формация, а самостоятельный генотип развития. А формации в каждом из двух генотипов, обладая какими-то общими чертами, имеют и серьезные отличия, они модифицируются по этим генотипам, по доминирующим институциональным матрицам. Отсюда и оживление дискуссии по поводу того, проходил Китай те же формации, что и Европа. Проходил, но в измененном виде.

КИРДИНА С.Г.: Олег Тимофеевич, я тоже хотела сказать буквально два слова. Существует разделение труда в науке, во-первых, и существует ограниченность возможностей нас, грешных, во-вторых. И я очень надеюсь, что наша дискуссия поможет расширить диапазон охвата реальных проблем, что коллективный разум поможет обеспечить необходимую полноту. То есть один человек не в состоянии все схватить и создать целостную теорию. И даже два, даже две женщины. Поэтому я очень надеюсь, что в будущем мы обратимся к тому, о чем Вы говорили. Ваши замечания — это вклад в разработку поставленной проблемы, который необходим для того, чтобы отразить целостную картину. Я это расцениваю не столько как призыв к тому, что я должна теперь все бросить, что делала, и заняться анализом «социальной направленности». Я думаю, что то, о чем Вы говорите, Вы знаете лучше нас и делаете лучше нас, а вместе мы сможем предложить общий взгляд, который будет действительно отражать больше того, чем это способна сделать теория институциональных матриц. Спасибо большое!

АНИСИМОВ А.Н. (ЦЭМИ): Я 25 с лишним лет занимался Китаем. Да и после этого я не упустил его из виду. А еще больше 10 лет я занимался институциональной теорией специально. Поэтому кое-что знаю и хотел бы сказать об этом.

Прежде всего, я должен сказать, что мы сегодня заслушали, конечно, выдающийся доклад. Эта теория институциональных X и Y-матриц, конечно, приложима к реально-

ти и многое объясняет. Прозвучавшая здесь критика доклада и категоричный вывод о том, что теория матриц малопродуктивна, меня крайне удивили.

Во-первых, когда мы говорим о мировой экономике, не стоит спорить относительно доминирования в экономике многоукладных систем. Это очевидно.

Второй момент — при наличии тенденции к многоукладности попытка создать в масштабах мировой системы единый рынок беспочвенна. Прежде мировая экономика была представлена значительным количеством более или менее автономных рыночных модулей. Они были изолированы друг от друга, хотя и не абсолютно, поскольку взаимодействовали между собой с большей или меньшей степенью интенсивности. А тут задумали создать один рынок. Один. И именно задумали. Ибо никакие естественные закономерности к этому не располагали. Вот был такой, к сожалению, скончавшийся Феликс Рогатин, который в 1980-е гг. был Председателем Совета директоров Нью-Йоркской биржи. Потом он оказался в резкой оппозиции к этому спекулятивно-монетарному органу, стал советником у президента США Б. Клинтона, но занять должность Председателя Совета директоров ФРС (Федеральной Резервной Система), на которую он претендовал, ему так и не удалось. А жаль — он мог бы навести надлежащий порядок. По его словам, возникновение глобальной системы, к которой у нас слишком серьезно относятся, произошло отнюдь не стихийно. Мэйнстрим и замечательный Вашингтонский консенсус тоже есть результат таких планов. Такого же мнения придерживается академик В. Полтерович, который констатирует необходимость заранее продуманного характера реформ, вплоть до составления руководства для реформаторов. Нельзя не заметить, что В. Полтерович абсолютно деполитизированный академик, что самое ценное. Его сделали академиком не административные, а научные заслуги. И здесь выдающаяся роль принадлежит покойному Д.С. Львову.

Так вот, возвращаемся к нашим проблемам. Во-первых, важно не употреблять слово «институт» так, как это час-

то делается. Что такое институт? Очень просто. Загляните в словарь латинского языка. Институт — это учреждение, установление. Не только установление, что часто вы подразумеваете под институтом, но и учреждение. И не только учреждение, но и установление.

Что мы имеем дальше? Фактом является то, что никогда не существовало единой на все времена рыночной экономики. Она доминирует, но она же и эволюционирует. В доминирующей мировой рыночной экономике экономическая парадигма периодически претерпевает определенные изменения. Например, в последнее время продолжительность жизни каждой очередной доминирующей модели составляла примерно 30—40 лет. При этом каждой доминантной экономической теоретической модели соответствует своя валютно-финансовая система. С 1867 г., когда прошла первая мировая финансовая конференция, установившая принцип «золотого стандарта», по 1914 г., когда эта система рухнула в результате политических событий, прошло примерно 50 лет. Спустя какое-то время, когда царил финансовое разнообразие, установилась новая валютная система — Бреттон—Вудская. Она была ликвидирована после решения конференции в Ямайке (1976 г.), когда был принят принцип полного отрыва валют от золота. А в рамках Бреттон—Вудской системы, я напомним, Центробанки могли обменивать банкноты на золото, но граждане нет. При золотом стандарте все могли обменивать банкноты на золото в любой момент. В старой доброй России не любили брать золото в качестве жалования, если сумма была большая — банкноты меньше весят.

Третья модель — неолиберальная, которая у нас очень доверчиво (Россия всегда славилась доверчивостью) воспринята как последнее слово в теории. Даже не задавались вопросом: а собственно говоря, неолиберальная экономика — это норма рыночной экономики или вовсе не норма? На самом деле эта неолиберальная модель была сконструирована специально. Это чисто конвенциональное образование, без какой-либо мистики. Эта модель была сконструирована

людьми, которые задумали установить контроль над всей мировой экономикой. Для этого была введена в действие глобальная перераспределительная экономика, то есть накопление ресурсов в пользу узкой группы «избранных». У нас в России эта задумка великолепно сработала. Год назад у нас было 100 миллиардеров, больше ста тысяч долларовых миллионеров. Все остальные оказались «на бобах». В масштабе земного шара произошло то же самое. Но те, кто ввел в действие этот перераспределительный механизм, изначально знали, что схема будет работать ограниченный срок. Это была крупномасштабная мошенническая комбинация.

По поводу Вашингтонского и Пекинского консенсуса. Вашингтонский консенсус — это консенсус мошенников, а Пекинский консенсус — это консенсус честных людей. Последняя честная экономика — это была Бреттон—Вудская финансовая модель экономики с 1944—1976 гг. Что для нее характерно? Минимум чисто перераспределительной функции, подчинение перераспределительной функции функциям производственным, быстрый рост экономики. Экономическое соревнование у соцлагеря выиграла никакая не неолиберальная экономика. Если бы неолиберальная экономика получила развитие в 1945 г., то в 1950 г. весь мир возглавляла бы единая советская республика во главе со Сталиным или Мао Цзэдуном. Вот что было бы. Для того, чтобы бороться с эффективной административно-командной экономикой, была введена в действие модель регулирования смешанной экономики, в которой в определенной степени были сбалансированы X и Y-механизмы. И мы теперь начинаем выходить на эти механизмы.

А неолиберальная модель — это такая модель, в которой попытались максимально возможным способом, чтобы не вызвать массовых возмущений, массового бунта, убрать компоненту X. Во многом это удалось. Сейчас от X-матрицы в России остались рожки да ножки. Чрезмерно испугавшись «перегиба палки» и протестов населения, власть пошла на кое-какие изменения. Я особо обращаю внимание на мошен-

нический характер неолиберального курса. Как можно было вводить систему курса валюты, определяемую рынком? Все экономики делятся на экономики, у которых курс валют сильно занижен, и у которых курс валют более или менее реальный. Те экономики, у которых курс валют сильно занижен — к ним относится Россия⁵⁰, дотируют любой экспорт и в то же самое время — любой импорт капитала. Например, сейчас Россию скупают иностранные инвесторы. Это значит, что Россия дотирует эту систему скупки благодаря заниженному курсу рубля, что изначально сознательно было заложено в либеральную модель. Иностранные инвесторы рассчитывали, что успеют скупить все, весь мир, прежде чем их собственная экономика развалится под давлением тяжелого дешевого импорта. Но не получилось. А не получилось, кстати, по той причине, что есть такая страна — Китай. Мы привыкли: да, Китай — большая мастерская мира и т.д. На самом деле Китай сейчас самая крупная в мире реальная экономика. Ее совокупная экономическая масса примерно соответствует экономической массе реального сектора ЕС и США, а может быть, даже всех развитых стран, вместе взятых, включая Россию.

Китай производит 500 млн т стали. В США в 2009 г. было произведено 90 млн т стали, в ЕС — 189 млн т. Эти данные дают представление о примерном соотношении размеров производственных инвестиций, так как сталь используется практически целиком в инвестиционной сфере. Лишь небольшую часть потребляют домашние хозяйства. Китай производит цемента 1400 млн т, чугуна 462 млн т, т.е. больше, чем производит этих товаров весь остальной мир. И это не преувеличение. 50% чугуна Китай производит на основе импортной железной руды, ежегодные объемы которой составляют 500 млн т. Остальное сырье производится в Китае.

Проведя серьезный статистический анализ, я склонен полностью доверять данным китайской статистики.

---

50. К этому типу стран относится и Китай. Примеч. редактора.

Можно перепроверить данные и по ВВП, которые у некоторых аналитиков вызывают сомнение. По данным Государственного статистического бюро денежная масса (наличные деньги плюс деньги на расчетных счетах) составляет 16 трлн юаней. ВВП в любой стране в 4—7 раз превышает агрегат М1. Таким образом, реальный размер ВВП Китая составляет 80 трлн юаней, а не 30, которые показывает официальная статистика страны. Каким образом получается 30 трлн юаней? Согласно сообщению Государственного статистического бюро, стоимость основных фондов — 17 трлн юаней, розничная продажа потребительских товаров — 10 трлн юаней, чистый экспорт — 2 трлн юаней. Сумма — 30 трлн юаней. Но она не включает услуги, государственное потребление. Чтобы выйти из этого деликатного противоречия, 16 трлн юаней нужно умножить на 5, тогда мы получим реальный ВВП Китая.

20 или 30 лет назад Запад имел полное превосходство над Китаем. Но так как у Китая теперь эффективная Х-экономика, а там была Y-экономика, причем в самом худшем виде, то получилось то, что получилось. Эпоха доминирования западного мира уже кончается.

Я теперь перехожу к теоретическому анализу современной ситуации. Если бы экономисты были вооружены соответствующей теорией, они могли бы предвидеть развитие многих событий. Но 20 лет назад институциональная теория не приобрела сколько-нибудь развитой формы. Сейчас мы знаем очень много и можем довольно точно предсказывать, как и что сработает. В данном докладе на основе теоретического обобщения делается вывод о существовании двух категорий институционально согласованных структурных элементов: X-матрицы и Y-матрицы. Более того, констатируется, что в принципе в любой экономике эти системы существуют и в определенной пропорции сочетаются. Причем качество экономики, если я правильно понимаю, определяется характером этого сочетания. Это очень важный принципиальный теоретический вывод. Проводя реформу, мы уничтожили

полностью X-матрицу, вытесняя ее Y-матрицей. С самого начала предсказать катастрофу, можно было бы, опираясь на институциональную теорию. Но когда мы начали реформы, не было ни развитой институциональной теории, ни теории переходных экономик. Обсуждаемый доклад — это великолепное обобщение, которое позволяет понять очень многое, в том числе и социальные проблемы, взглянуть на ситуацию в целом.

Был задан вопрос о конкретизации выдвинутой теории. Извините, но ведь эти X-матрица и Y-матрица в каждый данный момент в каждой стране имеют какое-то определенное содержание, определенное наполнение. Вот вам и конкретность.

Дальше, вопрос о том, где социальное? Все очень просто. Социальное — это, прежде всего, характер трудовых отношений: частно-наемный или государственно-наемный труд. Но и в том, и в другом случае норма оплаты труда определяется нанимателем, поэтому социальная направленность — помеха интересам наращивания прибыли или расширения масштабов производства. В идеале эта Y-матрица предусматривает полное вытеснение социального, что и пытались сделать в минувшее десятилетие, и что привело к банкротству. Какие выводы, спрашивают. Вывод очевиден: в России надо менять эту структуру, нужны контрреформы, нужно резкое изменение в соотношении между X-матрицей и Y-матрицей. Я понимаю, что многим, кто слышит о контрреформах, о том, что нужно что-то менять, это очень не понравится. Но эти господа упускают из виду следующее: Запад проиграл. Все. Эпоха кончилась. Если мы сохраним эту модель и сохраним у себя эту Y-матрицу и еще усугубим положение вступлением в ВТО, то Россия превратится в задворки Запада. Запад проиграл не кому-нибудь, а восточной, китайской X-экономике. Если ситуация не изменится, через 10—20 лет контроль над российской экономикой перейдет в руки китайских компаний, и нормальное соотношение двух матричных начал будет восстановлено. Вопрос заключается в том, мы сами восстановим его или кто-то другой. Иного выхода нет. Что касается западных господ, то они все проиграли. Даже их

огромные военные преимущества не более, чем миф. Нет у них этого преимущества. Это политические инсинуации, которым грош цена.

Короче говоря, благодаря авторам доклада мы получили великолепный инструмент для анализа и корректировок, для оценки возможных последствий. По словам Светланы Георгиевны, в рамках данной институциональной структуры есть какие-то пороговые уровни, за пределами которых начинается обрушение. Это важный вывод.

ШМЕЛЕВ Б.А.: У меня вот такой вопрос к Александру Николаевичу Анисимову. Вы очень хорошо обрисовали значимость китайской модели развития, ее перспективы, но вместе с тем есть целый ряд вопросов, на которые, я думаю, ни Вы не ответите, ни мы все не можем ответить. На них только история может ответить, потому эта модель в своем развитии еще не завершена, как мне кажется.

АНИСИМОВ А.Н.: Завершена.

ШМЕЛЕВ Б.А.: Вы считаете, что завершена. Мне так не кажется. Мне думается, что только время покажет, насколько эта модель эффективна. Но смысл моего вопроса заключается в следующем. Все это прекрасно, что вы говорили: успешное развитие, 500 млн т стали, миллиард с лишним тонн угля. Но дело не в этом, а в эффективности этой экономики. Все последние показатели говорят о том, что потребление энергии, металла, других ресурсов на единицу продукции гораздо выше, чем в западной модели развития.

АНИСИМОВ А.Н.: Эффективность зависит во многом от методики расчетов. В зависимости от того, как Вы определяете ВВП, какова его величина — 30 или 80 трлн юаней, таким и будет у Вас удельный расход ресурсов. То же самое в России — разговоры о низкой эффективности российской экономики настоящий блеф. В России очень эффективно используются энергоресурсы даже сейчас, благодаря великолепной сверхэффективной системе использования, которая сохранилась со времен Советского Союза. Например, в Москве, сколько энергии тратится на отопление

города? Ничтожное количество по сравнению с западными мерками. Те, кто говорит об энергосбережении, просто не знакомы с ситуацией. Они находятся в плену идеологии: там все хорошо, здесь все плохо.

Я снова повторяю, надо считать реальный ВВП по паритету покупательной способности в сопоставимых показателях. Тогда все получается иначе. Во всяком случае, энергопотребление в Китае не очень высокое. Может быть, оно не как в Японии, но, во всяком случае не как в США. В Китае гораздо эффективнее используется энергия, чем в США, где она просто разбазаривается. Объем потребления энергии в этих странах сейчас примерно один и тот же, но выход на единицу продукции в Китае уже сейчас больше. У Китая без Гонконга и Тайваня в прошлом году экспорт составил 1 трлн 430 млн долл., а у США — в 1,5 раза меньше. Ясно, что, кроме всего прочего, экспортная нагрузка экономики Китая гораздо меньше, чем экспортная нагрузка экономики США.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НЕИЗВЕСТНОГО АВТОРА: Я не владею понятием «матрица», но ознакомился с ним с большим интересом. Но вот куда поместить Россию, мне так и неясно. Самое главное, что определяет поведение людей — архетип (коллективно бессознательное). И здесь нет прямой связи с культурой. У русских и европейцев культура европейская. Однако архетип совершенно другой. Архетип отчасти восточный, отчасти типично русский, который сформировался в результате пяти цивилизаций, сменивших друг друга на территории нашего государства за очень короткое время. Сейчас уже будет, наверное, какая-то шестая. В ней есть такие черты, которые были отмечены еще П. Чаадаевым и которые остаются по сей день. Это какая-то неустойчивость, склонность к подражательству. Попробовали это, давайте другое, не трансформация, не развитие, давайте возьмем готовое. По словам Н. Бердяева, Европа к этому «готовому» шла десятилетия, если не столетия. А мы хотим «здесь и сейчас». Под эгидой президента России Д. Медведева был создан Институт современного развития, возглавляемый И. Юргенсом.

Д. Медведев понимает, что первый план В. Путина был «черновым», приуроченным к думским выборам. Как сейчас выйти из положения? Можно собрать воедино выступление президента и ежегодное обращение к парламенту и сделать это планом преобразования страны. Другой вариант содержится в заявлении В. Путина на Госсовете. В этом заявлении были высказаны идеи о том, как действительно можно взяться за дело. Но на развернувшемся обсуждении по-прежнему лежал отблеск формальности, что так характерно для нашего архетипа. И, может быть, один из самых опытных наших специалистов по анализу трансформационных процессов академик В. Полтерович однажды остроумно заметил, нам просто «не по зубам» институциональная теория. Действительно нужно выстроить институты, установить правила игры. Но в нашей жизни эта теория абсолютно не работает, мы идем не от теории к практике, а от практики к теории. Посмотрите на Китай, там все делается наоборот. Надо брать то, что работает, надо начинать с практических действий, а потом подгонять теорию. По-иному не получается. Вот есть архетип. Хотели за 20 лет построить коммунизм. М. Горбачев объявил борьбу с пьянством, намеревался одномоментно с ним покончить. Точно так же Е. Гайдар. Зачем нам смотреть на опыт Востока, зачем? Мы лучше возьмем готовые формы. Но сторонников либерализма сейчас очень здорово развенчивают, притом крупнейшие американские ученые. Либералы абсолютизировали способность рынка к самонастройке, а у нас эта абсолютизация была доведена до крайности и перенесена в сегодняшний день.

Китай — это такая сложная материя, о которой мало кто может судить. Академик Мясников В.И., который одно время работал в Институте Дальнего Востока РАН, очень хорошо знает психологию китайцев. Так называемые «деловые игры», или «мозговые атаки» (то есть создание каких-то условий, установка задачи и затем через разброс мнений нахождение с помощью извне рационального решения), в Китае применялись еще до нашей эры. Так же действует их

дипломатия. Это как раз и заложено в их архетипе, в их своеобразии. Китайское общество характеризуется такими чертами, которые в других условиях неповторимы. Например, «хуацяо», то есть этнические китайцы, которые проживают в других странах, но, любя свою родину, пытаются ей помочь. И первые несколько сот миллиардов долларов иностранных инвестиций пришли именно от них. В России это невозможно. Или другой пример. Китайцы отправили (по данным двухгодичной давности) более 1 млн человек учиться в западные страны, из них на родину вернулась треть. Оставшихся не осуждали. Но вот наступил момент, когда они потребовались, им сказали: «Дорогие друзья, приезжайте домой». Вылавливают талантливых ученых, организаторов производства, инженеров и т.д., и те приезжают. Им предоставляют лучшие или равные условия, по крайней мере, должности, чем они имели за рубежом.

В 2008 г. три организации: Мировой банк, Международный валютный фонд и Разведывательное управление США подсчитали объем ВВП разных стран мира по паритету покупательной способности. У Китая ВВП оказался равным 7 трлн долл., у США 14 трлн долл. Дальше идут Япония, Германия, за ними все остальные страны.

Китайцы объявили о построении общества «сяокан» (малого или среднего достатка). Что такое общество «сяокан»? Китайцы — прагматики. Они никого не догоняют. Они возвращают былое величие страны. Это совершенно особый психотип людей. Они никогда бы не стали брать чужую идею и воплощать ее. Как они вырабатывали свою теорию? Дэн Сяопин вытащил некоего Чень И, который сидел в тюрьме за буржуазное перерождение, он организовал исследовательскую группу из знакомых экономистов. Как считает В. Мясников, это гениальный человек. Он приезжал в Москву. Его продержали два часа в прихожей, по-моему, академика А. Аганбегяна, который тогда делал реформы. Его выслушали и выпроводили: подумаешь Китай! Тем более, что у России отношения с Китаем были тогда довольно сложные.

А он, хитрый, изучил все: реформу А. Косыгина, предложения Н. Бухарина, НЭП. Потом в Китай пригласили тоже М. Фридмана. Сложив все предложения вместе, выработали свою теорию. Вот это и есть общество «сяокан». И социализм они понимают также, с позиций своей истории. Они мыслят столетиями. Один американец писал, что Китай — это не другая страна, это какая-то другая раса, за которой стоят тысячи лет. Скажите, где и в какой стране можно строить такие долгосрочные планы? По их мнению, строительство социализма может занять 50, 100 и более лет. Может быть, 10 поколений и даже больше. А что такое 10 поколений? В любой другой стране такое немыслимо. И какой социализм у них сейчас? Начальная стадия. Раз начальная стадия, значит можно экспериментировать как угодно. Поэтому они очень многое решают асимметрично и непредсказуемо. По идее Китай должен был развалиться давным-давно. Жуткая перенаселенность, жуткая загазованность, земля истощается, продовольствия не хватает и т.д. Но он как-то справляется со своими невзгодами. Развалится не Китай — он на подъеме. Опасность грозит не им, а нам. Кто был в Китае, знает, что во всем чувствуется подъем. Появилась гордость и жизнерадостность. Я в 1990 г. был в Китае на встрече в научном обществе и поразились, как они смотрели на наши реформы (это были горбачевские реформы) «сверху вниз».

Что будет дальше — сказать трудно. Есть линейный и нелинейный подход. Пролонгировать существующие реалии — толку мало. Япония провалилась, устала, надорвалась. Поручиться, что то же самое не случится с Китаем, никто не может. Я не думаю, что кто-то возьмет на себя смелость сказать, что современный экономический рост Китая сохранится на веки вечные. Это очень трудно предсказать. Догнать Америку в инновационном плане в обозримом будущем невозможно, потому что она дает 70% мировых инноваций, собрала под свое крыло такие кадры. Она же берет со всего мира. Эксперты Института прикладной математики РАН говорят, что к 2030 г. Россия может развалиться, если будет

следовать современному сценарию. Что ее подведет? Прежде всего, демография. У нас прирост рождаемости 1,3%, в прошлом году поднялся до 1,4. Сейчас опять грозит опуститься. В мусульманских странах, в Чечне, по-моему, 3,3. К этому времени русское население в России может стать меньшинством. В этом случае без притока рабочей силы нам не обойтись, что бы там ни говорили. Будь то китайцы, корейцы, или узбеки. Дело не в национальной принадлежности — русский, не русский, а в том, какой этнос становится несущей конструкцией. Институт системных исследований в 1986 г. по просьбе М. Горбачева и его окружения сделал прогнозные расчеты, как нам дальше развиваться. Было несколько сценариев. Один лучший, один худший, два каких-то средних. По лучшему сценарию Россия выходит в конце концов на уровень передовых стран. По худшему сценарию Россия разваливается в 1991 г. Лучший сценарий предлагал начинать с экономики: использовать научный потенциал, повысить грамотность населения. Если же начинать с идеологии, с переделки массового сознания, то будет провал. М. Горбачев же взял за основу идеологию в расчете на то, что надо разбудить энергию масс. Да, честно говоря, у него просто не было понимания ситуации и потенциала осуществить задуманное. Он просто не потянул. Для этого нужен был человек типа, по крайней мере, Ю. Андропова или А. Косыгина.

Насчет модели. Я все-таки думаю, что в Китае смена модели не происходит, происходит ее обновление, при этом обновление очень разумное, очень постепенное. Они создавали экономический потенциал, они приглашали западные фирмы, они создавали научно-технические или научно-исследовательские центры. Их общее число приблизилось уже к 800. Все крупнейшие мировые фирмы создали свои центры. Экспорт Китая в 2007 г. составил примерно 300 млрд долл. высокотехнологичной продукции. 15—20% общего экспорта — это их инновации, остальное — «неинновации». Руководители Китая поставили перед собой задачу: к 2020 г. изменить пропорции. И очень велика вероят-

ность, что пропорции изменятся, хотя, думаю, что не все им так легко удастся.

Поэтому для нас на Дальнем Востоке существует весьма сложная проблема: найти справедливое решение территориального спора; чаще всего она решалась по принципу «кто был сильнее, тот и навязывал свои порядки». Если сохранится такая же демографическая ситуация, как сейчас, на Дальнем Востоке, где население продолжает уменьшаться, если сохранятся претензии на 1,5 млн км² нашей территории, то рассчитывать на ОПК—ВПК просто хвастовство. Спасибо за внимание.

КИРДИНА С.Г.: Я хотела в заключение поделиться с вами одной информацией, касающейся возможности конвергенции, изменения архетипа. У нас недавно был очень интересный методический семинар. Выступал профессор Ю.Н. Александров из Института психологии РАН, представитель научной школы известного академика П.К. Анохина. Его доклад назывался «Когнитивные модели. Системный эволюционный подход». В Институте проводят психологические тесты, измеряют нейроны и пр., изучают теории и говорят, что в мире существует две основных когнитивных модели. Одна, условно говоря, восточная, к которой принадлежит и Россия. И другая модель — редуционистская, западная. То есть с точки зрения архетипа социального поведения и когнитивной деятельности выделены две модели, которые изучаются психологами. С этой точки зрения получается, что наши исследования смыкаются с исследованиями специалистов совершенно из другого крыла науки. Но наши взгляды смыкаются как ключ с замком. Это говорит о том, что мы движемся в одном каком-то направлении, что наша концепция не противоречит более общим поведенческим архетипам, более общим системным положениям.

В заключении я хочу всех поблагодарить и сообщить, что по итогам этого «круглого стола» планируется издать сборник. И я надеюсь, что если мы к вам всем обратимся с каки-

ми-то пожеланиями, то вы пойдете нам навстречу, и мы подготовим совместно с вами совместную работу по Китаю.

Спасибо большое вам всем.

КОНДРАШОВА Л.И.

ПОСЛЕ ДИСКУССИИ: СУЩЕСТВУЕТ ЛИ КИТАЙСКАЯ МОДЕЛЬ И КАКОВО ЕЕ СОДЕРЖАНИЕ?

После просмотра материалов состоявшейся дискуссии обнаружилось расхождение в понимании понятия «китайская модель», что заставило нас еще раз уточнить его содержание и его соотношение с понятиями «матрица» и «формация». Как было сказано в нашем докладе, под «матрицей» мы понимаем культурно-исторический генотип, иначе говоря, суперцивилизационный код общественного развития. Обозначение двух базовых матриц с использованием знаков «X» и «Y» впервые было предложено С.Г. Кирдиной как продолжение той работы, которая велась в свое время в Сибирском отделении АН СССР учеными Новосибирской экономико-социологической школы академика Т.И. Заславской. Этот «матричный» подход во многом перекликается с принятым в исторической науке различием двух путей общественного развития — западного и восточного. Само это различие вполне очевидно, хотя некоторыми ощущается на уровне подсознания. Можно, например, вспомнить признание Г.В. Плеханова, который полагал, что различие между Европой и Россией заключается, скорее, в типе развития, неже-

ли в ином уровне одного и того же типа⁵¹. Такой «новояз», как «матрица», постепенно закрепляется в общественном сознании. Об этом свидетельствуют, в частности, заголовки не только научных, но даже журналистских работ, например, «От какой матрицы мы отказываемся» (автор А. Дугин — «Независимая газета», 11 сентября 2003 г.), «Неодолимая матрица» (автор В. Шевченко — «Литературная газета», 21—27 октября 2009 г.) и др. Вместе с тем хотелось бы подчеркнуть, что мы отнюдь не понимаем под матрицей такую «твердую колею», которая не дает возможности «свернуть в сторону», т.е. отрицает влияние субъективного фактора в историческом процессе. Историю творят люди, но люди определенной духовной культуры, которая тоже не остается неизменной, но не должна утрачивать свое «ядро».

Посыл о существовании двух исторических матриц позволяет сделать вывод о двуликости обоснованного марксистской теорией понятия «формация». Теорию формаций не стоит отбрасывать, но ее надо уточнять с учетом наличия того или иного «историко-генетического кода». Науке известно, что есть западный и есть восточный типы формаций, которые имеют общие признаки и свои цивилизационные отличия. Именно поэтому научные поиски этих формаций в восточных странах были в прошлом обставлены такой массой сложностей. Теперь мы можем уточнить, что капитализм — это закономерная стадия развития обществ с доминированием Y-матрицы, где господствуют рыночные институты. Другое дело — страны с доминированием X-матрицы. Хотя капитализм как один из экономических укладов существовал на Востоке испокон веков⁵², в условиях господства редистрибутивной экономики ес-

---

51. Плеханов Г.В. Сочинения. В 24 т. М., 1925. Т. 3. С. 240—241.

52. Голландский экономист и историк Андре Франк в своей работе «Возвращение к восточным истокам: глобальная экономика и век Азии» (Frank A. Re-Orient Global Economy in the Asian Age. Berkley. 1998) утверждает, что Китай, по существу, создал первую систему международной торговли и был главным центром первого глобального экономического рынка, который проходил по «шелковому пути».

тественным путем он не мог перерасти в самостоятельную формацию. В незападных странах капитализм получил мощный стимул только с приходом колонизаторов и приобрел зависимый характер. Такая насильственная капиталистическая «перестройка» оказалась половинчатой и тем не менее зачастую разрушительной для автохтонной цивилизации.

Обнаружившийся в начале XX в. кризис капитализма вызвал волну демократических и освободительных революций и привел к возникновению иного, чем капиталистический, общественного строя, названного социалистическим. У социалистической идеи оказалась очень сложная судьба. Она зародилась на европейской почве в виде обоснованного классиками марксизма прогноза общественного развития после исчерпания потенций развитого капитализма, но свое первое экспериментальное воплощение получила в стране со слабым развитием капитализма, значительно уступавшей по экономическому уровню капиталистическим странам «первого эшелона». Построение социализма в СССР проходило в условиях совершенно другой институциональной структуры, иного исторического генотипа, на основе мобилизационной стратегии ускоренной индустриализации, в результате чего сильно пострадали как рыночные начала, так и социальная направленность экономики. В основные постулаты социализма вошли следующие задачи, альтернативные капиталистической формации: вместо господства частной собственности — господство государственной собственности на средства производства, замена рыночных отношений отношениями продуктообмена и планового распределения; вместо распределения по факторам производства со значительной имущественной дифференциацией — распределение «по труду» с явными элементами уравниловки. В отличие от капитализма целью производства стало не возрастание прибыли, а наращивание экономической мощи, реального сектора экономики с утопической перспективой максимального удовлетворения материальных и духовных потребностей каждого человека. Вместо демократических принципов и защиты абстрактных «прав человека» этика социализма строилась на уничтожении эксплуатации че-

ловека человеком и самого класса эксплуататоров, соблюдении социальной справедливости, осуждении паразитического образа жизни с присущим ему гедонизмом и потребительством. Отвергая религиозное мышление, социалистическое учение заимствовало у религии традиционный идеал «добра» и построило на нем свою атеистическую идеологию

Такой исторический путь развития вопреки прогнозированию К. Маркса, когда социалистическая революция произошла не в развитых капиталистических странах, а в отдельно взятой стране с относительно низким экономическим уровнем и с другой культурно-цивилизационной спецификой, многими историками считается историческим «казусом», «тупиковым путем» или «забеганием вперед». Революция 1917 г. в России в таком случае должна рассматриваться как некое случайное явление, манипулирование общественным развитием, провал которого лежит на совести большевиков и их наследников.

На наш взгляд, эта революция была объективным следствием кризиса российской государственности, который стал частным проявлением общемирового кризиса капитализма, растянувшегося более чем на столетие. Нет оснований считать ее социалистической революцией в марксистском понимании, ибо ее происхождение в стране с низким уровнем развития капитализма произошло вопреки марксистскому учению. Тем не менее это «незаконное дитя» появилось на свет не без содействия марксизма, увлекшего огромные массы людей идеей социальной справедливости. Семена социализма взошли «не там, где нужно», но упали на «благодатную» почву редистрибутивных отношений и авторитарного государства и хорошо прижились в условиях форсирования экономического роста⁵³. Социализм сначала в России, а потом и в Китае ока-

---

53. Подробный теоретический анализ того, почему марксистские идеи прижились именно на российской почве, см.: Кирдина С.Г. «Блеск и нищета» политической экономии социализма // Журнал экономической теории. 2006. № 2. С. 19—39.

зался логичным продолжением общественных отношений, свойственных «X-матрице», и многие годы служил альтернативой западному капитализму и образцом развития для всех экономически отсталых стран. Революция 1917 г., строго говоря, не заслуживает название «социалистической», но и под категорию буржуазной революции она тоже вряд ли подходит. Большевикам пришлось доделывать то, что в развитых странах сделал капитализм, а именно — развитие производительных сил в условиях новой научно-технической революции. Но делали они это уже не в интересах и не под началом буржуазии. Наиболее подходящим для российской революции может быть ее определение как «крестьянская», завершившаяся сменой политической власти. Причем эта власть досталась не самому крестьянству, а бюрократическому аппарату, выступавшему от имени и крестьянства, и рабочего класса.

В трактовках понятия «экономическая модель» выделяются два подхода. Одни понимают ее как конкретный набор методов управления хозяйственными процессами, правил и норм взаимодействия субъектов хозяйственной жизни. Другие предлагают рассматривать ее как некую теоретическую абстракцию, отражающую различия принципиального характера в рамках определенной экономической системы. «Национальная экономическая система включает всю совокупность экономических отношений и институтов на территории государства. В отличие от этого национальная модель экономики характеризует национальную экономику как проявление господствующего типа экономической системы, присущее тому или иному этапу развития общества»⁵⁴. Основными компонентами социально-экономической модели, помимо экономических, являются политические и социальные институты. основополагающее значение в их формировании имеют ценностные ориентиры. В таком виде термин «система» одно-

---

54. Социально-экономические модели в современном мире и путь России. Кн. 1. Трансформация постсоциалистического общества. М., 2003. С.68.

значен или весьма близок к трактовке формации, а под «моделью» подразумевается вариант системы, связанный с этапом ее развития и страновой спецификой. К основным моделям современного капиталистического общества обычно относят англосаксонскую либеральную («протестантский капитализм»), обобщенную западно-европейскую («католико-протестантский капитализм»), социал-демократическую («шведский капитализм»), дальневосточную авторитарно-корпоративную («конфуцианский капитализм»), мусульманскую авторитарную. Как пишет член-корреспондент К. Микульский, «современный общественный строй в развитых странах в принципе остается капитализмом, но одновременно становится новым, «социализированным капитализмом»⁵⁵. Под давлением примера социалистических стран и своих собственных проблем постиндустриального развития капитализм XX в. постепенно трансформировался в смешанную систему с допущением определенного вмешательства государства и усилением социальной ориентации экономики.

За 1918—1990 гг. в России сменились четыре экономические модели: 1) «военный коммунизм»; 2) «новая экономическая политика»; 3) «тоталитарный социализм» (до смерти Сталина); 4) «авторитарный социализм» (до распада СССР). При употреблении слова «социализм» следует помнить о его отличиях от социалистической идеи классиков марксизма.

А в Китае? Первый послереволюционный этап развития КНР связан с проведением политики «новой демократии», в чем-то аналогичной российскому НЭПу. Избранный путь не предусматривал немедленной полной ликвидации капиталистического уклада. Принятая в 1949 г. Программа Народного политического консультативного совета содержала положения о немедленной конфискации собственности компрадорской буржуазии и одновременно о защите прав и ча-

---

55. Там же. С. 9.

стной собственности трудового народа и национальной буржуазии. Отказ от этой модели тоже, как и в случае с СССР, объяснялся в первую очередь переходом к экономике мобилизационного типа. С началом первой пятилетки и до 1978 г. прослеживается соперничество двух основных путей общественного развития. Первый (модель «догоняющего» типа) ориентировал на модернизацию китайского общества, на развитие производительных сил при общей ориентации на опыт социалистических стран. Второй (модель «опережающего» типа) делал основной упор на самобытность общественного развития, подключение мелкого производства и нематериальных стимулов повышения производительности труда, на использование традиционного коллективизма и жесткого государственного начала. Если первый путь ассоциируется с авторитарным социализмом, то второй — с военным коммунизмом (в нашей литературе он подавался как «казарменный коммунизм»).

В результате дореформенная китайская хозяйственная система имела ряд черт, роднивших ее с советским социализмом:

— приоритет общественных форм собственности (государственная и коллективная) и крайне ограниченная роль частной собственности (при ее идеологическом осуждении);

— суженная роль товарно-денежных отношений, отсутствие рынка факторов производства и рыночного ценообразования;

— наемный характер труда в преобладающей форме найма у государства («служебный труд»), фактическое отчуждение производителей от средств производства;

— оплата «по труду» с включением заработка рабочего в издержки производства, экономия на оплате труда, частично компенсируемая уравнительным распределением;

— распоряжение государством прибавочной стоимостью через отчисление налогов и прибылей с предприятий и населения в госбюджет, инвестиционный процесс через систему государственных капиталовложений;

— импортозамещающий характер производства, ограниченная роль импорта и протекционистские меры по защите отечественного производителя.

В то же время китайская командно-административная система обладала рядом специфических черт, внесенных маоистскими экспериментами («народные коммун» в сельском хозяйстве, слабость плановой системы, региональная автаркия, пожизненная система найма и др.).

Главной причиной начала экономических реформ и в России, и в Китае являлась неэффективная структура экономики, в которой был нарушен институциональный баланс. Это выразилось в тотальном доминировании институтов Х-экономики, в то время как необходимые институты Y-экономики были почти неразвиты или носили латентный характер. Если в СССР к кризису системы подтолкнули внешние факторы — война («горячая» и «холодная»), то в Китае таким детонатором кризиса стали внутренние причины — кампании «большого скачка» и «культурной революции». В таких условиях реформы, предполагающие модернизацию институциональной структуры, должны быть ориентированы на совершенствование действующих форм редистрибутивной Х-экономики и внедрение элементов рыночной Y-экономики. Вместе с тем, проведение реформ при расширении комплементарных элементов имеет свои пределы. Если доминантные и комплементарные признаки меняются своими местами, если осуществляется попытка перейти на другой тип развития, то происходит слом самой системы, и тогда говорят о «системном кризисе».

Отсюда следуют два важных вывода. Во-первых, «смена колее», иначе говоря, полная замена одной экономической системы другой возможна в тех странах, которые до своего социалистического эксперимента принадлежали к западной цивилизации. В них исторически доминировали Y-матрицы и сохранялись свойственные им институты, пусть и в неявных формах. Эта ситуация имела место в странах Восточной Европы, относительно благополучно завершивших

процесс рыночной трансформации после освобождения от влияния СССР. Во-вторых, рыночная трансформация в реди-трибутивных экономиках, где исторически доминируют институты X-матрицы, должна соблюдать определенную грань во имя сохранения национальной идентификации. Выход из системного кризиса может быть осуществлен только путем, аналогичным с тем, который позволил преодолеть системный кризис капитализма, а именно, через совмещение рыночных и административных рычагов управления, рост потребления и потребительского спроса. Только высокая оплата труда создаст предпосылки функционирования нормальной рыночной экономики, базирующейся на высоких личных сбережениях, высоком подоходном налоге, высоком потребительском спросе, в конечном счете, высоком качестве рабочей силы.

Однако российская реформа имела совершенно другие ориентиры: максимально быстрый передел собственности и проведение имитационной модернизации по образцу западных стран с обеспечением высокого уровня жизни административной и предпринимательской элиты и полным игнорированием положения трудящихся. Отказ от реформирования социализма как абсолютно бесперспективной деятельности и проведенная приватизация вкупе с другими квазирыночными преобразованиями привели в конечном счете к созданию «модели» криминального капитализма, который не может обеспечить переход к социально ориентированной рыночной экономике, характерной для развитых стран современного мира.

Разработчики политики китайских реформ сознательно и смело пошли на полный разрыв с прежней «традиционной» моделью социализма в ее маоистском варианте, выступили за рынок, внешнеэкономическую открытость и постепенную демократизацию общественной жизни. Хотя Китай в своей стратегии рыночных преобразований отошел от прямого следования рецептам МВФ и других международных организаций, не стал поклонником Вашингтонского консенсуса, однако по многим параметрам китайская рефор-

ма совпала с общей тенденцией реформирования бывших социалистических стран, включающей развитие частного предпринимательства, акционирование государственных предприятий, широкое развитие рыночных отношений, привлечение иностранного капитала. Вместе с тем зачинатели китайских реформ решительно отвергли методы «шоковой терапии» с полной либерализацией экономики и предоставлением приоритета частной собственности. Не будучи изобретателем ни эволюционного пути преобразований, ни их поискового характера, Китай показал пример гибкости и осторожности в проведении реформ при сохранении важной роли государства. Не торопясь с реформой политической системы, китайские лидеры отнюдь не отрицали необходимость демократизации общественной жизни и сознательно пошли на восприятие иностранного опыта и разного рода элементов духовной жизни Запада. При этом все обошлось без отказа от социалистической риторики и без посягательств на решающую политическую и экономическую роль Коммунистической партии. Реформы приобрели характер достаточно медленного и осторожного процесса под лозунгом построения «социализма с китайской спецификой».

В этом процессе можно выделить три десятилетних периода, каждый из которых демонстрирует наличие своей «модели». В конце первого этапа (конец 1980-х гг.) в результате компромиссного подхода «и план, и рынок» сложился своеобразный «дуалистический» хозяйственный механизм, основанный на своего рода «нормативном плюрализме» и договорно-подрядных отношениях. В деревне был введен семейный подряд с закреплением за крестьянскими дворами земельных наделов без права их передачи третьим лицам и свободной миграции в города. На предприятиях был установлен порядок «подрядной хозяйственной ответственности» и распоряжения частью полученной прибыли. Предприятия стали получать сигналы из двух разных источников: от административных органов управления (центральных и местных) и с рынка, втягиваясь в игру на разнице фиксированных и ры-

ночных цен. Отношения между центром и регионами стали регулироваться в соответствии с так называемым «региональным хозяйственным подрядом», который изменил соотношение между центральным и местными бюджетами в пользу последних. Центральное правительство плохо справлялось с управлением общими и дополнительными ресурсами через два механизма — распределительного и рыночного, его регулирующие способности заметно ослабли.

После трехгодичной паузы, вызванной дестабилизацией политической обстановки в стране в результате студенческих выступлений, в 1992 г. начался второй этап проведения реформы под девизом дальнейшего углубления рыночных реформ. 90-е годы отличает приглушение социалистической риторики и поиски новых теоретических парадигм. Концепцию «социализма с китайской спецификой» заглушила пропаганда теории модернизации и задача построения общества «сяокан» (умеренного достатка). Прежний лозунг «план — главное, рынок — вспомогательное» был заменен задачей создания «социалистической рыночной экономики». В результате проведенной серии реформ китайская экономика приобрела облик многоукладной экономики с широким спектром хозяйственных форм — предприятия государственные, коллективные, акционерные, частные (включая предприятия иностранного капитала), смешанные государственно-частные, индивидуальные. В 1994 г. в ходе реформы налоговой системы «региональный финансовый подряд» был заменен системой разделения налогов между центральным и местными бюджетами. Последнее десятилетие XX в. характеризовалось также быстрым формированием внутреннего рынка и его «открытия» по отношению к внешнему миру.

Заложив за два десятилетия реформы мощную экономическую базу, Китай на пороге нового тысячелетия столкнулся с рядом серьезных проблем. Причинами их послужили: 1) тяжелое наследие прошлого, для преодоления которого двух десятилетий оказалось слишком мало (огромное население, аграрное перенаселение, рост безработицы); 2) незавер-

шенность реформы при сложившейся асинхронности ее проведения (отставание сельского хозяйства, трудности преобразований государственных предприятий, медленные темпы реформы бюджетной сферы и т.п.); 3) проблемы выбранного пути развития, т.е. пороки, которые имманентны рыночной экономике как таковой. Погоня за экономическим ростом и прибылью обернулась отставанием социальной сферы и пренебрежением охраной окружающей среды. Брошенный клич «пусть одни обогащаются раньше других» привел к росту имущественного неравенства и региональных диспропорций. Экстенсивный характер экономического роста обернулся значительными перерасходами топлива и сырья. Выявились определенные издержки и «открытой» внешнеэкономической политики. Экспортная ориентация китайской экономики сделала ее чрезмерно зависимой от конъюнктуры мирового рынка, а повышенный внутренний спрос на сырье и топливо усилил зависимость от их импорта. Часть внутреннего рынка попросту захвачена иностранными и смешанными предприятиями с участием иностранного капитала.

Наибольшую важность приобрел вопрос о повышении экономической эффективности и ее соединении с социальной справедливостью. Это требует поддержания определенной нормы оплаты труда, обеспечивающей соответствующее качество рабочей силы, и сокращения имущественной дифференциации до рациональных пределов, гарантирующих социальную стабильность общества. Устремления людей к зажиточной жизни явно обгоняют возможности их удовлетворения, что подпитывает растущую преступность и коррупцию. Многочисленные факты уголовных и экономических преступлений, нарушений деловой этики, производства некачественной продукции также свидетельствуют о кризисе морали в китайском обществе. В погоне за экономическим ростом и «модернизацией» Китай пожертвовал своей естественной средой, многими своими традициями, прежде всего традициями семьи и нравственности, допустив отставание темпов повышения жизненного уровня и развития социальной сферы, поляризацию общества. Ревност-

ным сторонникам «смешанного» развития Китая со значительными уступками капитализму во внутреннем и внешнем плане все более решительно противостояли защитники социально ориентированной рыночной экономики при сохранении социалистических идеалов и ограниченным «допущением» капитализма в целях активизации всех факторов экономического роста. Новые установки «гармоничного» и «научного» развития предполагают сохранение государственного контроля над экономикой, повышение жизненного уровня при сокращении региональных диспропорций и имущественного неравенства, внимание к охране природной среды. Модель «смешанной экономики» дополняется набором моральных норм, включая принципы коллективности и соблюдения социальной справедливости, что знаменует переход от временной деидеологизации к возрождению социалистической идеологии.

Решения политических форумов последних лет свидетельствуют о том, что Китай вступает в новый этап своей истории и истории своей Реформации. Многочисленные данные и материалы свидетельствуют о том, что Китай готов предпринять решительные действия по исправлению допущенных просчетов и реанимации традиционных форм политической организации и конфуцианских моральных принципов.

Курс на развитие социалистической смешанной экономики в Китае получает большой резонанс в условиях развернувшегося экономического кризиса, преодоление которого во всем мире видится в усилении роли государства, исправлении перегибов глобализации, реформировании международных финансовых организаций, отступлении от полной приватизации и либерализации экономики. Антикризисная политика Китая заимствует многие инструменты аналогичной борьбы с кризисом 1998 г., включая: 1) усиление роли государства и государственных программ, укрепление роли компартии и идеологической пропаганды в духе патриотизма и коллективизма; 2) корректировка реформ в денежной и банковской сферах, в области собственнических отношений с большим учетом национальной специфики и с поисками оптимума государствен-

но-частного партнерства; 3) расширение внутреннего потребления при одновременном снижении уровня имущественной дифференциации, что поможет самортизировать проявления социального недовольства; 4) проведение умеренно мягкой монетарной политики при снижении процентной ставки кредитов предприятиям и межбанковских операций (ставка по годовым депозитам опустилась до 2,25%); 5) расширение инвестиций прежде всего в инфраструктурные проекты с целью роста конечного потребления и занятости; 6) снижение налоговой нагрузки на предприятия и ставки подоходного налога для населения. Помочь сохранению необходимых высоких темпов экономического роста может также снижение нефтяных цен на мировом рынке и твердая решимость китайского правительства сохранить низкий обменный курс юаня, несмотря на оказываемое давление со стороны США.

Учитывая весь комплекс факторов, многие политические деятели на Западе отмечают способность Китая выйти из мирового экономического кризиса с минимальными потерями и тем самым повысить свой рейтинг. Строятся предположения, что именно Китай сможет переформатировать кризис в своего рода «инновационный скачок», идею которого выдвинул Билл Гейтс. В ближайшие 10—15 лет Китай имеет хорошие шансы перейти из группы «инновационных преследователей» в группу «инновационных лидеров» и повысить свою активность в международном научно-техническом сотрудничестве.

Условия глубочайшего кризиса во многих странах и неизбежный вследствие этого кризис всего нынешнего мироустройства повышают престиж новой китайской модели, ее восприятие в качестве привлекательной институциональной инициативы и образца развития для всего азиатского региона и далеко за его пределами. Тем актуальнее становится потребность в теоретическом осмыслении ее сути, формировании понятийного языка, позволяющего не только описать китайскую модель, но и транслировать ее опыт за пределы страны.

Содержание, вкладываемое в «новую» китайскую модель, ассоциирует Китай с капитализмом по методам рыночного регулирования, но сохраняет отличия от капитализма в виде иного характера субъектов товарных отношений, важной регулирующей роли государства вкупе с такими отличительными моментами, как признание господствующего положения общественных форм собственности, преобладание оплаты по труду и противодействие имущественной дифференциации, авторитарный характер политической системы с ведущей ролью КПК. Это дает основание оспаривать тезис о том, что «понятие «социализм с китайской спецификой» означает больше дань недавнему коммунистическому прошлому китайских лидеров и китайского общества, чем несет концептуальную нагрузку»⁵⁶. На наш взгляд, целесообразно говорить о «социализме с китайской спецификой» как социалистическом варианте «смешанной экономики» с соответствующей институциональной и организационной спецификой.

В современном виде китайский «рыночный социализм» носит черты переходности. Защитники капиталистического пути развития утверждают недолговечность этой модели, которая тормозит переход к «цивилизованному» рынку. Их противники предлагают не задерживаться на модели «рыночного социализма», который способен воспроизводить многие беды, свойственные капитализму, а именно: неравенство в доходах и благосостоянии; разрушение окружающей среды; коммерциализация общества и стремление к беспрестанному наращиванию индивидуального потребления; макроэкономическая нестабильность, включая безработицу и инфляцию; недопроизводство общественных благ. Жизнь показала, что развитие рыночных отношений неизбежно устанавливает такой порядок вещей, который характеризуется рационализмом, конкуренцией, неравенством, т.е. господством «золотого тельца» со всеми атрибутами стяжательства и борьбы за выживание.

---

56. Социально-экономические модели в современном мире и путь России. Указ. соч. С. 637.

Выход за рамки идеологизированных понятий капитализма и социализма продемонстрировал американец Дж. Рамо, выдвинувший тезис о «Пекинском консенсусе». Сделав акцент на тактике проведения реформы в виде «малых шагов», он трактует «китайскую модель» как «упорное стремление к экспериментированию и инновациям, твердую убежденность в отстаивании суверенитета и принципа многосторонности, а также намерение к приобретению средств асимметричного проецирования власти»⁵⁷.

Китайские ученые, воспринявшие эту концепцию, вносят в нее свои дополнения. Профессор Центрального финансово-экономического университета Ван Гуанцянъ перечисляет 12 составляющих Пекинского консенсуса: 1) проведение реформы, начиная с сельского хозяйства и с решения наиболее жгучих проблем ликвидации бедности; 2) правильное ранжирование отраслевых приоритетов (сначала легкая промышленность, потом тяжелая и инфраструктура); 3) первоначальное использование массивованных инвестиций, затем упор на расширение внутреннего спроса; 4) экспортная ориентация экономики и привлечение иностранных инвестиций и техники, полное использование потенциалов двух рынков (внутреннего и внешнего); 5) организация свободных экономических зон с последующим перенесением их опыта на другие регионы; 6) постепенная либерализация цен и временное существование «двухколейной системы» (плановые и рыночные цены); 7) реформа государственных предприятий, начиная с расширения их хозяйственной самостоятельности и с дальнейшим переходом к акционерной системе; 8) финансовая реформа с ориентацией на повышение активности мест при концентрации в центре достаточных средств для макроэкономического регулирования; 9) активизация де-

---

57. Цит. по: Карнеев А.Н. Пекинский консенсус вместо вашингтонского? // Российско-китайское сотрудничество: проблемы и решения: Материалы Всероссийской научно-практ. конф. МИД РФ. М., 2007. С. 179.

нежной политики (сначала все большая самостоятельность банков, затем создание целостной системы финансовых институтов, совершенствование фондового рынка); 10) акцентирование внимания на развитие образования и науки; 11) следование комплексной экономической политике, объединяющей задачи индустриализации, урбанизации, информатизации и модернизации; 12) стимулирование рыночных сил при обеспечении государственного макроэкономического регулирования с учетом конкретной обстановки⁵⁸.

Из 12 составляющих Пекинского консенсуса и «китайской модели», которые перечисляет Ван Гуанцянь, половина относятся скорее к тактике проведения реформы, чем к ее стратегии (проведение реформы, начиная с сельского хозяйства; последовательность отраслевых приоритетов от легкой промышленности к тяжелой; переход от упора на массивные инвестиции к расширению внутреннего спроса; постепенная либерализация цен; поэтапное преобразование государственных предприятий; разумная последовательность в проведении финансовой реформы).

Рассмотрению «китайской модели» посвящено немало работ китайских авторов. Однако в последнее время сам термин «китайская модель» стал вызывать нарекания. На экономическом совещании, проходившем 19 ноября 2009 г. в Пекине, бывший заместитель директора Школы при ЦК КПК Ли Цюньжу заявил, что в Китае пока нет сложившейся модели, поэтому, чтобы не создавать лишних проблем, лучше говорить о «китайской специфике». Его поддержал глава Управления по внешнеэкономическим связям Политического консультативного совета Чжао Циши, подметивший, что ныне популярный тезис о Пекинском консенсусе был выдвинут за пределами Китая. По его мнению, каждая страна, не полагаясь на какие-либо «модели», должна выработать свой собст-

---

58. Ван Гуанцянь. Чжунго цюйци: «Бэйцзин гунши» юй «Чжунго моши» (Подъем Китая: «Пекинский консенсус» и «китайская модель») // Цаймао цзинци. 2008. № 2. С. 30.

венный путь развития. Такая самокритика вызвана прежде всего чрезмерной затратностью китайской экономики. Участница дискуссии Ши Сюэхуа предложила пользоваться такими заменителями «модели», как «китайский опыт» или «китайский путь», главным отличием которого является ориентация на построение социализма и руководство КПК⁵⁹.

Тем не менее не похоже, что эти опасения по поводу «китайской модели» разделяют и китайские официальные лица. 7 декабря 2009 г. в Пекине закрылось рабочее совещание ЦК по экономическому развитию Китая, которое определило задачу 2010 г. как обеспечение стабильного и динамичного развития экономики, а также как трансформацию модели экономического развития. Говоря о трансформации экономической модели, участники совещания отметили важность сохранения быстрого и стабильного роста экономики на основе расширения уровня внутреннего потребления, ускорения реструктуризации экономики, углубления реформ и открытости⁶⁰.

Новая «постсоветская» международная ситуация до недавнего времени выглядела не только как уничтожение bipolarности мира и разрушение альтернативности мировых систем, но и как победа Запада над Востоком, рыночной системы над плановой, капитализма над социализмом, индивидуализма над коллективизмом, либерализма над этатизмом, вестернизаторской культуры, в том числе политической, над всеми другими. Если сочетание элементов разных социально-экономических систем в рамках китайской «смешанной системы» приобретет достаточно устойчивую форму, это может, в конечном счете вылиться в синтез либеральной и социалистической идей, что не означает механического сочетания элементов разных социально-экономических и идеологических систем, а создание принципиально новой системы ценнос-

---

59. Агентство Синьхуа. 2009. 19 ноября.

60. <http://russian.cri.cn/741/2009/12/08/1s317245.htm>

тей, подчиненной задаче самореализации личности и гармонизации межличностных отношений. Наибольшую важность приобретет вопрос о соединении социальной справедливости с экономической эффективностью, так чтобы первая была условием роста второй. Это требует поддержания определенной нормы оплаты труда, обеспечивающей соответствующее качество рабочей силы и целесообразность перехода от экстенсивного к интенсивному типу развития, и сокращения имущественной дифференциации до рациональных пределов, гарантирующих социальную стабильность общества и создание условий для максимального использования творческого (креативного), инновационного потенциала человека.

Наиболее желательную перспективу можно сформулировать следующим образом: не конгломеративное общество, механически совмещающее черты капитализма и социализма, а общество, альтернативное капитализму, и отличное от дореформенного социализма, хотя и сохраняющее с ним кровнородственные связи. Проблему соотношения «современности» и «традиций» предстоит решать путем отказа от «имитационной модернизации» и перехода к «автохтонной модернизации». Если первый тип модернизации строится на максимально полном отторжении существующих традиций, то второй тип исходит из необходимости органического развития страны при вмонтировании некоторых традиционных основ. В этом случае в согласии с теорией параллельности модернизируемая страна, воспринимая импульсы от более развитых стран, продолжает следовать по собственному пути со своими темпами, подходами и своими ответами на вызовы эпохи.

КИРДИНА С.Г.

ПОСЛЕ ДИСКУССИИ: ВАЖНОСТЬ КИТАЙСКОГО ОПЫТА ДЛЯ РОССИИ

Опыт Китая в сфере институциональных рыночных преобразований, а в последние два года и практика антикризисных мер, заслуженно привлекают все больше внимания со стороны научного, политического и предпринимательского сообщества в России и других странах. Отметим те особенности китайских реформ, которые представляются наиболее важными для нашей страны⁶¹.

Во-первых, в Китае четко взаимно согласованы на всех уровнях государственного центрального, провинциального и местного управления идеологическая доктрина, теоретические подходы и методологическое обоснование реформ, конкретные меры по реализации экономической политики, а также направления социальной политики и политической реформы. Постоянный мониторинг проводимых преобразований является важнейшим элементом данной системы. Такая система создана в результате целенаправленной работы, про-

---

61. При подготовке данной статьи были использованы материалы научного отчета о командировке в Китайскую Народную Республику 8—17 октября 2009 г., подготовленного М.А. Дерябиной, С.Г. Кирдиной и Л.И. Кондрашовой (www.inecon.ru).

водимой высшим руководством страны и обеспечившим для этого соответствующую концентрацию ресурсов — интеллектуальных, материальных, финансовых. Академия общественных наук КНР играет в этом процессе одну из основных ролей.

Во-вторых, важную роль в процессах преобразования играет глобализация. И здесь отметим не известные всем факты об углублении экономических связей или внедрении новшеств, полученных (разными способами) из других стран. Для стран с доминированием X-матрицы, к которой принадлежит и Китай, «узким местом» является развитие внутренней конкуренции. Но экономическая, информационная, миграционная, политическая открытость страны позволила включить конкурентные механизмы во все институциональные структуры. Так, например, хотя на внутреннем рынке Китая конкуренция не является таким сильным фактором, как в ряде стран Европы и США, но политика поддержки конкурентоспособности китайских товаров на мировом рынке приводит к тому, что аналогичную роль выполняет глобальная межстрановая конкуренция. Параллельные процессы происходят в социальной и политической сфере — к традиционному сопоставлению стиля и уровня жизни континентальных китайцев с островным населением Гонконга и Тайваня добавилось сравнение с западными странами, активно поставляющими в Китай культурно-информационную продукцию и иные жизненные стандарты. Такие «поставки» обеспечивают политическую и социальную конкуренцию в стране, стимулируя проведение необходимых преобразований, способствуя росту социальной и гражданской активности. Сохраняя «китайскую специфику», страна все более становится глобальным игроком на мировой арене.

В-третьих, китайские экономические реформы — это иной путь рыночной трансформации, отличный от опыта стран Восточной Европы и России. Различия заключаются не только в хорошо известной постепенности реформирования, в сохранении принципа руководящей роли КПК и всей системы государственных институтов. Ряд ключевых понятий и

блоков практических мер имеет так называемую «китайскую специфику», которая существенно отмежевывает концептуальные основы и практику рыночной трансформации в Китае от опыта практически всех других развивающихся экономик.

Дело, конечно, не в том, что в Китае недостаточно знают современные научные теории трансформации или конкретный практический опыт стран с развитой и развивающейся экономикой. Напротив, китайские ученые хорошо знакомы с этими теориями и опытом⁶². Китайская молодежь в массовом порядке учится, проходит стажировки и получает ученые степени по экономике и политологии за рубежом. «Китайская специфика» объясняется в первую очередь прагматическими соображениями, стремлением максимально приблизить опорные теоретические установки к решению намеченных практических и стратегических задач в экономике и обществе. Если в нашей стране разговоры о самобытном пути воспринимаются как символ «движения назад», то в Китае поиск своего пути отчетливо ассоциируется с «движением вперед», с осознанием собственной миссии в процессе эволюционной модернизации этой огромной страны.

В-четвертых, идеологические приоритеты, как бы к ним ни относиться, являются одной из сильных и существенных сторон «особенного китайского пути». В Китае очень явно прослеживается единство централизованно определяемых установок, направленной на их реализацию в результате работы всех звеньев структурной иерархии КПК и государства, работы научно-теоретических и научно-практических организаций, системы идеологического, административного и хозяйственного контроля на уровне предприятий и

---

62. Показательно в этом смысле, что в Институте экономики АОН (г. Пекин) ведутся теоретические разработки по следующим вполне привычным для современных научных учреждений направлениям: макро- и микроэкономика; политэкономика (в т.ч. теоретическая экономика, теория инноваций, сравнение китайской экономической мысли с западными теориями); современные экономические теории Запада; экономическая история и новейшая история Китая.

местных органов власти. Руководящие установки, сформулированные в понятиях традиционной китайской философии и морали и «привязанные» к задачам момента и потребностям людей хорошо понятны всем — рядовым работникам, руководителям, молодежи, домохозяйкам. По этой причине конфликты и расхождения интересов редки и разрешаются методом вполне демократических согласований.

В-пятых, интересной особенностью китайских реформ является прагматическая трактовка отношений собственности не столько в соответствии с теми или иными теориями, сколько в зависимости от национальных приоритетов и задач текущего момента. Некоторое время тому назад проблемы собственности в Китае, как и в других развивающихся странах, трактовались в соответствии с западными экономическими теориями как один из основополагающих вопросов трансформации. В соответствии с этим статистика КНР выделяла, в частности, такие формы собственности, как государственная, коллективная, акционерная с участием государственных структур, совместность совместных предприятий, кооперативная. При этом западные стандарты трактовали все формы, кроме первой, как частные, что давало основания зарубежным ученым говорить о все большем доминировании частной собственности в современном Китае. В то же время китайские специалисты, как мы уже отмечали в докладе, открывающем настоящий сборник, считали долю действительно частной собственности весьма невысокой (менее 20%). Все остальные формы не являлись частными в общепринятом смысле этого слова, а выступали разновидностями «условной верховной собственности», патронировавшейся государственными структурами в той или иной форме. Роль верховного уровня управления, определяющего правила и условия функционирования всех этих видов собственности, выполняют либо центральные, либо региональные, либо местные (уездные, волостные) государственные органы.

Социально-экономическая сущность отношений собственности трактуется не в традиционных для Запада

понятиях владения, распоряжения и использования⁶³, а в характерных для Китая категориях «социалистическое» и «несоциалистическое». С 2006 г. статистика Китая перестала выделять, подобно другим странам, чисто государственных или чисто частных предприятия по критерию титульного собственника. Местные эксперты отмечают, что полностью государственными являются предприятия обороны, энергетики и некоторые другие жизненно важные объекты. При этом все другие предприятия, которые можно было бы полагать частными, в значительной мере используют общественные средства и ресурсы, кредиты государственных банков. Определяющими для характеристики типа предприятия в соответствии с китайской спецификой («социалистическое» или «несоциалистическое») являются правомочия распоряжения и использования: если предприятие эффективно работает на благо государства и его приоритетов. Если рабочие, а не только титульный собственник, получают хорошие доходы, товары успешно реализуются, в том числе идут на экспорт, если предприятие имеет хорошую репутацию, то государство помогает такому предприятию, дает ему заказы, ресурсы, кредиты. Оно считается «социалистическим», независимо от формального владельца. Вместе с тем плохо работающие предприятия не могут считаться «социалистическими», им не помогают, кредитов не дают. Например, признавая одной из главных задач рост занятости, в Китае активно поддерживают предприятия, которые способствуют снижению безработицы. Иными словами, если предприятие успешно решает актуальную общественную задачу, государство поддерживает такое «социалистическое» предприятие. В результате формальная структура собственности в настоящее

---

63. Встречи с китайскими экспертами показывают, что в Китае прекрасно знают известную классификацию правомочий собственности А. Оноре, однако в практических решениях исходят из других критериев.

время не является актуальной с точки зрения стоящих перед страной задач. Это еще один штрих к практичности китайцев, ориентированных на мировые стандарты только тогда, когда им это действительно необходимо.

В-шестых, в Китае действует весьма эффективная система оценки того, с какой отдачей используется собственность различными экономическими субъектами, и, прежде всего, государственная собственность. Эта эффективность контролируется не только по действующим официальным каналам и на основе целой системы показателей, но определяется с помощью множества источников, в том числе и не характерных для российской практики. Так, в 2004—2005 гг. в связи с очевидной «утечкой» госимущества было проведено совещание, констатировавшее, что «плохие чиновники украли много государственных денег». Толчком к усилению внимания к этой проблеме послужило опубликованное в Гонконге исследование (книга известного профессора Лань Сяньпина «Буря») о крупномасштабном расхищении государственного имущества через процедуры банкротства. Проведенные проверки подтвердили оценки гонконгского ученого. Так на передний план вышла концепция «новой государственной собственности» и «нового государственного имущества».

В-седьмых, важная роль в Китае принадлежит науке, что вполне соответствует новому формирующемуся укладу, эпохе «экономики знаний». Речь идет как об академической науке, так и об университетах — важнейших сегментах национальной инновационной системы. Например, ученые Академии общественных наук Китая как в центре, так и в регионах работают не только в соответствии со своими планами исследовательских работ, но постоянно — как правило, на конкурентной основе — выполняют различные государственные заказы: от подготовки экономических прогнозов, исследований социальной структуры до разработки и анализа мероприятий конкретной экономической политики. «Востребованность»

науки является чрезвычайно высокой, как и ее материальная и финансовая обеспеченность.

За последние 20 лет Китай также сильно продвинулся по пути формирования исследовательских университетов мирового класса. По доле исследователей в трудоспособном населении Китай занимает сейчас второе место в мире (после США)⁶⁴. При этом важнейший элемент стратегии развития науки — опора на политику «привлечения мозгов». Уехавшие ранее за границу студенты и исследователи теперь активно возвращаются в Китай.

Не менее важно и то, что в университетах и НИИ постоянно поддерживается мотивация обучаться и работать с полной отдачей сил, а не метаться в поисках дополнительных заработков по нескольким местам работы⁶⁵. Уровень зарплаты привязан к качеству работы — критерием служит уровень мировых стандартов научных исследований, определяемый, например, публикациями в «рейтинговых» мировых изданиях. Передовую науку поддерживают и местные власти, ведь наличие хорошего исследовательского университета рассматривается как важнейшее условие развития соответствующих городов⁶⁶. Из средств местных бюджетов крупных городов высококвалифицированным специалистам может быть предложена зарплата, в несколько раз превышающая обычные университетские стандарты.

Выделение науки в качестве одного из основных направлений модернизации китайского общества привело к кардинальному изменению позиций Китая в глобальных

---

64. Ведомости. 2009. 9 дек.

65. При этом совсем не исключаются заработки от платных образовательных программ и прикладных исследований. Возможность участвовать в таких работах, напротив, сильнее привлекает студентов, аспирантов и преподавателей к «родным» университетам.

66. В соответствии с рейтингом исследовательских университетов за 2009 г., составленным шанхайским университетом Цзяо Тун, в число 500 лучших мировых университетов вошли 18 исследовательских университетов Китая, 5 университетов Гонконга и 7 университетов Тайваня (Ведомости. 2009. 16 дек.).

рейтингах инноваций. Уже в 2006 г. Китай вышел на второе место в мире после США по числу патентных заявок, поданных национальными и иностранными заявителями в стране. При этом по сравнению с 1995 г. их число возросло почти в 10 раз и составило 173 327 (в России — 37 691, хотя в 1995 г. мы опережали Китай по этому показателю). Число научных публикаций в ведущих научных журналах за этот период увеличилось в Китае в три раза и составило почти 30000 статей (по сравнению с 15 782 публикациями российских ученых. При этом российский показатель по сравнению с 1995 г. снизился более чем на 15%)⁶⁷. Сопоставление приведенных примеров и статистических данных дает наглядное представление о значимой роли науки в «китайской специфике» реформирования.

Подытоживая, следует отметить, что опыт реформирования китайской экономики и общества является уникальным по значимости и важности для России. Несмотря на различие уровней начального развития стран к моменту реформ и специфические культурно-цивилизационные особенности, Россия и Китай характеризуются сходством базовых институциональных структур. Более того, на начало реформ эти страны имели аналогичные проблемы институционального дисбаланса, а именно преимущественно централизованную экономику, высокий уровень унитарности политического устройства и тотальное доминирование коммунистической (социалистической) идеологии. В то же время, при сходстве изначальных макроинституциональных условий, наши страны пришли к различным результатам по уровню и динамике социально-экономического развития. Китай, несомненно, является более успешным в своих преобразованиях. В силу этого осмысление и определение направлений использования китайского опыта является критически важным для России.

---

67. Инновационное развитие — основа модернизации экономики России: Национальный докл. М.: ИМЭМО РАН, ГУ—ВШЭ, 2008. С. 24.

В то же время инерционность большинства исторических связей, в том числе и российско-китайских отношений, которые долгое время характеризовались социально-экономическим и политическим доминированием России, часто является препятствием для позитивного восприятия китайского опыта. Помимо сохранившегося в России синдрома «большого брата», такому восприятию мешает приверженность формирующегося современного поколения экономистов и политиков западным образцам социально-экономического устройства и некритичность по отношению к возможностям их реализации в России. Это является сдерживающим фактором прагматического подхода к анализу и приложению более значимой, по сравнению с западным опытом, практике реформирования КНР к нашей стране. Если говорить о технологических инновациях, то их поток из западных стран может быть весьма полезным. Опыт Японии, закупавшей в свое время патенты и внедрявшей с помощью государства новые технологии на национальных предприятиях, является положительным примером. Если же говорить об институциональных инновациях, то для России на данном этапе более эффективным может быть опыт институционального строительства нашего восточного соседа.

Поэтому необходимы подробные, регулярные и глубокие взаимные консультации, совместные исследовательские проекты и постоянное сотрудничество между российскими и китайскими обществоведами, прежде всего экономистами. Проведение в апреле 2009 г. «круглого» стола «Институциональный анализ китайской модели: теоретическая дискуссия и прогноз», материалы которого представлены в настоящем сборнике, является одним из мероприятий, подтверждающим значение и актуальность российско-китайских контактов. Дальнейшие подобные встречи целесообразно проводить совместно с китайскими коллегами, возможно, с приглашением также ученых из Индии и Бразилии. Консолидация научных сил для осмысления аль-

тернативного «незападного опыта» необходима для предотвращения дальнейшего сползания России в нижние позиции самых разных мировых рейтингов — от социально-экономических до спортивных⁶⁸.

---

68. Имеется в виду, например, непривычно низкое для России 11-е место в общем медальном зачете на Зимних Олимпийских играх — 2010 в Ванкувере (Канада) в феврале 2010 г.

Виноградов А.В.*

ПОСЛЕ ДИСКУССИИ:
В ЗАЩИТУ
ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО
ПОДХОДА — ПОПЫТКА
ПРИМИРЕНИЯ

Главный упрек авторам концепции, прозвучавший в выступлении О.Т. Богомолова, конечно, имеет основания. На самом деле, вопрос, похоже, заключается в выборе объекта исследования. При справедливости критических замечаний в адрес цивилизационного подхода, его бесспорным достоинством является точное определение предмета и цели исследования. Невозможно понять общество, анализируя только его часть, даже такую существенную как экономика. На мой взгляд, теория институциональных матриц служит важным дополнением, развитием и конкретизацией цивилизационного подхода, который не приобрел еще завершенных очертаний и тоже только формируется. Не случайно, и сам автор использует понятие «цивилизация» по тексту всего доклада. Цивилизационный подход не сталкивает народы, а показывает возможность их сосуществования, потому что многообразие — количественный показатель развития. Мно-

---

* Виноградов — д.и.н. Институт Дальнего Востока РАН.

го недоразумений и даже противоречий возникает из-за того, что у нас нет общего категориального аппарата, и в совместных попытках формулирования новой общественной теории критика не может преобладать над сотрудничеством. В конце концов, не так уж важно, назовем ли мы «цивилизацию» «матрицей» или «матрицу» «цивилизацией», если нам удастся понять характер процесса.

С глубокой древности Китай воплощает высшие проявления цивилизационной самобытности. Несмотря на усиливаемые глобализацией центристские тенденции его отличия от других стран настолько велики и очевидны, что он по-прежнему служит непререкаемым эталоном своеобразия. В первую очередь такое восприятие связано с высоким уровнем его духовной культуры, которая в отличие от многих других критериев общественного развития, прежде всего материальных, убедительно показывает, что европейский образ жизни и социальной организации не единственный на планете — существуют и другие центры человеческой культуры, основу которых составляют иные ценности и представления. Идентичность Китая связывается также с непрерывной государственностью и практически неизменными принципами общественного устройства, укрепившими представление о жизнеспособной и действенной альтернативе западной модели социального бытия. Из особого мировосприятия выросли китайские традиции мироустройства, которые позволяют Китаю в отличие от большинства других стран мира сразу и безоговорочно восприниматься как особая социально-историческая общность — цивилизация.

Принято считать, что в основе цивилизации лежит материальная культура, которая определяет степень развития уровнем и глубиной преобразования окружающей среды. Такое преобразование внешнего мира получило название экономика (в переводе с греческого — домоустройство, обустройство собственного жилища). Господство этой точки зрения обусловлено тем, что экономическое развитие сегодня определяет превосходство стран и народов в мире. Согласно другим представ-

лениям, фундамент человеческой культуры заложила нравственность. С определенного момента история приобрела характер эволюции нравственных принципов, которые создали социальный мир и человеческую культуру в современном виде. Первые этические концепции были связаны с религией, ставшей целостным воплощением духовной культуры. На ранних этапах развития, когда отличия в уровне материальной культуры были невелики, именно религия играла ведущую роль в определении цивилизационной идентичности, и поэтому до сих пор цивилизации принято связывать с религиями.

Общество, таким образом, приобрело два измерения — материальную и духовную культуру. При этом сложилось четкое разграничение их функций. Материальная культура стала инструментом преобразования мира, динамизма и развития. Духовная культура, в первую очередь лежащие в ее основе нравственные принципы, стала фактором поддержания внутренней стабильности, придания социальному организму устойчивых форм. Критериями развития двух культур стали соответственно динамизм и стабильность, оппозиционные по своим функциям. На разных этапах ведущая роль попеременно закреплялась за одной из них. На протяжении большей части известной истории ведущая роль сохранялась за духовной культурой, свойственной традиционному, зависимому от природы обществу, для которого даже простое поддержание жизнеспособности (простое воспроизводство) было большой победой и поэтому сохранение стабильности оставалось важнейшей целью.

Начиная с Нового времени быстрое развитие науки и техники в Европе изменило приоритеты и акценты. Главным критерием развития стал высокий уровень материальной культуры, которая в силу ускоряющегося прогресса постоянно увеличивала разрыв между странами, определив на столетия основной дискурс исторического движения. Появление единых критериев прервало естественно-исторический ход истории отдельных регионов и положило начало качественно новому типу развития — модернизации или, чтобы

подчеркнуть ее отличие от естественно-исторического процесса в Европе, догоняющей модернизации.

Конкуренция культур требовала новых форм социальной организации, интегрировавших материальные и духовные составляющие в единое целое. Прочное сочетание материальной и духовной культур мог обеспечить только единый консолидирующий центр, способный осуществлять перераспределение ресурсов из одной сферы в другую, а также поддерживать согласованное развитие всех сфер жизнедеятельности общества при переходе из одного состояния в другое. Политическая организация общества (а по китайской терминологии «политическая культура») смогла предложить высшую форму социальной стабильности, именно поэтому считается, что политическое выросло из этического. Но политика смогла еще интегрировать в свое пространство несвойственный этике динамизм.

Таким образом, цивилизации можно определить как способ существования и воспроизводства культуры в последовательном и параллельном состоянии. Они (античная, средневековая и новоевропейская) выступают основой для последующих, но и сами продолжают существовать в определенных формах и сферах.

В силу природных и исторических причин для европейской цивилизации главным способом существования стала экономика. Формационная теория описала конкретно-исторические формы воспроизводства западной цивилизации, в основе которой лежали дискретность, агрессивность и рациональность, воплотившиеся в современности в свободном рынке как механизме регулирования отношений отдельных товаропроизводителей и демократии как инструменте согласования интересов индивидов. Смена формаций происходила вследствие динамичного развития материальной культуры и предъявляемых ею новых требований к социально-политической организации общества. С началом европейской экспансии все другие цивилизации неизбежно стали сравниваться с ее уровнем экономического и материально-технического раз-

вития, которым, естественно, старались найти европейские эквиваленты в способах производства, а затем и политических механизмах, ставших в свою очередь эталонными.

Иные природные и исторические условия уже на ранних стадиях генезиса способствовали формированию в Китае общества, ориентированного на поиск свободных ниш в окружающем мире, определив его пассивный по отношению к внешней среде характер. Для китайской цивилизации любой материальный прогресс был, прежде всего, нарушением природной предначертанности, потенциально фатальным по своим последствиям, поэтому и позитивное утверждение идентичности должно было лежать в иной сфере — в нравственном совершенствовании. Идея гармонии с природой нашла свое продолжение в общественных отношениях. Ни классов, ни разделения властей в Китае не сложилось. На протяжении целых эпох соотношение основных производственных факторов — земли и населения — препятствовало утверждению частной собственности как общественной ценности в западном понимании. Неизбежная в любом социуме частная инициатива не становилась устойчивым социальным признаком и не приводила к формированию особых общественных групп. Семейные, иерархичные по природе отношения регулировались подчинением младших старшим, воплотившимся в принципе «сыновней почтительности» (*сяо*). Семья, а не классы и частная собственность, оставалась важнейшим общественным институтом.

Коллективизм оставался естественным состоянием общества, родовая по своей природе власть и в условиях централизованного государства гарантировала населению минимальный и более или менее равный в пределах региона материальный достаток. Конфуцианские этические нормы выступали естественным инструментом решения всех социальных проблем, предполагавших сосуществование, а не борьбу.

Латентность внутренних противоречий привела к тому, что историческое развитие в Китае характеризовалось преемственностью и накоплением, а не отрицанием и разру-

шением. Постоянство определило неприспособленность китайской цивилизации к взрывным изменениям, ориентируя на постепенность. Наоборот, развитие получили инструменты реконструкции и восстановления. Социальные потрясения, сопровождавшиеся насилием, сменялись восстановлением существовавшего порядка с непринципиальными для его сущности изменениями. Ответственность власти-управления была тотальной и не требовала разделения властей, как и демократических форм решения общественных противоречий, а следовательно, и демократической организации политического процесса. Циклы китайской истории регулировались исчерпанием нравственного «мандата Неба», властью и исчезновением порядка.

Потенциальные угрозы, способные сломать сложившуюся культурную матрицу, отторгались внутренне сбалансированной культурной традицией. Китайская империя ассимилировала даже завоевателей, предлагая им более совершенный тип патриархальных отношений. Отсутствие внешних причин к разрушению предопределило экстенсивный характер воспроизводства общественных отношений, сопровождавшийся, постоянным ростом населения и демографической инерцией.

С середины XIX в. все развитие Китая стало протекать под определяющим влиянием материально-технического и технологического превосходства Запада. Являясь органичным результатом внутреннего развития, глобализация не оказывала деструктивного влияния на Европу. В Китае, напротив, она приняла форму модернизации, т.е. внутренней трансформации с целью адаптации к внешнему воздействию, прежде всего приведения своего социально-экономического уровня в соответствие с мировым. Единственным способом решения этой задачи была смена естественно-исторического, присущего китайской цивилизации типа развития на новый, субъектный, всеобъемлющий характер которого предполагал формирование принципиально нового класса общественных закономерностей. Китайский опыт преобразований в тече-

ние последних 200 лет тем более ценен, что огромная по масштабам централизованная империя не была в полном смысле покорена европейскими державами и была вынуждена самостоятельно искать ответы на западное вторжение в отличие, например, от Индии, на протяжении нескольких поколений напрямую усваивавшей уроки Запада.

На начальном этапе модернизаторские импульсы могли исходить только от государства — единственного на тот момент политического субъекта и в первую очередь были направлены на его самоусиление. Основанная на превосходстве собственной культурной традиции внутренне целостная и совершенная, а для Китая еще и системообразующая, бюрократическая машина не могла добровольно согласиться на свое ограничение, а тем более упразднение. Даже Сунь Ятсен свои первые предложения по проведению реформ адресовал непосредственно императору. Несмотря на то, что иноземная, маньчжурская династия способствовала росту ханьского национализма, социокультурного раскола в Китае не было. Поэтому и после революции 1911 г. все утверждавшиеся во власти политические силы воспроизводили архетип императорской модели управления, оказавшись не в состоянии вырваться за пределы тысячелетиями отлаженного механизма. Государство по-прежнему обладало монополией на инициативу, но, используя ее для защиты цивилизации, невольно возвращало китайскую историю в привычное русло.

Провести необходимые преобразования мог только новый субъект — авангардная партия, существовавшая к тому моменту в России. Именно ее организационно-политические принципы в первую очередь постарались заимствовать все китайские революционеры вне зависимости от идеологической ориентации. Другой важной чертой российского опыта было то, что высокоцентрализованная система власти, сложившаяся в СССР, не только отвечала текущим политическим и социально-экономическим задачам, стоящим перед Китаем, но и соответствовала китайской политической традиции. Социалистические идеи с огромным потен-

циалом равенства и справедливости легко вписывались в систему «смены мандатов» правящих династий, каждая из которых приходила на смену нравственно увядшей. А китайская компартия с самого начала восприняла марксизм как государственную, а не классовую идеологию, что и обеспечило ее успех в борьбе за власть.

Социалистические преобразования после 1949 г. были более последовательны и радикальны. Однако первые же успехи вновь усилили тенденцию к возрождению прежнего механизма государственного управления как на системном, так и на личностном уровне. Экономический детерминизм марксистской теории отказывался находить подтверждение в Китае. Необходимо было найти собственные закономерности развития, связанные с особой ролью социокультурных и социально-политических традиций.

Неудачи социально-экономических экспериментов первых лет после образования КНР Мао Цзэдун расценил как изъяны социокультурной среды, сделав органичный для китайской цивилизации вывод о необходимости перенести центр преобразований с экономики на социальные отношения и искусственно создать зону социально-политического напряжения, чтобы вырваться за пределы традиционного общества и за рамки естественно-исторического развития.

В целом вся китайская политическая история до последней четверти XX в. решала одну проблему — искала новую, нравственно совершенную власть, которая могла бы сменить консервативную, нравственно обанкротившуюся. Последней неудачной попыткой преодолеть инерцию цивилизационной матрицы стала «культурная революция», основательно поколебавшая нравственные устои китайского общества, но одновременно продемонстрировавшая грань, за которой начиналось небытие. В этот период вскрылось основное противоречие социалистического строительства в Китае — между экономическим детерминизмом марксистской теории и социокультурной реальностью, неподчиняющейся характерным для Запада законам общественного развития.

В ходе «культурной революции» инерции социокультурной среды вновь был брошен вызов, но не извне, а изнутри — революционным характером новых лозунгов и социально-политическим динамизмом масс. Включив в общественно-политический процесс свободную от норм традиционного общества молодежь, Мао Цзэдун рассчитывал нейтрализовать влияние традиций и придать обществу необходимый динамизм. И тогда выяснилось, что вместе с традициями исчезла и социально-политическая стабильность.

Всем китайским революциям, начиная с Синьхайской и кончая «культурной», свойственны общие черты. Традиционные культура и социальная организация были неспособны эффективно ответить на вызовы времени и внешние угрозы, но были еще достаточно сильны, чтобы сопротивляться внутренним попыткам реформирования. Усиливающееся давление внешней среды испытывало на прочность всю китайскую культурную традицию. В наибольшей степени его ощущала действующая власть, консолидировавшая общество и придававшая ему государственно-политическую идентичность. Поражение государства в конфликте с внешними силами воспринималось ею тождественным поражению цивилизации. Для социальных слоев, не связанных с государством, естественной выглядела мысль о жертве части во благо целого. Задача революционных сил, осознавших перспективу гибели прежней модели развития, состояла в том, чтобы сформировать новый альтернативный механизм управления, и тем самым воссоздать социальную организацию здесь и сейчас из материала прежней, но придав ей новый конкурентоспособный характер.

К середине 1970-х гг. выяснилось, что успешная модернизация невозможна при политическом диктате традиции, но и попытки полностью отказаться от нее не ведут к успеху. Необходимо было эмпирическим путем найти условия для синтеза китайского и западного, чтобы придать традиционной культуре модернизаторские функции и связать ее с современностью.

Историческая заслуга возглавившего в 1978 г. реформы Дэн Сяопина состоит в переходе от конфликта традиций и современности, внесенной внешним влиянием, к их синтезу. Но начались его реформы с попятного движения, с частичного восстановления ключевой роли традиций политической культуры. Критика «культурной революции» и «командно-административной» модели социализма не привела к отрицанию предшествующего периода, места Мао Цзэдуна, КПК и марксизма в истории нового Китая. В итоге КПК не потребовались новые процедуры легитимизации власти, она сумела сохранить свою нравственную репутацию и вписаться в цикл нравственного обновления, что, в свою очередь, позволило сохранить ее как движущую силу преобразований.

Благодаря этому реформам впервые удалось выйти за рамки цивилизационной инерции и, признав важность экономического развития — перенос центра тяжести на экономику на 3-м пленуме 11-го созыва, допустить личную инициативу в контекст традиционной культуры, прежде всего в экономику. Рыночные механизмы конкуренции дали простор для инициативы внизу при сохранении жесткой централизованной власти наверху. В сущности, такое предоставление инициативы со стороны государства, сохранившего за собой все высоты в экономике и политике, позволило реконструировать традиционные механизмы общественного устройства, вернув обществу стабильные формы существования. Закономерно, что эти реформы начались с наиболее типичной среды, с деревни, которая в течение 2—3 лет восстановила традиционные по сути формы хозяйствования.

Конфликт иностранного и китайского был нейтрализован в «социализме с китайской спецификой», преодолевшем идеологическую и экономическую несовместимость капитализма и социализма. Решение отказаться от конфронтационности и стать частью внешнего мира, живущего по экономическим законам, заставило Китай учесть основные принципы его построения и организации. Использование рыночных механизмов указало на конкурентные преимуще-

ства китайских предприятий на внешнем рынке и помогло ему найти место в мировой экономике. Внешний мир увлек инертную массу населения в свой динамичный и стремительно ускоряющийся поток, превратив ее в экономическое преимущество в новой неконфронтационной среде.

Для успеха модернизации необходимо было решить последнюю задачу — обеспечить устойчивость поступательному движению, т.е. создать такой механизм власти, который бы обеспечивал сохранение динамизма, но не создавал угроз социально-политической стабильности при ее передаче.

Сохранив легитимность существовавшего политического механизма, старшее поколение во главе с Дэн Сяопином сохранило возможность для его постепенного реформирования. Для придания ему динамизма была введена периодическая смена власти, что на практике облегчалось преклонным возрастом самого Дэн Сяопина и других ветеранов. Для повседневной практической работы на рубеже 1980-х гг. им были привлечены в руководство страны более молодые кадры. Этот эмпирически сложившийся алгоритм обновления власти был затем институализирован в механизм политической преемственности, в окончательном виде включающий отказ от пожизненного занятия постов и обязательную сменяемость руководителей всех уровней; канонизацию уходящего лидера в документах КПК и КНР («идеи Мао Цзэдуна», «теория социализма с китайской спецификой» Дэн Сяопина, «идея тройного представительства» Цзян Цзэминя); постепенную передачу власти и последующую идейно-политическую канонизацию нового лидера. Эта модель типологически близка передаче власти легендарными правителями «золотого века» Яо, Юя и Шуня.

Китай выполнил важнейшее условие своего возрождения — встроился в современный мир, став его частью. Современность внесла в сельское хозяйство новые технологии, отвергавшиеся традиционным обществом. В результате высоко интенсивный труд, являвшийся основной экономической чертой древнекитайской цивилизации, обрел вторую жизнь.

Механизация, удобрения и гербициды (Китай стал их крупнейшим мировым производителем и потребителем) повысили продуктивность аграрного сектора и высвободили огромную массу живого труда, который был перераспределен из сельского хозяйства, натурального по происхождению, в промышленность, строительство и другие отрасли. Одновременно доступ к интеллектуальным и природным ресурсам внешнего мира позволил ему соединить свой главный капитал — простую рабочую силу с высоко технологичными отраслями современного производства, испытывавшими в Европе и Северной Америке дефицит дешевого ручного труда.

Вместе с тем экономический рост не породил непреодолимо острых социальных конфликтов. Это важнейшее достижение китайской цивилизации, для которой наибольшую угрозу всегда представлял не недостаток материальных благ, а недоверие к власти, сомнение в ее нравственном превосходстве и способности решать социальные проблемы.

Однако с быстрым экономическим ростом в последние десятилетия неразрывно связаны все центральные проблемы его развития. Избранная на рубеже 1980-х гг. экономическая модель была ориентирована на быстрый рост совокупных показателей, рост «совокупной государственной мощи». В сущности, эта модель индустриально-промышленной фазы развития была единственно возможной для Китая, поскольку позволяла в максимальной степени использовать его конкурентные преимущества — дешевую рабочую силу. По валовым экономическим показателям Китай уверенно включается в число мировых лидеров. Однако его экономический рост сопровождался крайне сдержанным технологическим развитием. Этот «рост без развития» до сих пор связан с увеличением объемов живого ручного труда, а главной его проблемой по-прежнему является избыток рабочей силы и ее низкое качество.

К этому следует добавить, что традиционная для Китая модель взаимодействия с окружающей средой не способствовала формированию в его культуре ответственного отно-

шения к последствиям преобразования природы, которое всегда было максимально деликатным, не вело к ее разрушению и, следовательно, не требовало выработки особых мер и норм по ее защите. В отличие от техногенной Европы, где инициатива и ответственность формировались параллельно на протяжении столетий, в Китае распространение частной инициативы усиливает негативные побочные проявления роста. Следствием этого является соответствующий характеру труда и качеству рабочей силы рост отходов производства, в отличие от сельскохозяйственных не утилизирующихся природой автоматически, высокая энергоемкость и материалоемкость продукции, загрязнение окружающей среды и т.д., т.е. низкая эффективность.

В начале XXI в. руководству КНР стало окончательно ясно, что мир, в который Китай встраивался последние 150 лет, уходит в прошлое, и, несмотря на высокие темпы, рост достигается устаревшими методами. На пути к созданию инновационной экономической модели КНР предстоит дать ответ на несколько серьезных вызовов. Прежде всего, вновь конвертировать имеющиеся цивилизационные ресурсы в новые ценности развития.

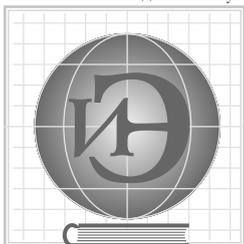
Для практического решения этой задачи необходимо преодолеть ряд трудностей, вызванных цивилизационной спецификой. Несмотря на рост финансирования, эффективность вложений в науку остается очень невысокой. Частично это объясняется тем, что традиционной китайской культуре не свойственно агрессивное проникновение в природу, на которое способна западная цивилизация. Китайцы непревзойденные мастера совершенствовать все, что уже принадлежит человечеству, но не создавать принципиально новое, чреватое масштабными и деструктивными изменениями.

Очевидно, что в отличие от предыдущего состояния, которое требовало заимствований и стандартизации, определявших стратегию успеха при вхождении в «цивилизованный мир», выход из кризиса требует другой стратегии — инновационной, всегда индивидуальной по своему характеру.

Как только Китай согласился подвергнуть трансформации свою идентичность, преодолеть цивилизационную инерцию и измерять себя по универсальным критериям, он вновь встал в первый ряд мировых держав, подтвердив свой высокий цивилизационный статус, важнейшей чертой которого, как сейчас стало ясно, является мощный, но несимметричный ответ на вызовы внешнего мира. До сих пор пространство китайской экспансии ограничено направлением и глубиной западного проникновения в Китай, т.е. до последнего времени имело глобальный экономический характер.

Наступившая неопределенность, свойственная переходным эпохам, предполагает существование альтернативных сценариев мирового развития. Великими державами всегда считались страны, способные на историческую инициативу. У Китая сегодня есть шанс предложить миру альтернативу, в которой традиционные ценности могут обрести продолжение. Мобилизационный тип развития, который в свое время предложил СССР, чтобы догнать мировых лидеров, Китай сейчас готов переосмыслить, но уже для того, чтобы найти ответы на новые вызовы.

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

Сайт: www.inecon.ru

Научное издание

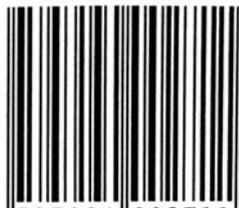
Вестник научной информации № 3, 2009
Тематический выпуск

Институциональный анализ китайской
модели: теоретическая дискуссия и прогноз
(материалы круглого стола, Москва, ИЭ РАН, 16 апреля 2009 г.)

Дизайн серии *Валериус В., Ахмеджанова В.*
Редактор *Ермолаев А.*
Корректор *Зарецкая И.М.*
Компьютерная верстка *Мисюрин Г.*

Подписано в печать 14.10.2010.
Заказ № 71. Тираж 500 экз. Объем 9 уч.-изд. л.
Отпечатано в ИЭРАН

ISBN 978-5-9940-0271-1

9 785994 002711